

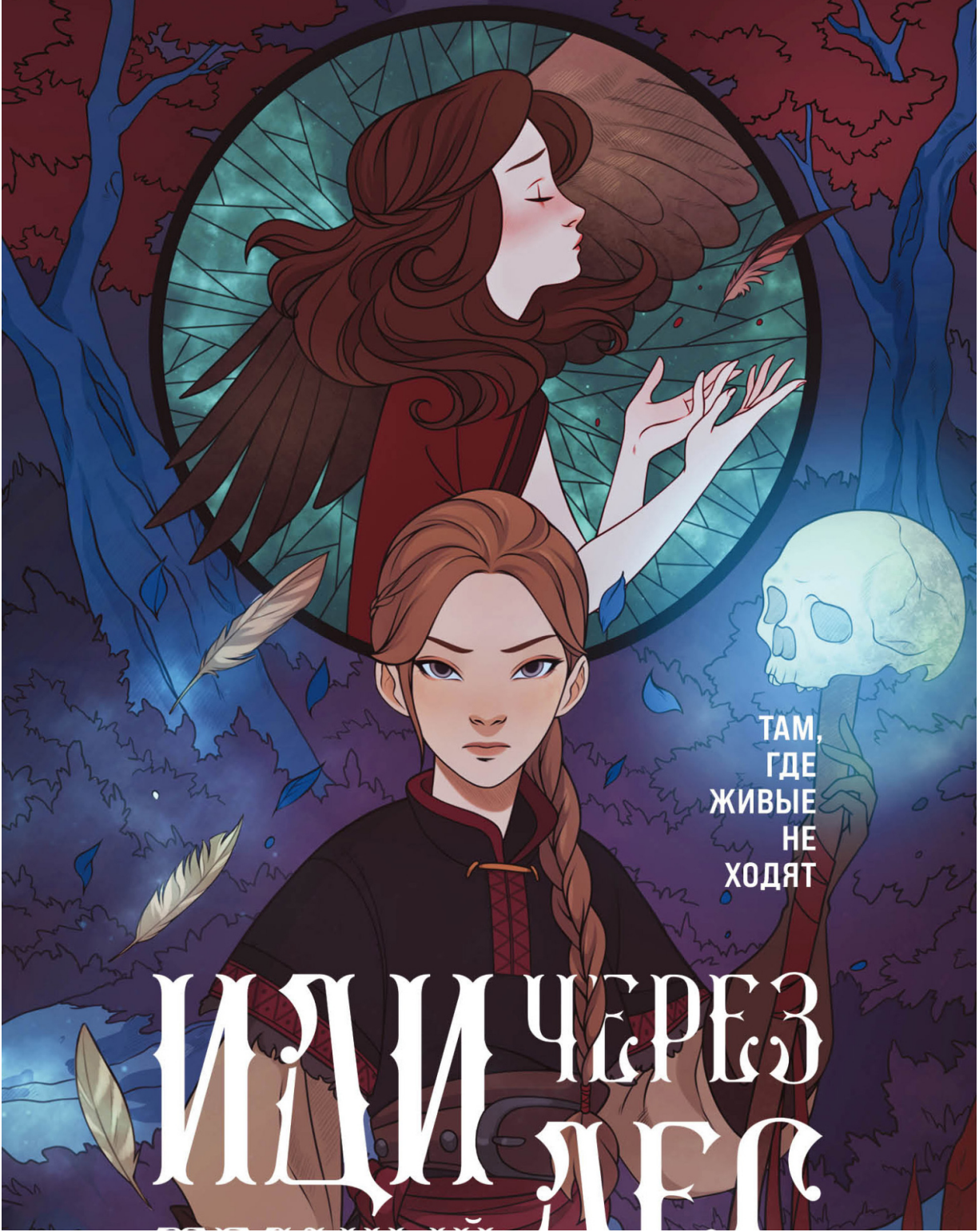
ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН



ТАМ,
ГДЕ
ЖИВЫЕ
НЕ
ХОДЯТ

ИДИ ЧЕРЕЗ ТЕМНЫЙ ЛЕС.

ДЖЕЗЕБЕЛ МОРГАН



ТАМ,
ГДЕ
ЖИВЫЕ
НЕ
ХОДЯТ

ИДИ ЧЕРЕЗ ЛЕС





t.me/marketologmanager

Джезебел Морган

Иди через темный лес

*Посвящается всем, кто потерялся в
темном лесу и идет на свет.*

1. Три соколиных перышка

Утром я нашла на подоконнике три соколиных пера.

На белом пластике они смотрелись совершенно неуместно. Может, в деревенской избе, где под потолком сушатся пахучие травы, либо в охотничьей сторожке, пол которой устлан хвоей, стружкой да сухими листьями, соколиные перья не бросались бы в глаза. Но за тонким стеклом высились унылые многоэтажки и ветер пригибал дым, тянувшийся с ТЭЦ.

Я точно помнила, что, когда я за полночь погасила настольную лампу, подоконник был чист.

Марья, моя младшая сестра, только просыпалась, нежась под одеялом и растягивая последние, самые сладкие пять минут. И когда только успела протащить перья мимо меня?

Я тряхнула ее за плечо:

– Эй, вставай!

Не обращая внимания на возмущенное хныканье, я вытащила сестру из-под одеяла и указала на перья:

– Твое? Сколько раз просила, убирай за собой мусор!

Марья сонно нахохлилась, переводя взгляд с подоконника на меня, и огрызнулась:

– Даже если мое, тебе-то какое дело?

– Хватит разбрасывать вещи. Либо убери, либо выбрось. Иначе выкину сама!

– Только попробуй, – прошипела она и, вывернувшись из моей хватки, демонстративно громко топая, ушла на кухню.

Я медленно выдохнула, унимая раздражение. Обязанности по уборке уже давно повисли на мне камнем, и видеть подобное неуважение к собственному труду... мягко говоря, надоело. В этот раз я решила не потакать капризам Марьи и выбросить перья, даже протянула к ним руку, но что-то меня остановило.

Где Марья могла раздобыть перья дикой птицы? Я ни секунды не сомневалась, что она не ободрала несчастную галку или сороку: раз увидев, перья сокола уже ни с чем не спутаешь. Огромные, серо-черные, они приковывали внимание и не давали отвести от себя

взгляд. Откуда им взяться в нашем районе, застроенном домами настолько плотно, что даже сухие листья лишь изредка залетают во двор вместе с порывами пронизывающего ветра? Кто дал их сестре? Спросить бы ее – но не ответит, я для нее не авторитет. А мать... мать уже давно вспоминает о нашем существовании, только когда мы сталкиваемся на кухне.

Пронзительно тренькнул будильник – пора выпроваживать младшую в школу и бежать в университет. Резко, пока не успела передумать, я сгребла перья и, скомкав их и сломав, отнесла в прихожую. Выброшу по дороге на остановку, вместе с остальным мусором.

* * *

После пар мне необходимо было успевать в офис, строго до пяти часов. Никакие объяснения про семинары, подготовку к сессии, пробку в центре города, в конце-то концов, не могли тронуть черствое сердце моей начальницы. Я подрабатывала вечерним секретарем: разгребала бумажные экскременты дневной жизнедеятельности офиса, сканировала многостраничные договоры, раскладывала документы по папкам. Эти авгиевы конюшни я прибирала до девяти вечера, пока не закрывался бизнес-центр, а потом бежала на остановку, подгоняемая страхом упустить последнюю маршрутку в наш спальный район.

Вот и сегодня я едва на нее успела. Уже в салоне, устроившись у запотевшего окна, проверила пропущенные вызовы на телефоне. Звонили мне редко – контакты с одноклассниками я свела к минимуму, семья обо мне вспоминала, только когда нужно было оплатить коммунальные услуги. Но я всегда отключала звук на время работы, чтобы ничто не отвлекало от сомнамбулического перекладывания бумаг.

Но сегодня пропущенных было пять, и все от Марьи. Пока шли гудки, я нервно барабанила пальцами по спинке сиденья, даже боясь представить, что могло случиться с сестрой.

Через десять секунд длинные гудки сменились короткими.

Я с раздражением уставилась на погасший экран. Скорее всего, сестра снова психует из-за каких-то пустяков, и ничего серьезного не произошло, но все равно всю дорогу до дома я нервно покусывала губы.

Марья валялась на незастеленной кровати, даже не переодевшись после школы. Как только я вошла, она бросила на меня сердитый взгляд и уставилась в книгу, старательно меня игнорируя. Когда уже закончится у нее переходный возраст? Ее выкрутасы с каждым днем все сильнее и сильнее выводили меня из равновесия.

– Ты звонила, – миролюбиво произнесла я, переодеваясь в домашнее. Марья недовольно процедила, даже не удостоив меня взглядом:

– Я принесла новые перья. И только попробуй их выбросить!

Сдержав разгорающееся раздражение, я медленно подошла к окну, до последнего не желая смотреть на подоконник.

Три соколиных пера лежали у самых оконных створок, словно никуда я их и не выбрасывала.

– Марья, – как можно спокойнее сказала я, – пойми, я не против твоих увлечений. Я всего лишь прошу, чтобы ты не разбрасывала свой мусор по всей комнате. Просто убери их.

Сестра даже глаз на меня не скосила и демонстративно перевернула страницу. Я вспыхнула и вырвала книгу у нее из рук.

– Слушай, избавь меня от своих капризов. Мне приходится учиться и работать, чтобы тебе было что есть и в чем в школу ходить. Я веду хозяйство. Одна, даже о помощи не прошу. Так прислушайся же хоть раз к моей просьбе!

Марья не выдержала и, вскочив, заорала в ответ:

– Вот не надо мне тыкать тем, что ты меня кормишь! Я из-за этого по стеночке ходить не буду только для того, чтоб вашей светлости не мешать! Я тебе не оплаченная прислуга, чтоб все по твоему желанию делать!

Ее вспышка злости почти отрезвила меня. Я попыталась успокоиться, но накопившееся раздражение рвалось наружу.

– Нет, ты просто иждивенка, не имеющая права голоса! Хочешь, чтобы к твоему мнению тоже прислушивались – так докажи, что заслуживаешь этого.

Марья яростно прищурилась.

– Я не обязана что-то тебе доказывать! И не командуй мной!

– Просто убери их с подоконника, – снова предложила я, не желая продолжения бессмысленного спора.

– Вот еще!

– Тогда я их выкину.

Марья только гаденько улыбнулась.

Я пожалала плечами и, прежде чем сестра успела опомниться, распахнула окно и вышвырнула перья в темноту. В комнату ворвался пронизывающий порыв ветра, принесший холод и стылый запах мокрой улицы.

– Сука! – взвыла Марья и в ярости унеслась на кухню.

Я устало прислонилась лбом к холодному стеклу. Десять, девять, восемь... окно запотело от дыхания. Накатила опустошающая усталость, и собственные действия уже не казались мне правильными. Раздражение и на Марью, и на себя ворочалось внутри, неприятно сдавливало нутро.

Сестра игнорировала меня до поздней ночи. Сидела без света на кухне, боясь привлечь внимание матери. Я часто ругала и отчитывала ее, но любя, – мать же могла запросто накинуться с кулаками за включенный на кухне свет в неурочный час.

Хочет обижаться – пусть. Я спокойно досчитала свою лабораторную работу и взялась за работы наших «денежных дубов» – то ли тупых, то ли ленивых одноклассников, готовых платить за то, чтобы кто-то делал задания вместо них. Платили, конечно, мало: клубы и бары – увлечения не из дешевых, но даже такие деньги меня устраивали.

Когда я обессиленно откинулась на спинку стула, на часах уже было два ночи. Количество сделанных работ едва перевалило за половину, и оставшиеся не вызвали ничего, кроме отчаяния пополам с отвращением. Стоило подумать о дальнейшей работе, как сразу же разболелись запястья и кончики пальцев. Конечно, можно было бы пожертвовать сном и доделать все сегодня, но Марья, эта упрямая дурында, так и будет сидеть на кухне, пока я не усну! Мне-то к такому ритму не привыкать, но младшая не выдержит и свалится в школе.

Я с усилием помассировала уставшие глаза. В конце дня кажется, что, сколько бы проблем я ни решила, их становится все больше и больше, они громоздятся друг на друга, сливаются в одну, отвратительную и иррационально-уродливую, неподъемную, как сизифов камень. В такие ночи я сижу над чужими курсовыми до рассвета или лихорадочно ищу варианты новой подработки. Перед глазами стоит бесконечный список моих «должна»: должна платить за

квартиру, лечить мать, поддерживать сестру, оплатить ей университет, кормить ее, заботиться о ней...

И ничего не должна – себе.

Я заставила себя педантично навести абсолютный порядок на столе, прежде чем потушить свет настольной лампы и лечь в кровать. Через несколько минут слышались медленные осторожные шаги – сестра крадучись возвращалась в комнату. Замерла над моей кроватью, словно едва удерживаясь от плевка в лицо, быстро переделась и закопалась под одеяло.

Даже дневные обиды не могли нарушить ее сон. Я лежала с закрытыми глазами и слушала дыхание сестры, шорохи и скрипы спящего дома, приглушенный шум улицы. Мрачные мысли теснились в голове, заставляя раз за разом переживать ссору, искать новые аргументы, по-другому строить диалог, до бесконечности спорить с воображаемой Марьей. Но стоило решить, что снова пролежу без сна до рассвета, как я провалилась в болезненную лихорадочную дрему.

Завернувшись в одеяло, я все равно тряслась от пронизывающего холода, словно пытаюсь спрятаться от голодного, льдом обжигающего взгляда. Чье-то злое присутствие ощущалось, как огромная угловатая тень, упавшая на постель. Даже дышать было страшно, быстрый стук сердца казался оглушительно громким. Дрема верно переходила в глубокий кошмар, и я усилием воли заставила себя проснуться.

Рывком сев на кровати, я отдышалась и утерла испарину со лба. Комнату освещали только электронные часы – 3:19. Меня еще потряхивало от озноба, хотя было душно, пижама впитала пот и неприятно липла к телу. Расставшись с надеждой выспаться, я покосилась на кровать Марьи – она спала, раскинувшись звездой, и одеяло почти сползло с нее на пол. «Замерзнет», – промелькнула в сонном сознании мысль, и я, верная своему долгу, встала ее укрыть.

Уже разглаживая складки на одеяле, я услышала тихое постукивание, будто узловатая ветка, как усохший палец ведьмы, требовательно барабанит по стеклу. Оборачиваться не хотелось. Ну какие ветки, до ближайшего дерева пятнадцать минут быстрым шагом!

Не поднимая глаз, я быстро нырнула под одеяло, чувствуя подступающий липкий страх. Стараясь себя убедить, что это всего лишь продолжение сна, устала в стену. Здравый смысл подсказывал, что стоит взглянуть в окно, убедиться, что нет там

ничего, но никакая сила сейчас не заставила бы меня к нему повернуться.

В этом болезненно напряженном состоянии каждый звук, каждый шорох звучал громче и отчетливее. Стук сменился вьедливым шелестом, словно огромная птица расправляла крылья. Клацнули по внешнему подоконнику когти. Снова раздался стук – нарастающий, требовательный.

Марья вздохнула во сне и заворочалась. Одеяло вновь начало сползать на пол.

Я и не думала поворачиваться к окну. Тех нервов, что у меня остались, не хватит, чтобы смотреть в глаза своим ночным кошмарам. Я вжималась в подушку, до побелевших костяшек хватаясь за одеяло, ждала, когда наваждение сгинет, и, наконец, дождалась – за окном метнулась тень, и ощущение изучающего взгляда исчезло. В комнате немного посветлело, словно серебряная монетка полной луны вынырнула сквозь прореху на брюхе туч и заглянула в наше окно.

Не хочу знать, что это было. Просто не хочу знать.

* * *

Утром на подоконнике снова лежали перья. Точь-в-точь такие же, как и вчера, словно никто их и не выбрасывал. Могу поклясться, что они лежали даже на том же месте, будто бы к ним и не прикасались со вчерашнего утра. Я заставила себя не думать, откуда они взялись.

Марья убежала в школу молча, едва успев проглотить бутерброд на завтрак. Я же все еще сидела в комнате и, не отрывая взгляда, смотрела на перья. С ними что-то было не так... слишком «не так» даже для перьев, появляющихся за закрытым окном.

Тренькнул последний будильник, напоминающий, что еще чуть-чуть, и я вообще никуда не успею. Стараясь не поворачиваться к окну спиной, я подхватила сумку и вышла из комнаты, плотно закрыв дверь.

Только на улице, ежась под порывами промозглого ветра, я запоздало поняла, что же меня так нервировало.

Запах.

От перьев едва уловимо тянуло сладковатым запахом мертвечины.

2. Мертвая птица

Весь день на периферии зрения мерещились огромные птицы, но стоило резко повернуться – и они пропадали. Естественно, сосредоточиться хоть на чем-то, кроме ночных страхов, не удавалось. В перерыве между лекциями я выпила две чашки кофе и попыталась внушить себе, что во всем виноваты усталость и мнительность.

Не помогло.

По дороге на работу меня то и дело накрывала тень проносящейся в вышине птицы. Раньше я не обратила бы на это внимания: ну мало ли в центре города голубей и ворон, ну летят себе и летят – главное, чтоб сверху не гадили! Сейчас же я вздрагивала от любого крылатого силуэта.

Нужно попить валерьянки. Определенно.

Обычно я радовалась, когда кто-то из работников задерживался в офисе: было неуютно оставаться одной в пустом помещении, слушая тихое потрескивание ламп. Но сегодня мне хотелось покоя, хотелось спрятаться за банальными и привычными стопками документов и забыть обо всех кошмарах. И я едва сдерживала нетерпение, выпроваживая сисадмина, вдруг решившего задержаться.

– Солнышко, неужели ты так мне не рада? – притворно возмутился Паша, весело скаля зубы.

– Паша, – я говорила медленно и спокойно, как будто объясняла маленькому и капризному ребенку, что шоколадку ему не купят. – Ты видел, сколько мне нужно отсканировать? Между прочим, это не вся работа на сегодня. Не отнимай мое время, пожалуйста.

– О, как жестоко твое сердце, раз ты лишаешь меня единственной радости – любоваться твоим прекрасным и суровым ликом!

– Социальные сети и фотографии к твоим услугам. Любуйся, сколько влезет.

Я решила игнорировать настырного коллегу и начала демонстративно сканировать многостраничный договор. Натужно загудел сканер.

– Неужели ты даже откажешь в свидании скромному рыцарю сервера и клавиатуры, который благородно скрывает от злой и

страшной Крейсерши, что вместо работы ты в интернете сидишь? – коварно прищурившись, поинтересовался Паша, нависая над моим столом.

Я недоуменно уставилась на него поверх монитора. Крейсершей «нежно» и за глаза называли недавно назначенную главу отдела – она отличалась необъятными размерами и мерзейшим характером.

– О чем ты? Я здесь интернетом не пользуюсь – времени нет.

– А если я скажу, что пользуешься? Потому так мало и успеваешь, – ухмыльнулся Паша. – Как думаешь, кому наш Крейсер поверит?

У меня слов не нашлось, чтобы ответить на такую наглость, и я мстительно швырнула в него ручкой. Паша с хохотом увернулся и шмыгнул за дверь.

– Ну, ты подумай! – донесся из коридора его довольный голос. Я же осталась в некотором ошеломлении переваривать его заявление, машинально сканируя документы, страница за страницей.

Угроза была не такой уж и пустяковой. Крейсерша, казалось, ненавидела всех людей поголовно, особенно своих молодых коллег. Девочка-секретарь, работающая в первой половине дня, уже сбежала от такой начальницы-самодурки. Мне бежать было некуда, приходилось сжимать зубы и улыбаться, идеально выполняя работу, чтобы придрататься было не к чему.

Пашу же Крейсерша, наоборот, выделяла, с его-то разрядом мастера спорта по подлизыванию. Если он начнет стучать, начальница даже доказательств не потребует: «Ой, Пашенька, я же все равно ничего не смыслю в этой вашей навороченной технике!»

От мрачных мыслей я отвлеклась, только заметив, что сканирую договор по второму кругу. Выругавшись сквозь зубы, я придвинула к себе пачку счетов-фактур.

С каждой минутой все сильнее разгорались гнев и обида – нервное напряжение, сковавшее меня с утра, наконец, нашло выход. Цифры мелькали и расплывались перед глазами, я машинально вбивала данные о поставках, жалея себя и лелея злость на Пашу. В конце концов, меня начало потряхивать от едва сдерживаемой ярости, словно Крейсерша уже устроила мне разнос и отправила искать другую работу.

С отвращением оттолкнув от себя последний бланк, я ринулась в интернет, уверенная, что терять уже нечего. Я всего лишь хотела обновить резюме и уже сейчас подыскать себе новое место, но детская, беспомощная обида и желание поквитаться заставили вбить в поисковую строку другие слова.

Я ничего не могла сделать Паше, я никак не могла защититься от клеветы и шантажа – но болезненное чувство справедливости требовало сделать хоть что-то. На что опирается женщина, понимающая всю бездну своей слабости и незащитности? На что она надеется, желая причинить боль тому, кто вне досягаемости? Что вспоминает?

Сказки и суеверия, сплетни о приворотках и порчах, заговоры и ритуалы. Иногда мне кажется, что подлое мелочное ведовство у каждой женщины в крови.

Заговор на богатство, приворот, отсушка, порча... Я мельком просматривала страницы в браузере и сразу удаляла их из истории, не желая облегчать Паше работу. То ли интуиция, то ли здравый смысл подсказывали – это все не то: фальшь и наигранность ощущались в каждом слове. Я уже успела успокоиться и обозвать себя круглой душой, когда наткнулась на небольшую статейку о магических свойствах бытовых предметов. Круги из соли, двенадцать ножей для превращения в волка, иглы, используемые и для проклятий, и для защиты от них – все это было настолько похоже на сказки, что вызывало раздражение и тоску по детству одновременно.

Я устало спрятала лицо в ладони. Вспышка злости прошла, и теперь мое желание проклясть Пашу казалось настолько глупым, что у меня щеки начали гореть от стыда. С усилием проведя по векам, я заставила себя успокоиться и завершить работу. И так потратила слишком много времени на какую-то чушь.

Ровно в девять вечера я вышла из здания бизнес-центра, но маршрутки на остановке не было. Первые пять минут я верила, что она опаздывает, через десять заподозрила, что она уже уехала, а через двадцать – была свято уверена в этом. Сегодня словно все обернулось против меня! На глаза снова навернулись слезы, а ладони похолодели от бессильной злобы. И что мне делать? Разве что бежать к проспекту, надеясь поймать хоть какую-то маршрутку в мой район.

Я решительно направилась к перекрестку, почти срываясь на бег, – скорее в попытке согреться, чем в надежде успеть на маршрутку. Я уже смирилась с необходимостью идти домой пешком: не в первый раз. Больше было жаль не себя, а времени, которое я могла бы потратить с большей пользой, чем шляясь по неосвещенным улицам. Маршрут мне предстоял не из приятных: сначала безлюдный проспект, где еще проносились редкие автомобили, затем мост, два квартала по набережной или наискось через парк и – наконец – по лабиринту спального района, среди многоэтажек-близнецов.

Может, Москва никогда не спит, но в нашем провинциальном городке после десяти часов ночи даже гопников не встретить. С наступлением непроглядной темноты, когда изломанные силуэты болезненных городских деревьев становятся подобны лесным монстрам, люди уступают город обитателям своих забытых страхов.

От гопников хотя бы убежать можно. А вот от собственных мыслей – нет.

На проспекте еще горели фонари, и тени голых деревьев казались хищными костлявыми лапами с длинными изломанными пальцами, готовыми сомкнуться вокруг моей тени. Под ногами чавкали бурые отсыревшие листья, лужи уже начали по краям обрастать хрупким черным ледком. Я непроизвольно замедлила шаг, пытаясь продлить самую спокойную часть пути, но тут же отвесила себе мысленный подзатыльник – и так доберусь до дома к полуночи!

Через мост я почти бежала. Меня подгонял даже не ветер – осознание, что Марья дома одна. В памяти всплыл вчерашний ночной кошмар, и меня прошиб озноб. Предчувствие беды, нахлынувшее, словно волна, не желало меня покидать, и я бежала все быстрее и быстрее, пока по спине не заструился пот, хотя пальцы мои уже побелели от холода.

Не раздумывая, я бросилась через парк, желая срезать дорогу и выгадать лишние десять минут, заставив себя забыть, что мимо него даже в полдень стараются не ходить. Пока я бежала по узким неровным дорожкам, меня не покидало ощущение чьего-то пристального взгляда в спину. Пару раз я останавливалась и напряженно осматривалась, но темнота была абсолютно непроницаема для глаз. Зато все шорохи, днем совершенно неслышимые, сейчас звучали так отчетливо, что каждый раз я вздрагивала всем телом и

вжимала голову в плечи. Я убеждала себя, что это всего лишь птицы молча слетают с ветвей.

Но только после вчерашнего кошмара это меня не успокаивало.

Когда в конце парка показались далекие огоньки окон жилых домов, я не выдержала и сорвалась на бег, оскальзываясь на влажной земле. Сразу же возникла уверенность, что меня преследуют, что монстр, который всю дорогу крался за мной, нагоняет огромными тяжелыми скачками, и его затхлое дыхание бьется в спину.

Я пробежала насквозь несколько дворов, прежде чем перейти на шаг и отдышаться. Мне удалось убедить себя, что никто за мной не гонится, но чувство, что я непоправимо опаздываю, никуда не исчезло. Я выдохнула и снова пустилась бежать мимо длинных безликих зданий. Время ускользало, и никакие рациональные объяснения не могли меня успокоить.

Ночь – вообще не время для рационального и логичного.

С головой уйдя в свои переживания, я напрочь забыла о коварной кочке возле самого дома. Вернее, я о ней вспомнила, конечно... но уже после того, как полетела на землю. С тихим стоном села на асфальте, брезгливо отряхивая руки. Правая лодыжка пульсировала болью – кажется, вывихнула.

Хотелось разрыдаться от несправедливости мира, выплакать все дневные обиды, всю накопившуюся усталость, но я загнала поглубже воющий всхлип и заставила себя отложить истерику. Не сидя же в грязи предаваться рефлексии?!

Я медленно поднялась, стараясь не опираться на травмированную ногу, и заковыляла к подъезду. Пребывая в мрачной уверенности, что лифт не работает, я все же нажала на кнопку вызова и была приятно удивлена, когда передо мной разъехались его дверцы. Еще приятнее я удивилась, когда спокойно доехала до своего этажа, даже нигде не застряв. Честно говоря, сегодня я уже была готова к любой беде.

Как можно тише отперев входную дверь, я просочилась в квартиру. Подвернутая нога предательски норовила подогнуться, но я заставила себя доползти до комнаты, понимая, что если упаду на пол, то просто не найду сил подняться.

Руки от холода совсем потеряли чувствительность, и мне не сразу удалось повернуть ручку двери. Петли предательски скрипнули, и я даже успела испугаться, что разбужу Марью, но...

Но Марья не спала. Она стояла, покачиваясь, в центре комнаты, с неестественно прямой осанкой и безвольно обвисшими руками. Я не видела ее лица, но почему-то была уверена, что глаза ее широко распахнуты, а зрачки такие огромные, что занимают всю радужку. Как лунатик, она заторможенно сделала шаг к окну. А за окном...

Ох!

Снаружи на карнизе сидела огромная птица, чуть ли не с десятилетнего ребенка размером. Редкие облезлые перья не скрывали тонкую пергаментную кожу, лопнувшую в нескольких местах и обнажившую сероватые кости. Гноящиеся желтые бельма скрывали глаза. Черный клюв влажно блестел, его загнутый острый кончик почти касался стекла.

Я не знаю, как эта тварь удерживалась на хлипком карнизе, прогибающемся даже под голубями. И как не оставляла следов от мощных когтей. Я уже не сомневалась, что именно этот монстр прилетал вчера ночью и следил за нашим сном.

Птица распахнула клюв в беззвучном крике, но Марья услышала. Она крупно вздрогнула всем телом и потянулась распахнуть окно. Протестующе вскрикнув, я метнулась к сестре и, обхватив поперек живота, оттащила подальше, чудом не дав ей дотянуться до створок окна. Боль в травмированной лодыжке отступила на второй план, а страх заглушил все остальные чувства.

Под пристальным взглядом птицы я волокла несопротивляющуюся сестру к двери, с трудом выдыхая воздух сквозь стиснутые зубы. До чего же она тяжелая! Разъелась на дармовых харчах, вот выгоню ее самостоятельно зарабатывать на хлеб, мигом похудеет! Неблагодарная лентяйка, костерила я в мыслях сестру, прижимая ее к себе все крепче и крепче. Понимала: стоит ее выпустить, и она снова с блаженной улыбкой поковыляет к окну, навстречу к птице и смерти.

Я старалась не поворачиваться к птице спиной, не спускала с нее напряженного взгляда. Казалось, стоит мне отвернуться, и она легко пролетит сквозь стекло, вцепится в безвольное тело Марьи и вырвет ее у меня из рук. Или сожрет тут же, при мне. Как бы ни злила меня Марья, ни выводила из себя, я никому, никому не позволю причинить ей вред! Ведь защищать ее – мой долг.

Ненавистное слово колоколом отозвалось внутри, и травмированная нога подвернулась. С гневным стоном я осела на пол,

все еще сжимая сестру. До двери оставалось меньше метра! Вот только сил мне не хватит ни чтобы встать, ни чтобы вытащить Марью.

Во взгляде птицы смешались насмешка и торжество, словно мы обе уже оказались в ее когтях: охота увенчалась успехом, и началась игра еще интереснее – с жертвой. Ну, мышки, сможете ли проскользнуть между острых когтей? Как далеко убежите, прежде чем тяжелый клюв опустится сверху, дробя черепные кости?

Я сидела на холодном полу и тряслась от страха. Оглушительно громко тикали часы, но время не двигалось: даже пылинки в блеклых лучах уличных фонарей застыли посреди полета. Мой кошмарный сон ожил, и теперь его черный отчетливый силуэт казался реальнее меня самой. Но самым ужасным было не это.

Обмякшая Марья спокойно лежала на моих руках, словно спала. Только взгляд ее не отрывался от огромной птицы, и она улыбалась ей – улыбалась так, словно видела что-то невообразимо прекрасное и желанное.

Я не знаю, сколько мы так просидели – под пристальным птичьим взглядом я не решилась пошевелить даже шеей, и тело, застывшее в напряженной, неудобной позе, намертво затекло. Я ощущала только мягкую ткань пижамы сестры под пальцами – я так сильно вцепилась в ее плечи, что утром на ее коже точно проступят синяки. Щеки холодили мерзкие слезы страха – неостановимые и мелкие.

Я пыталась прочитать «Отче Наш», но каждый раз сбивалась после «царствие Твое». Когда я с трудом выталкивала слова молитвы из горла, птица издевательски наклоняла голову, словно прислушивалась: что ты там бормочешь, мышка? Даже я тебя не слышу, разве услышит твой бог?

Он не слышал, о да.

3. Иглы на подоконнике

Птица исчезла незадолго до рассвета: не улетела, не испарилась, а просто исчезла, словно все это время была не более чем галлюцинацией. Сомнамбулическое состояние Марьи сменилось крепким глубоким сном, и она обмякла на моих руках.

Меня колотил озноб. Я еще долго сидела на полу, не сводя с окна слезящиеся от напряжения глаза. Только когда первые солнечные лучи заглянули в комнату, я нашла в себе силы подняться. Ноги затекли без движения, в подвернутой лодыжке стреляло болью. Марья так и не проснулась, пока я с трудом, едва сдерживая стон, тащила ее на кровать. Спящая сестра стала на удивление серьезной: нахмурил брови и в ниточку сжав губы, она сосредоточенно смотрела сны. Надеюсь, обычные сны, а не кошмар про огромную мертвую птицу.

В том, что птица была не кошмаром, а кошмарной реальностью, я убедилась, взглянув на карниз снаружи. На металле остались глубокие царапины и вмятины, рядом темнели густые и вязкие капли. Я не сомневалась, что, если открою окно, мне в нос тут же ударит запах гнили и разложения.

Я решительно взялась за телефон. Сегодня пятница, могу сказатьсь больной и откреститься и от учебы, и от работы. Мне нужно время, чтобы защитить сестру от адской птицы, и я не собираюсь его терять.

После бессонной нервной ночи у меня в голове что-то щелкнуло, и сложился пазл из вчерашних статей про обереги, сказок и страшилок. Я понимала, что тварь, прилетавшая ночью, не существует в обыденном рациональном мире, просто потому что не может существовать. Она – порождение потустороннего мира, выбравшееся из сказок и страшных легенд, и бороться с ним следует методами из сказок.

Я развернулась и, прихрамывая, покинула комнату.

* * *

«...и тогда сестры воткнули в окно ей ножи острые и иглы железные, чтобы прилетел Финист да изранил крылья...»

Иглы острием вверх служат оберегом от незваных гостей.

Нечисть всегда отгоняли железом.

Я чувствовала себя круглой дурой, но, когда все рациональные средства бессильны, приходится прибегать к иррациональным.

До пробуждения Марьи я успела набрать по всей квартире иголок и гвоздей. Ножи братъ не стала – вряд ли современная нержавейка будет так же эффективна против сказочной твари, как старое доброе холодное железо.

Пока я потрошила домашние запасы гвоздей и инструментов, об меня споткнулась мать, злобная, как бешеная собака. Она попыталась устроить очередной скандал с рукоприкладством, но наткнулась на мой взгляд, сдулась и убрела на кухню, к бутылке.

– Что ты делаешь? – враждебно спросила Марья из-за спины. Я как раз закончила соскабливать с внешнего подоконника бурые капли то ли крови, то ли гноя. От них действительно пахло, но не так сильно, как я боялась. – Да ты вообще психованная – окна осенью открывать! Холодно же!

– Холодно – оденься.

Бессонная ночь, измотавшая мне все нервы, притупила эмоции. Раньше я бы огрызнулась на сестру, рыкнула, чтобы она под руку не лезла, сейчас же просто отмахнулась, не отвлекаясь от своего занятия. Мне нужно придумать, как прикрепить гвозди и иглы к пластиковому окну. Почему-то ничего, кроме изоленты, в голову не приходило.

Марья, кутаясь в одеяло, заглянула мне через плечо, некоторое время наблюдала за моими действиями, а потом спросила, не скрывая издевки и брезгливости:

– Ты что, с матерью пить начала?!

Я коротко оглянулась на нее, смерив равнодушным взглядом, и снова вернулась к гвоздям и иглам.

– Нет, – убежденно произнесла Марья, разглядев мои красные глаза и белое лицо. – Ты наркоманка. Я так и знала, что ты ненормальная агрессивная психичка!

И на этот выпад я не обратила внимания – плевать, что она говорит и что думает, главное, чтобы она была в безопасности. А в зеркале я действительно выглядела ужасно, так, что хотелось перекрестить отражение.

Марья уже унеслась в школу, а я все продолжала медленно и сосредоточенно крепить гвозди к окну. Надеюсь, изолента и скотч их

удержат, и они смогут отпугнуть мертвую птицу. Часть игл я решила прикрепить уже с внутренней стороны стеклопакета, на всякий случай. Последняя линия обороны, которая никого не спасет.

Днем я спала урывками, вздрагивая от каждого шороха, но это всего лишь мать бродила по дому. Наконец сквозь вязкую дрему я услышала, как хлопнула дверь – вернулась Марья. С трудом разлепив глаза, я механически взглянула на время – девятый час, Марья никогда так поздно не приходила. Видимо, хотела как можно дольше не появляться дома, где ее ждали алкоголичка-мать да свихнувшаяся сестра.

Я равнодушно следила, как Марья настороженно заглядывает в комнату, не решаясь войти.

– Заходи уже, не бойся, – вздохнула я. – Не покусаю и даже ругать за позднее возвращение не буду.

– Попробовала бы ты ругать, – проворчала сестра, но зашла, таща рюкзак в опущенной руке и не сводя с меня подозрительного взгляда. Я только криво усмехнулась.

– С тобой сегодня ничего не случилось?

Марья остановилась посреди комнаты, взгляд стал совсем загнанный, как у маленького зверька под когтями совы.

– В каком смысле?

– В прямом. Все было как обычно? Ничего подозрительного не заметила?

– Да, – фыркнула Марья, немного расслабившись, – заметила!

Я напряглась. Почему-то я считала, что птица будет прилетать только по ночам и только к нам, совершенно выпустив из виду, что она могла охотиться за Марьей и днем по всему городу. Да даже если птица боится света, у нее все равно в распоряжении много времени: темнеет рано, а Марья любит шляться где-то допоздна.

– И что же?!

– Что сестра свихнулась, – грубо отрезала Марья и, бросив рюкзак на пол, плюхнулась на кровать и уткнулась в книгу.

Я только обессиленно закрыла глаза. Я обязана ее защитить, но, Господи, она же сама мне мешает!

Ночью я опять не сомкнула глаз: неотрывно смотрела в окно, с замиранием сердца ожидая, что на подоконник опустится огромный крылатый силуэт, просто проигнорировав мои усилия. Но все было

спокойно. Марья посапывала, как сурок, снова невообразимо серьезная и погруженная в сновидения. За окном мелькали какие-то тени, но это вполне могли быть обычные ночные птицы, которых мое воображение превратило в мертвых чудовищ.

Когда на часах замигало 03:00, я заставила себя закрыть глаза и уснуть, понимая, что от всеобщего бдения пользы не будет.

На удивление, кошмары мне не снились. Мне вообще ничего не снилось, словно я закрыла глаза и через мгновение их открыла, привлеченная шорохами у окна. Даже не успев испугаться, что снова прилетела тварь, я подскочила на кровати. В тусклом осеннем свете Марья пыталась отодрать от внутренней рамы иголки. Она сосредоточенно сопела и ничего не замечала.

– Оставь, – хриплым спросонья голосом велела я. Сестра вжала голову в плечи и резко обернулась, чуть ли не пряча ладони за спину. – Оставь, так надо.

– Ты просто рехнулась, – Марья, наконец, выпрямилась и скрестила руки на груди.

– Даже если так, – миролюбиво ответила я, – ты разве не простишь мне этот маленький каприз?

Меня наполняла эйфория от осознания того, что ночь прошла легко и спокойно и Марья, вот она, насупленная, злобненькая, стоит передо мной и привычно огрызается. За то, что все в порядке, что с ней ничего не случилось, что она жива и здорова, я готова была простить ей любое хамство.

Марья фыркнула и удалилась. Я достаточно хорошо знала сестру и понимала: попыток она не оставит. Рано или поздно она вытащит эти иглы, просто чтобы досадить мне. Если я хочу ее защитить, я кровь из носу должна что-то придумать за эти выходные.

Полная самых тяжелых предчувствий, я поплелась умываться. Из зеркала на меня взглянула изможденная бледная девица с воспаленными глазами. Да, такую немудрено за наркоманку принять. Интересно, как только от меня еще в университете сокурсники не шарахаются? В голове крутились обрывки мыслей, но уцепиться за них не получалось. Я ощущала только отупляющую усталость, и в ответ на необходимость что-то делать, о чем-то думать, в груди поднималось темной волной отчаянье. Хотелось свернуться в клубочек и скулить. Хотелось, чтобы меня обняли и пожалели.

Да мало ли что мне хотелось?

Собрав намокшие концы волос в хвост, я слепо толкнула дверь, выходя из ванной, и едва не зашибла стоящую у входной двери Марью. Сестра сжалась и злобно зыркнула на меня из-под упавших на лицо прядей.

– Собралась куда-то? – как можно мягче спросила я. Отпустить ее не хотелось – вдруг и в городе на нее сможет напасть птица?

– Не твое дело!

Я только устало покачала головой. Мне бы все ей объяснить, рассказать, какую жуткую сцену я увидела прошлой ночью, но... Не поверит. Даже выслушать не потрудится. Стоило мне представить, как я говорю об огромных птицах за окном, о ее сомнамбулизме, так у меня сразу немел язык и перехватывало дыхание, словно слова уже застряли рыбьей костью в горле. Я и так ощущала себя дурой, а снова ловить пренебрежительный и испуганный взгляд сестры не хотелось.

– У тебя конец четверти на носу, – напомнила я. – Может, лучше подготовиться к контрольным, чем... – я с трудом проглотила резкое «шляться неизвестно где», – гулять в плохую погоду?

– Тебе-то какое дело до моих оценок? Ты мне не мать!

Это был запрещенный прием, но Марья использовала его настолько часто, что он уже перестал действовать.

– Вот именно – я не наша мать, и я переживаю из-за твоих проблем. Я из кожи вон лезу, чтобы обеспечить тебе будущее. Может, хоть в этом ты мне поможешь?

Сестра набрала в грудь воздуха, словно готовясь к долгому спору, но потом выдохнула, как-то разом успокоившись, и начала расшнуровывать кроссовки.

Весь день я провела за ноутбуком, старательно разыскивая хоть какую-нибудь информацию. Читала форумы, блоги, статьи. Вот только реальных историй было мало, больше – мрачных, но нестрашных выдумок. Складывалось впечатление, что о происходящей жути молчали. То ли старались не будить лихо, то ли считали, что если о чем-то молчать, то оно и исчезнет. Глупо.

Марья уже давно закончила симулировать подготовку к контрольным и теперь в наушниках смотрела сериал на такой громкости, что я слышала отголоски реплик персонажей.

В конце концов, я нашла пару интересных статей и просидела за ними до глубокой ночи, даже не заметив, как в комнате стемнело и единственным источником света остался мой монитор. Марья завалилась спать, с головой спрятавшись под одеяло. Я с нажимом помассировала веки, под которые словно раскаленного песка насыпали.

День оказался потрачен зря.

* * *

Ночью мне приснилось, как Марья неподвижно стоит у окна, блаженно глядя на небо. На лице у нее – все та же жуткая приклеенная улыбка и неподвижные стеклянные глаза.

Конечно же, мне это снилось. Иначе откуда я знаю, что сестра улыбалась?

* * *

Воскресенье началось с воплей. Я подскочила на кровати и бросилась на кухню, спросонья не сообразив, что кричала не Марья. Сама Марья топала за мною следом – инстинктивное любопытство оказалось сильнее ее нелюбви к матери.

Ничего удивительного не случилось – мать снова сломала руку и теперь сидела на полу и рыдала, жалея себя. От ее подвывающих всхлипов начала болеть голова, и я плеснула ей в лицо воды, чтоб она заткнулась. Хотя нестерпимо хотелось отвесить ей тяжелую оплеуху, какие любит раздавать она сама. Марья быстро потеряла интерес к происходящему и, дождавшись, когда я зафиксирую матери руку и уведу ее, спокойно уселась завтракать.

Все повторялось, как по сценарию. Раз-два в год мать умудрялась упасть на ровном месте и что-нибудь себе сломать, каждый раз превращая это во вселенскую катастрофу. С семнадцати лет я брала ее за шиворот и тащила в ближайший травмпункт. Раньше этим занимался отец.

В травмпункте мать уже узнавали и относились к ней со снисходительным пренебрежением. Даже старались принять побыстрее, наложить гипс и отправить восвояси, чтоб она не нервировала остальных непрерывными рыданиями. Но сегодня было неожиданно много пациентов, в коридоре резко пахло кровью и

медикаментами, а на узеньких скамеечках сидели мрачные подростки с ожогами разной степени тяжести. Дохулиганились.

Знакомый врач поздоровался на ходу, сочувственно покивал на рассказ об очередном переломе и даже послал ассистента в кладовку, за стулом для матери. Ждать предстояло долго. Краем уха я прислушивалась к разговору обожженных пацанов – вернее, к тем обрывкам фраз, что пробивались через мамины всхлипы.

Время тянулось утомительно медленно, я физически ощущала, как оно уходит водой из рук, лишая меня возможности защитить сестру. Я тихо бесилась из-за этого, едва сдерживалась, чтобы не наорать на мать, так не вовремя сломавшую руку, на подростков, болтающих без умолку, на врачей, бегающих туда-сюда, но не обращающих на нас внимания. Пару раз даже возникало желание плюнуть на все и свалить домой, оставив мать одну (в конце концов, она взрослый самостоятельный человек!), но ответственность не позволяла.

Чем дальше двигались стрелки часов, тем сильнее на меня накатывал страх, словно я опять упускала что-то безумно важное и необходимое. Я пыталась убедить себя, что Марья дома и в безопасности, но не получалось.

Когда в кабинет позвали мать, я уже едва не приплясывала от нетерпения, проклиная все на свете. Хорошо хоть пацанов уже по домам отпустили, долечивать результаты их смелых экспериментов.

Домой я тащила мать практически за шкуру, постоянно срываясь на бег. Тупая боль в лодыжке только подстегивала, напоминая об ужасной ночи. Когда я увидела, как последний троллейбус в наш район пытается уйти у нас из-под носа, я чуть ли не зарычала и бросилась бегом его догонять. Мать, охая, семенила позади.

– Что ж вы так бедную женщину бегать заставляете? – попенял мне кондуктор на входе, но я одарила его таким бешеным взглядом, что он заткнулся и молча продал нам билеты. Я прикрыла глаза, отсчитывая минуты до возвращения домой.

Только вот бежали мы зря. Через пару сотен метров, даже не доехав до следующей остановки, троллейбус дернулся и остановился.

– Электричество отрубилось, – пояснил мне водитель, раздраженный не меньше меня. Он нервно щелкал пальцами. – Хотите, можете ждать, когда снова поедет, не хотите – идите пешком.

Я с трудом подавила разочарованный вздох. Одна я бы бросилась бежать домой, так меня тянули нехорошие предчувствия. Но мать демонстративно сидела и смотрела в окно, всем своим видом показывая, что с места не сдвинется. Трезвая и заплаканная, она была даже похожа на человека и вызывала жалость, а не омерзение. Мне оставалось только смириться и бессильно наблюдать, как темнеет небо за грязным окном.

Мы вернулись, когда на улице уже горели фонари и тепло и уютно светились окна домов. Я задрала голову, ища наши, но они были темными и безжизненными. На краю сознания промелькнула мысль, что я опоздала и непоправимое случилось, но я запретила себе об этом думать.

Квартира встретила нас холодом и тишиной. Мать, дождавшись, когда я ее разую, поплелась на кухню за бутылкой, даже не пытаясь снять куртку. Я медленно, всячески оттягивая неприятный момент, прошла в нашу комнату.

В распахнутое окно задувал промозглый ветер, он же раскидал все мои бумаги по полу. Настольная лампа Марьи едва мигала, собираясь перегореть.

Иглы были вытащены и с внешнего, и с внутреннего подоконника.

Марьи в комнате не было.

А на подоконнике снова лежали соколиные перья, на том же самом месте, словно приклеенные.

4. Не сходи с тропы

И в чувствах, и в мыслях было на удивление пусто, словно все эмоции выключило одним щелчком тумблера. Я тщательно осмотрела подоконник и, не найдя на нем никаких следов, спустилась с фонариком во двор – обшаривать асфальт под окнами.

Перед глазами так ясно стояло разбившееся тело Марьи, изломанное, почти черное от крови, что мне сложно было убедить себя, что это всего лишь игра воображения.

На земле не было ничего, даже следов. Не могу сказать, что меня это успокоило – неопределенность пугала сильнее, и в сознании жила уверенность, что с Марьей случилось нечто более страшное, чем смерть.

Я отказывалась в это верить. Говорила себе – она просто у друзей, все в порядке, ничего ненормального, сверхъестественного, жуткого. Просто я выгорела и устала, вот и чудится всякое. Надо просто лечь спать, дождаться утра, и все будет по-прежнему, все будет хорошо. Но заснуть не удалось – меня трясло от холода и страха за сестру, и стоило закрыть глаза, как сестра вставала передо мной: то сломанной куклой лежащая на земле, то стоящая в дверях комнаты с обескровленным лицом и выклеванными глазами.

Едва дождавшись утра, с первой маршруткой я понеслась в дежурную часть, писать заявление о пропаже. Сонный дежурный, лысый, с уныло висящими усами, выдал мне бланк, недовольно проворчав:

– Девушка, ну чего вы хотите, загуляла ваша сестра, самый возраст, любовь-морковь, то-се, – бормотал он, недовольно глядя, как множатся строки заявления, написанные убористым почерком. – Вот погуляет и вернется, а нам работой зазря, ищи потом, чем заявление закрывать...

– Вернется – приду и напишу заявление о закрытии дела, – отрезала я, протягивая бланк мужчине. – Регистрируйте, не тратьте зря мое и ваше время.

– Девушка, – вздохнул дежурный, – ну подождите хотя бы пару дней! Всем же геморроя меньше будет! И вообще, родители у вас есть? Пусть они и пишут заявление!

– Мать больна, – твердо произнесла я и с нажимом повторила: – Регистрируйте.

Дежурный смирился с необходимостью работать в это стылое утро и покорно занес заявление в журнал учета.

Я убеждала себя, что сделала все, что могла, но в глубине души крепла уверенность, что это бесполезно. Я должна была что-то делать, куда-то бежать, но слепая стояла на распутье. Безучастная реальность сменилась жуткими сказками, законов которых я не знала. Только и могла, что один за другим выполнять установленные ритуалы обыденного мира.

Проснуться.

Почистить зубы.

Подать заявление.

Я знала, что это не сработает, но все равно продолжала. Как бы сестру ни искали, ее не найдут. Потому что ее нет в нашем мире. Даже в мыслях это звучало безумно, наивно и глупо, как попытка вцепиться в самообман и спрятаться от реальности. Иллюзии – спасение для слабаков. Но после визита мертвой птицы иллюзии и реальность слились воедино.

На автопилоте я отсидела пары и так же дошла до работы. Паша еще пытался пристать со своим шантажом, но, поймав мой помертвевший обессиленный взгляд, сдулся и уже сочувственно пытался выспросить, все ли у меня в порядке в семье. Мое молчание только убедило его в обратном. Уходил он подавленный, явно стыдясь своих едких насмешек.

Когда офис опустел и тишину заполнило лишь сухое потрескивание ламп, глаза начало жечь, как от перенапряжения. Я не выдержала и спрятала лицо в ладонях.

Что я здесь делаю? Зачем?! Марья исчезла, умерла, похищена мертвой птицей в ее мертвое царство, а я, как заводной механизм, продолжаю ходить на ненавистную работу, которая и нужна-то была, чтобы кормить и одевать сестру!

С ее исчезновением это потеряло смысл. С ее исчезновением вся моя жизнь потеряла смысл. Я так много сил отдавала заботе о Марье, пытаюсь сделать ее жизнь безмятежной, что в итоге времени на саму Марью не оставалось.

Не выдержав, я разрыдалась от жалости к себе, безысходности, бессилия. Казалось, слезы размывали во мне что-то важное, необходимое, чтобы просыпаться каждый день, думать о сестре, заботиться о ней в ущерб себе. Я не знаю, что это было, как это называлось, но с каждой колючей слезинкой оно становилось меньше, пока не исчезло совсем.

Тыльной стороной ладони вытерев щеки, я выключила компьютер и вышла из офиса, понимая, что сюда уже никогда не вернусь. Каблуки стучали по паркету отчаянно громко, звук эхом отдавался в ушах. В голове было непривычно пусто, и эта пустота пугала. Хотелось заполнить ее чем угодно, чтобы исчезло мерзкое тянущее ощущение собственной ненужности и неприкаянности. В голове надоедливо вертелась мысль о маминой бутылке водки, к которой она прикладывалась по утрам, но следом накатывала волна омерзения и презрения к пьяницам.

Только другого способа забыться я не знала.

По дороге домой я так отчетливо представляла себе, как захожу в квартиру и, не разуваясь, иду на кухню, к маминой заначке, что на автопилоте прошла по коридору мимо кухни и сразу вошла в нашу (мою, теперь уже только мою) комнату.

Окно все еще было открыто, ветер трепал занавески, но вещи были на своих местах, в идеальном порядке, который я неустанно поддерживала. Только комната все равно казалась заброшенной и нежилой, покинутой много лет назад, забытой и остывшей. Я не чувствовала холода – так и оставалась в уличной одежде, погруженная в свои мысли, даже дверь не заперла. Очнувшись от раздумий, я не стала судорожно стягивать куртку и разуваться. Установившийся порядок жизни исчез, разбился на острые осколки, и цепляться за него было нестерпимо больно.

На подоконнике все так же лежали три серо-черных пера, вызов и насмешка мертвой птицы. Под моим взглядом они легонько шевельнулись и, словно подхваченные порывом сквозняка, вылетели в окно. Я смотрела, как перья крутятся, падая вниз, пока они не исчезли в поднимающихся сумерках, а затем встала на подоконник и, не успев подумать, шагнула за ними.

* * *

Чувства падения не было. В ушах свистнул ветер, перед глазами промелькнула черная пелена, такая густая, что я испугалась, что ослепла. А затем все исчезло.

Я лежала и смотрела на сереющее небо, затянутое тяжелыми тучами, похожими на грязную свалывшуюся вату. Острые сухие травинки неприятно кололи щеки. Я сморгнула и приподнялась на локтях, осматриваясь. Жесткая трава щекотала ладони, запах у нее был горький, от него першило в горле.

С легким недоумением я уставилась на перья, зажатые в руке. Последнее, что я помнила – как они исчезают в хмари надвигающегося вечера. Как я успела схватить их и когда? И куда я упала?

Сунув перья в карман, я с трудом поднялась на ноги и огляделась. Невысокие каблук сапог проваливались в сухую, но мягкую и рыхлую землю. Под ногами змеилась блеклая, едва утоптанная тропка, прорезающая луг. Трава возле нее росла мелкая, кое-где виднелись белесые звездочки цветов. Через пару шагов от тропинки трава поднималась почти в человеческий рост, на колючих стеблях покачивались пурпурные головки чертополоха, рядом тускло синели ягоды на колючих ветках терновника.

А дальше возвышались резные деревянные столбы, увенчанные небольшими домиками, похожими на кормушки для птиц. Вот только веяло от них такой жутью, что меня прошиб озноб и я поспешила отвести глаза. Сглотнув, уставилась под ноги, соображая, куда же идти. Сходить с тропы не хотелось – колючки растений меня не прельщали, да и приближаться к странным столбам казалось самоубийством.

Тропа тянулась от хмурого елового леса, мрачного и непроходимого даже издали, и убегала в поднимающийся туман, скрывающий другой край луга. Наверное, стоило пойти туда, поискать людей. Узнать, что это за место, черт возьми, и как я тут оказалась.

Разум судорожно пытался найти хоть какое-то рациональное объяснение происходящему, но сдался после нервного потрясения последних дней. «Потом разберусь», – отмахнулась я от мрачных мыслей и без раздумий зашагала прочь от леса, стараясь даже не коситься на странные столбы.

Я не успела пройти и десяти шагов, когда с неба раздался пронзительный отрывистый крик, и совсем рядом со мной по траве

скользнула тень огромной птицы. В памяти сразу всплыли мощные загнутые когти, влажно блестящие то ли от гноя, то ли от чужой крови, и острый огромный клюв, способный легко разбить стекло и пробить череп.

Стремительно присев, я закрыла голову руками и, когда тень птицы исчезла в туманном мареве, – вскочила и бросилась к лесу со всех ног, с трепетом ожидая нового пронзительного крика. Теперь густой, зловеще темнеющий лес был моей надеждой на спасение – хотелось верить, что под его сенью птица меня не достанет.

Сердце стучало где-то в горле, дыхание вырывалось с хрипом и кашлем. Ноги все сильнее проваливались в землю, словно расступающуюся подо мной, и я боялась только одного – упасть и потерять драгоценные мгновения. С каждой секундой боль в лодыжке пульсировала все сильнее и сильнее, словно я ее подвернула не три дня, а три часа назад.

Птица пролетела надо мной еще несколько раз, мелькание ее тени только придавало сил, я жмурилась, но прибавляла скорость. Даже подумать не могла, что умею так быстро бегать! Где ж этот волшебный навык был в институте, на сдаче бесконечных нормативов?!

Добежав до первого деревца, невысокой и облезлой елочки, я схватилась за ствол и рухнула на колени, хрипло пытаюсь отдышаться. Даже не восстановив дыхание, я с трудом встала и поковыляла вперед, глубже в лес, постоянно спотыкаясь о валежник и оглядываясь. Панический страх гнал меня дальше, позади так и чудились страшные когти, готовые впиться мне в плечи.

Остановилась я, только когда просвет за спиной почти исчез, превратившись в далекую светлую точку, а вокруг сгустилась вязкая и холодная темнота ночного леса. Я отдышалась, беспомощно оглядываясь и раздумывая, как же мне отсюда выбираться. Деревья теснились столь часто, что между ними едва можно было протиснуться, а густой и колючий подлесок цеплялся за одежду. Я оперлась на ствол ближайшего дерева, но тут же отдернула руку – он был склизким и скользким, словно мох, щедро покрывавший кору, уже успел сгнить.

Тропинка вилась и здесь. Она едва пульсировала в темноте мягким зеленоватым светом, как болотная гнилушка. Да и пахло здесь болотом, тяжело и затхло. Дальше я пошла медленнее, осторожно

прощупывая землю перед собой, прежде чем наступить, отводя от лица низкие колючие ветви ближних деревьев. Тонкие сучки путались в волосах, низкие кустарники хлестали по ногам. Каблуки утопали в прелой листве, цеплялись за вздымающиеся из-под земли корни, и мне стоило большого труда не падать.

Присев, я зашарила руками по земле, пытаюсь найти палку подлиннее и попрочнее, чтобы опираться хоть на что-то. Да и с палкой в руках я бы чувствовала себя здесь увереннее.

Но под руку мне ничего не попало, а шагнуть с тропы я не рискнула – лес в стороне от нее выглядел совсем уже дремучим и непроходимым. Глаза постепенно привыкали к темноте, и я уже легко различала тропу и мелкие цветочки, виднеющиеся из-под прелых листьев.

Дальше я шла, прислушиваясь и оглядываясь. Тишины не было: влажно шуршала трава под ногами, откуда-то из глубины леса доносились скрипы и шорохи, шелест длинной хвои. Краем глаза я постоянно замечала какое-то мелькание в чаще, белесые тени, проносящиеся быстрее, чем я успевала повернуться и разглядеть их. По спине у меня бежали мурашки, но ускорять шаг я не рисковала, опасаясь запнуться и полететь кубарем.

Внезапно по правую руку от меня среди деревьев показался просвет. Я остановилась, не веря своим глазам, пару минут настороженно приглядывалась. Где-то неподалеку рухнуло одно из старых, огромных деревьев и увлекло за собой пару елей поменьше. Теперь на земле лежали только высохшие стволы, за которыми виднелась то ли опушка, то ли поляна. Я привстала на цыпочки, надеясь разглядеть получше, но ничего, кроме проблеска серого света, не видела.

Нерешительно потоптавшись на месте, я все-таки сошла с тропы. «Вернуться всегда успею, – утешала я себя, – поваленные деревья хороший ориентир, да и поляна – вот она, рукой подать». Я целеустремленно пробиралась сквозь густые папоротники и залежи сухих веток, отводила от лица свисающие с деревьев плети вьющихся растений. С трудом перебравшись через поваленные стволы и едва не переломав ноги, я снова огляделась, пытаюсь оценить расстояние до вожаделенной полянки, но вокруг только возвышались могучие ели,

между тяжелыми лапами которых не было видно ни малейшего просвета.

В растерянности я потопталась на месте. Неужели, пока перелезала через деревья, я так сильно отклонилась в сторону? Наверное, надо пройти вдоль стволов, и снова покажется поляна.

Но ничего не было. Лес полностью сомкнул надо мной ветви, деревья стояли таким частоколом, что за ними ничего невозможно было разглядеть, словно просвет, который так меня манил, был не больше, чем морокком. Я в сердцах плюнула и полезла обратно, возвращаться на тропу.

Я точно помнила, где она, что до нее от упавших деревьев не больше десяти шагов, но шла и шла, пристально глядя под ноги, а тропа так и не появилась. Я ускорила шаг, чувствуя, что впадаю в панику, завертелась на месте, оглядываясь, пытаюсь приметить знакомо выглядящие деревья, но только зацепилась за что-то каблуком и плюхнулась на влажный мох.

– Спокойно, без паники, – сказала я себе, стараясь не замечать, как нервно дрожит голос. – Сейчас встану и пойду назад, к упавшей ели, буду искать дорогу от нее.

Стоит ли говорить, что никаких поваленных деревьев я не обнаружила? Меня со всех сторон обступал лес, темный, дремучий, непроходимый. И я в нем заблудилась. Ужас сковал меня, как льдом, сердце колотилось гулко и учащенно, на глаза навернулись слезы. Большого труда стоило взять себя в руки и заставить идти хоть куда-нибудь.

О, как я надеялась, что в этом лесу нет хищников!

Я внимательно смотрела под ноги, пытаюсь разглядеть хоть намек на тропинку, но не заметила выступающий корень и в который раз полетела на землю. Что-то подо мной хрустнуло, земля раздалась, и я наперегонки с воплем свалилась куда-то вниз, больно ударившись о камни.

Со стоном перевернулась на живот и попыталась встать, но руки так и разъезжались на скользких округлых валунах, которыми была выложена земля. Я свалилась в какое-то подземелье, огромный склеп. Я с трудом встала, придерживаясь за стену, и, задрвав голову, прикинула высоту свода. По краям неровной дыры, в которую я упала, торчали ветки, один особенно длинный и мощный корень свешивался в провал.

Я встала на цыпочки, но все равно до него не дотянулась. Прыгнуть не рискнула – в подвернутой ноге все еще пульсировала боль. Не хватало еще из-за каблуков на скользких камнях ноги переломать!

В лесу было темно, но здесь темнота была абсолютной, густой и сырой, словно где-то рядом текла вода. Каменный коридор тянулся в обе стороны, и невозможно было разглядеть, насколько далеко. Сейчас я особенно сильно жалела о сумке с вещами, скинутой в прихожей: ну что мне стоило взять ее с собой? Там и телефон лежал, и перочинный ножик, и зажигалка. Мне бы сейчас это все очень пригодилось.

Пока я вертелась и оглядывалась, в коридоре что-то зашевелилось. Я замерла, как мышь перед змеей, до боли в глазах вглядываясь в темноту. Там было... что-то. Что-то огромное, зловещее и беззвучное. Во рту пересохло, а в руках поселилась предательская слабость. Мне не выбраться. Не спастись. Остается сидеть на относительно светлом пятачке под дырой и ждать, когда существо вылезет к своему запоздалому ужину.

Когда оно задвигалось, глаза различили размытый силуэт, отдаленно похожий на человеческий, худые руки с непропорционально длинными и острыми пальцами. Лицо или морду я могла только вообразить, и фантазия подкидывала мне варианты один другого страшнее. Ни острые зубы, ни огромная пасть не пугали так же сильно, как неизвестность.

И когда существо потянуло худые ломкие руки, словно сплетенные из черного дыма, через освещенный пятачок ко мне, я не выдержала и завизжала. Звук эхом отразился от низкого свода, разбился на осколки и продолжил звучать в глубине коридора, искажившись и превратившись в торжествующий охотничий вопль.

– Эй, лови! – и сверху вместе с криком мне под ноги свалился горящий факел.

Тварь уползла обратно в темноту и зашипела, попыталась густым дымным щупальцем дотянуться до меня, огибая неярко тлеющий огонь, но тут между нами приземлился человек. Он быстро подхватил факел, ткнул им твари в морду, и та с обиженным ворчанием бесследно растворилась в густой темноте склепа.

Мой спаситель обернулся ко мне, чуть приблизился, чтобы меня рассмотреть. Свет огня больно резанул по привыкшим к темноте глазам, я зажмурилась и вскинула в защитном жесте руки. Человек

только скептически хмыкнул и, закрепив факел в щели между камнями, легко выбрался наверх.

Я снова осталась одна, пусть и не в темноте.

– Ты заснула? – снова сверху раздался его резковатый голос. – Выбирайся! Или хочешь остаться твари на ужин?

Он протянул руку и, схватив меня за обессиленную ладонь, практически вытащил на поверхность. Я опустилась на землю на подкосившихся от пережитой паники ногах.

– А как же факел? – глупо спросила я, сообразив, что забыла его забрать.

– Пусть остается. Зажег я его специально, тебя вытаскивать. Так в лесу от него неприятностей больше, чем пользы. На живой-то огонь всякое понабежать может.

Он деловито отряхнулся и снова поднял меня на ноги, критически осмотрел.

– Сразу по тебе видно, не из наших ты, девка. Одета странно, ведешь себя глупо, – голос у него был приятный, но я все равно боялась его, даже после того, как он меня спас. – Как в чаще-то оказалась?

– Я была на... лугу, – с трудом сглотнув, попыталась объяснить я, глядя на него снизу вверх. – Там еще столбы такие странные стоят. Испугалась и побежала в лес. Шла по тропе. Потом увидела полянку, хотела выйти на нее, но заблудилась. Пока искала дорогу, провалилась в склеп.

– Не склеп это, – покачал головой человек и, взяв меня за руку, повел прочь от провала под землю. – Капище заброшенное. Тварь тут заточили, давно еще, до разделения мира. Забыли уж, как звать-то ее, подкармливали только, чтоб не выбиралась. Это потом уже лес разросся, и дорога сюда затерялась. А тварь не спала, голодная сидела. Учужала тебя на поверхности, вот и подозвала, закружила да к логову своему вывела.

Легкая судорога прошла по телу, и я только сейчас сообразила, как легко отделалась благодаря незнакомцу. Надо было его поблагодарить, но язык почему-то не поворачивался. Говорить с ним не хотелось, только развернуться и бежать от него подальше, словно тварь не осталась позади под землей, голодная и злая, а коварная и довольная шла рядом, тянула за руку к себе в пасть.

Ориентируясь по одному ему ведомым признакам, незнакомец вел меня через лес, находя легкую дорогу, где и подлесок в ногах не путался, и колючие ветви глаза выбить не пытались. Я едва за ним поспевала, иногда срываясь на бег, боялась, что он выпустит мою ладонь и я снова останусь в лесу одна. Уж лучше тварь, что прикидывается дружелюбной, чем полное одиночество.

– Со старого кладбища ты в лес вошла, даже чудно, что тропку отыскала. Я-то считал, заросла она давно, – между тем продолжал говорить мой вольный или невольный спаситель, и его голос успокаивал. – Но там-то ты как оказалась? И шла куда?

– Очнулась я там, – дальше молчать было бы совсем невежливо, и я предпочла отделаться лаконичным ответом. – Что до этого было – не помню. Иду куда глаза глядят.

– Плохо они у тебя глядят, раз на каждый лесной морок за собой тянут!

Мы, наконец, выбрались на тропинку. После глубокой черноты капища и ярких всполохов огня ее мягкое свечение было настоящим отдыхом для глаз.

– Иди тогда прямо, с тропы не сходи, по сторонам не смотри, – посоветовал мне спаситель. – Из местных-то не каждый без тропы лес пересечь может, а ты чужачка, тебе бы одной здесь вообще не ходить.

Он сочувственно покачал головой, но свою компанию не предложил – и слава богу. Я все пыталась его рассмотреть, но в темноте много не разглядишь. Одежда темная, плащ с надвинутым капюшоном, под ним почти не видно лица. Я же в основном в землю смотрела, только и заметила, что обувь у него не современная, а больше похожа на ту, что всяким царевичам в книгах сказок рисуют.

– И куда я выйду? – облизнув пересохшие губы, хрипло уточнила я.

Он только усмехнулся. Губы у него были бледные и тонкие, одну щеку наискось прорезала тонкая ниточка старого шрама. Глубоко надвинутый капюшон скрывал глаза, и меня это почему-то сильно пугало.

– К людям. Помогут, расскажут. Мне, извини, недосуг провожать, охотиться надо.

Я кивнула, запоминая. По тропе прямо, никуда с нее не сходить. Все просто. Тем более после своих приключений я зареклась не то что с тропы сходить, а вообще по сторонам смотреть.

Обшарив землю взглядом, незнакомец вытащил из кустов внушительную кривую палку, ловко обстрогал кинжалом один ее конец и очистил от коры. Когда он убирал кинжал, под его плащом мелькнул край рубахи и широкий пояс, весь в чеканных заклепках.

– Держи. Идти проще будет, а то обувка у тебя негодная.

Я с благодарным кивком приняла подарок, сразу чувствуя себя уверенней.

– Как звать-то тебя, девка? – словно мимоходом поинтересовался охотник. Я пожалала плечами, собираясь ответить на вполне невинный вопрос, но горло снова перехватило так, что ни слова не выдавишь.

– Не помню, – наконец с трудом произнесла я. – Как хочешь, так и назови.

Его губы только сильнее сжались, совсем превратившись в тонкую линию. Тем не менее голос был все такой же успокаивающий и дружелюбный.

– Так кузнец имена дает, к нему иди. Может, твое забытое отыщет, – он покачал головой. – В добрый путь, девка, будь осторожна. Коли опять в лесу в беду попадешь, меня зови, помогу, чем смогу.

– Как звать-то? – Тут настала моя очередь усмехаться. – «Ау» кричать?

– Ну зачем же аукать, так и кличь – охотником!

И больше не затягивая прощание, он сошел с тропы и моментально растворился в темноте среди стволов. А я еще некоторое время стояла на месте, обдумывая события. Я была благодарна неожиданному знакомцу за спасение, да, но и доверия он все равно не вызывал. Мимо проходил, следы увидел, да-да, всего лишь. Не верю я в такие счастливые совпадения.

Странная одежда, странная речь охотника заставили вспомнить горы книг, прочитанных в подростковом возрасте, о магии и других мирах. Рациональная часть моего разума давно капитулировала, не найдя в себе сил как-то объяснить происходящее, а иррациональная подсказывала, что сбывлась моя глупая подростковая мечта и я очутилась в ином, странном мире. В мертвом мире.

Некоторым мечтам лучше не сбываться.

5. Не дурнее Иванов

Я медленно шла по тропе, опираясь на посох и внимательно глядя под ноги. Охотник обещал, что впереди будут люди: что ж, пока можно было подумать, что я им о себе расскажу.

Но думалось о другом.

В своей жизни мать любила только отца и алкоголь. Впрочем, отца она любила чуточку больше. Мы были для нее досадной помехой, но она мирилась с нашим присутствием, ведь отец в нас души не чаял. Чтобы угодить ему, мать тоже баловала нас, заботилась, но как-то равнодушно, механически, словно изображала нежные чувства, не испытывая их. И все же это было самое счастливое время в моей жизни.

Мне и Марье позволялось все. Отец оплачивал наши капризы, потакал увлечениям, поощрял интерес к истории. Я зачитывалась приключенческими романами, фантастикой, сказками, и воображение легко рисовало мне бирюзовое небо и башню из слоновой кости в стране Нет-и-не-будет. Я даже какое-то время ходила в клуб реконструкторов, до боли в пальцах вышивала старинные платья, плела ловцы снов – отец сам срезал мне ивовые ветви, заказывал перья красивых диких птиц.

А потом он в считанные недели сгорел от рака.

Он знал, что на мать нельзя положиться, и просил меня позаботиться об изнеженной, еще слишком маленькой сестре. Впрочем, я и сама прекрасно понимала, что семью придется тащить мне.

Отцовских сбережений хватило как раз до моего окончания школы, ведь с каждым днем мать отдавалась своей единственной оставшейся любви со все большим пылом. Нас она перестала замечать – больше не было отца, ради которого она изображала материнскую любовь.

Я заставила себя забыть обо всех увлечениях и желаниях. У меня остался долг и обещание отцу, и я безжалостно переламывала себя, чтобы его выполнить. Я смогла поступить в университет и найти работу. Я смогла зарабатывать достаточно, чтобы обеспечить Марье нормальное детство, которое у меня закончилось слишком рано.

А теперь я медленно, шаг за шагом, вспоминала все то, что мне пришлось забыть.

Лес оборвался внезапно. Тропа уперлась в высокие и густые кусты орешника вперемешку с чертополохом, сквозь которые мне пришлось продирааться, зажмурив глаза. Выбралась я вся исколотая и исцарапанная, да еще и грязная. В волосах запутались мелкие веточки и скрученные сухие листья, и я очень надеялась, что не собрала головой всю окрестную паутину.

Небольшая поляна, блеклая и безжизненная, словно выжженная, в самом центре леса казалась маленькой лысиной, спрятанной в пышной шевелюре. Тропка белой ниточкой тянулась по потрескавшейся серой земле к избушке, возвышающейся на крепких сваях. Сама изба почернела от времени, и ее крыша заметно покосилась на один бок. Маленькие окошки были мутные, грязные; я прищурилась, но так и не смогла разглядеть, есть ли кто внутри. Двери не было видно, хотя тропа добегала до первого ряда свай и обрывалась.

– Это и есть люди, которые помогут? – фыркнула я под нос себе и в шутку звонко произнесла: – Избушка-избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Вот только лес был со всех сторон.

Я растерянно моргнула. Опустила посох на землю и протерла глаза. Крепкая, массивная дверь возникла между окон, на совершенно пустой до этого стене. Кривоватая лестница тянулась как раз к обрывающейся тропке.

Словно морок спал.

Поборов дрожь, я подхватила посох и неуверенно поднялась по ступеням. Дверь скрипнула, но отворилась легко, пропуская меня в темные, просторные сени, где вкусно и пряно пахло скошенными травами. Я на ощупь пробиралась вперед, стараясь не удариться головой о низкий потолок. Я его не видела даже, но почему-то была уверена, что балки нависают прямо надо мной, едва не касаясь макушки.

Во внутреннюю дверь я боязливо постучала.

Я все еще не была уверена, что здесь есть кто-то живой, но подсознание охотно подсовывало образ старой, сморщенной старухи с крючковатым носом, волосатыми бородавками, но добрыми, понимающими глазами.

На третий удар кулака дверь бесшумно отворилась, и реальность оказалась гораздо страшнее горьких плодов воображения. На открытом очаге стоял котел, в котором что-то зловеще булькало и светилось гнилушным зеленым светом. На потолке, прямо над котлом, темнело огромное закопченное пятно. Вдоль стен стояли широкие лавки, грубые и массивные, в углу, под кучей грязного тряпья угадывалась лежанка. С балок свисали связки сухих трав и кореньев. На длинные нити нанизаны грибы вперемешку с яркими яблоками и гроздьями красных ягод. Все углы густо заплела толстым слоем паутина, старая и пыльная, похожая на кружева прабабушки, вытащенные после долгого забвения из сундука с заржавевшим замком.

С одной паутины на толстой нити спустился паук с огромным толстым брюшком и тонкими хрупкими лапками и деловито пополз по своим делам. Я едва сдержала вопль отвращения.

Хозяйка этой жуткой избы сидела в центре комнаты, боком ко мне, но я до последнего ее не замечала, словно сознание отказывалось признавать ее существование. Баба-Яга оказалась еще страшнее, чем ее рисовали сказки. Сухая, сморщенная, она походила на скелет, обтянутый серой пигментированной кожей. Редкие волосы седыми клоками торчали во все стороны, костлявые пальцы, неожиданно длинные и ловкие, постоянно что-то вертели и вязали. Присмотревшись, я поняла, что она скручивает и переплетает соломенную фигурку человека. Вот девушка с длинной косой, вот – животное, похожее и на волка, и на собаку, еще пара быстрых движений – и в руках у нее крепкий соломенный мужичок, снова движение – птица с огромным размахом крыльев...

Меня так загипнотизировали ее размеренные быстрые движения, что я вздрогнула всем телом, когда она швырнула игрушку в огонь и сноп искр взметнулся до потолка.

Она медленно развернулась ко мне всем корпусом, словно приглашая рассмотреть ее повнимательнее. И следующее, что я заметила в зеленоватых отблесках варева, едва не заставило меня с воплями бежать обратно в лес.

У нее не было глаз. Глубоко запавшие глазницы уже давно заросли тонкой кожицей, чуть светлее, чем остальное лицо. А в оттянутых мочках покачивались тяжелые круглые серьги с белыми камнями в

центре... нет, с глазными яблоками, неустанно вращающимися, обшаривающими избу жадными пустыми зрачками.

– Добрый молодец, – проскрежетала старуха, медленно, вперевалку подходя ко мне. Глаза в ее серьгах остановились и воззрились на меня. – Живой, живо-ой. Давно живого духа ко мне не забредало, ох как давно.

Я смущенно кашлянула и прислонила посох к стене.

– Простите, бабушка, я девушка вообще-то.

– Дев... девица? – старуха по-птичьи склонила голову к плечу. Сухие, похожие на паучьи лапки, пальцы вцепились в подбородок, повертели мою голову из стороны в сторону.

– Ай!

Я не удержалась от короткого взвизга, когда пальцы, разом став жесткими, выдернули у меня прядь волос. Старуха, что-то ворча под нос, поковыляла к огню и при его свете начала разглядывать прядку. Руки ее словно жили отдельной жизнью – они уже начали свивать из волос подобие соломенной куколки. Когда она обрела определенно женские очертания, Яга спрятала ее за пазуху и снова обернулась ко мне.

– Дёвица-деви́ца, слепая соколица, – глумливо захихикала она, не разжимая изрытых оспинами губ. – Да в одежде добра молодца. Марью Маревну небось ищешь, службу предложить хочешь? Так зря ты, живая, пришла, не учит она никого, давно не учит!

И ее мерзкое хихиканье перешло в кашель.

– Ищу, бабушка, – спокойно подтвердила я, словно чувствуя, что пока я правду говорю и не боюсь ее, Яга мне ничего сделать не может. – Ищу Марью, но не Маревну, а сестру родную. Исчезла она из дома, а я следом пустилась и здесь оказалась.

Ведьма продолжила сидеть у огня, только глаза в серьгах повернулись в мою сторону.

– Сестра, говоришь? Сестры вечно пропадают, а добрым молодцам их выручать, невест искать, по трем царствам бродить, живую воду пить, да мертвой тело омыwać. Но вот чтоб девицы пускались сестер искать... нет, не припомню такого. Только за женихами глупыми да дурными приходили.

Я пожала плечами.

– Все когда-то встречается впервые, бабушка. Какая разница, кого я ищу, мне помощь нужна.

– Помо-о-ощь? – издевательски протянула Яга. – Кто ж сказал, что помогать буду?

– Охотник сказал, которого я в лесу встретила. Да и сказки все твердят, что Баба-Яга Иванам-дуракам и Иванам-царевичам помогает. Так я не хуже.

Старая ведьма резко повернулась на месте, почти подпрыгнула, а потом в один миг оказалась со мной лицом к лицу, разом сделавшись огромного роста, так, что крючковатый ее нос едва не упирался мне в лоб.

– Что за охотники по внешнему лесу бродят, мне на глаза не показываются и добычей не делятся? – так злобно пророкотала она, что я струхнула и начала огрызаться. Ничем не лучше Марьи, да.

– А мне-то откуда знать, что за охотник? Он не представился, велел с тропы не сходить, а сам в лес ушел. И к вам, бабушка, направил.

Старуха снова сдулась, став сморщенной и низенькой.

– Как лес дальше границы пошел, – заворчала она, семена по комнате и уверенно сдергивая с потолка определенные травы, – так и повадились там твари плодиться да незваные гости гулять, себе на погибель, мне на заботу.

Она деловито бросила травы в ступку, добавила туда одну из гнилушек и принялась ожесточенно растирать. Больше не чувствуя на себе ее острого изучающего взгляда, я немного расслабилась и осторожно опустила на одну из лавок.

– То ведь земля ничейная, не живая – не мертвая, и ходят там не живые – не мертвые, бродят, пути ищут. Да тропа хитра, тропа вьется-вьется, как нить из-под веретена, тонкая и гладкая, что твой шелк, а потом заводит в пустошь и обрывается, разом став не шелком да льном, а грубым волокном. Нет пути из леса, кроме того, что я указую. Лес хитер, лес давно за границу пророс, сам по пути-тропе движется, ход ищет, да не найдет, нет, не найдет!

Бормоча и завывая, Яга ловко поймала одного из пауков, кинула туда же, к истертым травам, и начала с ожесточением месить. Казалось, что капли слизи и яда летят во все стороны.

Наконец, она вытащила из-за пазухи куклу из моих волос, повертела перед носом, принялась, затем плюнула на нее и

швырнула в ступку. Из нее тут же повалил густой дым, собравшись сначала в жуткую тварь из подземного капища, а затем в мужчину в капюшоне – охотника, меня спасшего.

Глазные яблоки в серьгах закрутились как сумасшедшие, серьги даже раскачиваться начали, позвякивать немелодично, но Яга только головой покачала и развеяла дымное видение.

– Что ж, – медленно и, как мне показалось, печально проговорила она. – Я помогу тебе. В мир живых пройти легко – обратно по твоим следам, до самого конца тропы, через лес, через луг, через кладбище и мертвую деревню. Но ты же не в мир живых путь ищешь, а? – хитро усмехнулась Яга.

– Я ищу сестру.

– Смерть ты ищешь! Но дело это твое, в расставленные силки идти по доброй воле.

Я напряглась:

– О чем ты, бабушка?

Но Яга не ответила, снова закрутившись по избушке, собирая травы да ведьминские безделушки. Подойдя ко мне, она снова жадно принялась со смесью алчности и отвращения.

– Русский дух, живой дух! Если хочешь дальше идти, то в баньку ступай.

– Зачем? – насторожилась я. Действия старухи пугали все больше и больше, мне чудилось, что она вовлекает меня в какое-то колдовство.

– Что за дурья голова, – сварливо всплеснула руками Яга, – верные слова знает, а правила нет. Раз уж смогла войти, девица, то не артачься, соблюдай законы. Не в гости, чай, пришла, а в мертвое царство!

Я с трудом сглотнула и разом охрипшим голосом спросила:

– Что нужно делать?

Старуха противно и скрипуче захихикала, потирая ладони.

– Знамо что, детонька: в баньке попариться, хлеба да воды отведать да и спать лечь. Иваны, хоть и дураки, просят, как о великой чести, а тебе я сама предлагаю.

– А что будет, если я откажусь? Не смогу пройти дальше? – с напускным равнодушием поинтересовалась я.

– Сможешь, – утешительно похлопала меня по щеке ведьма, не удержалась и ущипнула, словно пробуя булочку на мягкость, – только не далеко. Да и не на ногах.

И она кивнула в самый темный угол избы, под паутину. Прищурившись, я различила там очертания зверя, почти неподвижно свернувшегося на лавке. Словно почуяв, что речь зашла о нем, огромный пес едва приоткрыл мутные глаза, зевнул, демонстрируя желтоватые и слишком крупные для собаки клыки, и снова погрузился в сон.

После этого всякое желание спорить исчезло. Я, покорно следуя указаниям ведьмы, вышла из избы и, закрыв глаза, зашла обратно. В лицо сразу пахнуло влажным жаром, кисловатым запахом болотной воды и тины. От горячей воды в бадьях поднимался пар, да только сама вода имела явственный зеленоватый оттенок и всюю цвела. Листья банного веника покрывал такой слой плесени, что уже невозможно было определить, дубовый он или березовый.

К горлу подкатила тошнота. Мыться этим не хотелось до боли в зубах, но послушаться Ягу мне не хватало смелости. Пугала меня не сама ведьма, а ее слова, что без этих ритуалов Марью я не найду. Да и повторить судьбу незнакомца и превратиться в зверя мне не хотелось.

Быстро раздевшись, я зажмурилась и поплескала на себя гнилой водой, сдерживая отвращение – казалось, по коже растекается густая слизь. Кое-как вымывшись, я поспешила вытереться куском холста, найденным в предбаннике. Он не выглядел чистым – старый, запыленный, но после болотной воды я казалась себе такой грязной, что даже не обратила на это внимание.

Одевшись, я подозрительно принюхалась. Меня неотступно преследовал гниловатый запах болота, и были все основания подозревать, что разит им как раз от меня.

В избу я вернулась, постоянно почесываясь, хоть и понимала, что ползущие по телу мокрицы и многоножки мне только мерещатся.

Ох, зря я их вспомнила!

Яга уже ждала меня за столом. Довольно хихикая и постоянно потирая руки, она усадила меня на лавку перед блюдом со склизкой, похожей на гной кашей и заплесневелым хлебом, по которому ползали мелкие многоногие насекомые. Я скривилась от отвращения, едва сдерживая дурноту.

– Кушай-кушай, девица, – приговаривала Баба-Яга, наливая в кружку затхлой воды, – живой дух с себя смыла, вытравить осталось.

Я уныло ковырялась ложкой в мерзком вареве. Сказки никогда не описывали трапезу Ивана-царевича у Яги, и теперь я понимала, почему.

Зверь Яги неловко выбрался из темного угла и, неуклюже задирая ноги, вспрыгнул на лавку рядом со мной и устроил лобастую голову у меня на коленях. Я прищурилась и поняла, что это не пес, как я решила изначально, а волк, жилистый и худой. Я неуверенно погладила его между ушей, и он благодарно лизнул мою руку, словно подбадривая.

Я с трудом проглотила одну ложку гадкой каши и поскорее зажевала хлебом, смахнув с него насекомых. К моему удивлению, меня не вывернуло сразу же в тарелку, и дальше я ела уже спокойнее, хоть и старалась вдыхать исключительно ртом, чтобы не ощущать гадкий запах еды.

Глаза старухи жадно следили за каждым моим движением – кажется, старой карге доставляло удовольствие смотреть, как я давлюсь. Она довольно улыбалась, и между тонких изъязвленных губ ее мелькали мелкие острые и полупрозрачные зубы.

– Что дальше? – глухо поинтересовалась я, когда с трапезой было покончено.

– Спать с вечерней зарей ляжешь, с утренней дальше пойдешь землю топтать, сестру искать.

Я расслабилась и почесала волка за ухом.

– Это же человек, верно?

Яга уже вернулась к своему котлу, помешивая зеленоватое варево длинной ложкой, но глаза в ее серьгах повернулись ко мне.

– Человеком был, глупым был. Живой дух от него шел, сильно пахло, от самого сердца леса навьи пришли. Но я укрыла и защитила, в шкуру зверя одела, тварей отвадила. С тех пор у меня живет, не ест, не пьет.

– Давно он так?

– Я дней не считаю, ночам учет не веду, – почему-то грубо отозвалась старуха, поворачиваясь ко мне. Глаза в серьгах снова завертелись, чтобы не упускать меня из вида.

– А человеком он стать может?

– Может, да навьи снова сбегутся, умруны за горячей кровью явятся. И за тобой бы явились, если б дурнее Иванов была.

Я сочувственно потрепала волка по загривку, он покорно это стерпел.

– А он не говорил, кем был?

– Говорил, ой много говорил, – словно сама себе кивнула карга, возвращаясь к зелью. – Чушь про мир духов нес, про испытание великое да свое предназначение славное... Предназначение, – старуха снова захихикала, – в моей избе век волком доживать да солнца не видать!

– Неужели нельзя сделать так, чтобы его не чуяли?!

– Можно. Как тебя. Да этот глупец отказался, а выбор чужой я уважаю.

Я вздохнула, хотела еще что-то спросить, но язык уже еле ворочался, накатывало забытье. Уже на границе беспамятства промелькнула мысль: «Она меня все-таки отравила!»

6. Пять запретов

Утром я чувствовала себя отдохнувшей и полной сил, словно впервые за последние четыре года вышла в отпуск и выспалась. Я сладко потянулась – и на пол слетело замурзанное лоскутное одеяло, в которое я куталась ночью.

Я уставилась на него с недоумением. Нет, я прекрасно помнила, где нахожусь и что со мной произошло. Коварная логика даже не пыталась выдать вчерашние события за сон. Мне просто не верилось, что Яга стала бы меня заботливо укрывать.

На соседней лавке лежали стопкой сложенные вещи: холщовые штаны, похожие на шаровары, длинная рубаха с широким поясом, темный шерстяной плащ. Рядом обнаружили кожаные сапоги с замысловато переплетенными ремешками вместо застежек. То ли Яга встала в хорошем настроении, то ли у нее просто не было женской одежды, но меня ее выбор обрадовал, хотя пришлось повозиться, прежде чем я смогла облачиться в такой костюм.

Одежда была немного великовата, пришлось подвязывать ее множеством тесемочек и ремешков, так что в итоге я сама себе напоминала много раз перепоясанный сноп. Рукава я одергивала и поправляла дольше всего – чтобы скрыть крошечную татуировку-птичку на запястье – последний привет из легкой и свободной юности. Старую одежду, сильно подранную в лесу, я бросила без сожалений, словно змея – выползок. Обшарила карманы напоследок, но не нашла там ничего нужного. Только соколиное перо. Задумчиво повертела его в пальцах и спрятала за пазуху.

– Хорош молодец, хоть и девица, – мерзко захихикала от дверей Яга. В руках она несла чугунок, над которым вился пар. Пахло, на удивление, аппетитно.

– Неужели вчера нельзя было мне дать нормальной еды? – возмутилась я, когда Яга придвинула мне плошку с тушеными овощами и кружку с квасом. После вчерашнего «угощения» мне едва хватало воспитания, чтобы есть как цивилизованный человек, а не наброситься на еду, словно оголодавшая свинья.

– Еда одна, что до твоего сна, что после, – неожиданно серьезно и торжественно ответила Яга. – Ты изменилась.

Я так и застыла с набитым ртом, представив на мгновение, что за обе щеки уплетаю вчерашнюю мерзкую кашу.

– В смысле – я изменилась?

– Ты же перешла границу, дитя, была чужой здесь, и мир тебя отвергал. Теперь ты своя.

– То есть я умерла? – похолодев, уточнила я, но старуха только недовольно головой покачала.

– Да жива ты, жива, девка глупая! Я тебя через границу перевела, и мир тебя принял. Так и назад выпускать буду, коли надумаешь вернуться! Но учти, сестре твоей хода с тобой не будет!

– Что?! Почему?

– Да потому, дурная твоя башка, что не я границу ей отпирала, другой ее провел! И либо сожрана она уже навьями, что на дух живой слетелась, либо сама здесь своей стала!

Мне показалось, что сердце у меня остановилось, еда разом утратила вкус.

– Я все равно найду ее, – твердо произнесла я, глядя в лицо Яге. – Все равно.

Она только устало покачала головой.

– Ох, сколько вас, самоуверенных, ко мне приходит, да мало кто возвращается. И ведь предупреждаю каждого, наставляю, уговариваю и пугаю, нет – все равно навстречу гибели стремятся! Что вам, в Навьем царстве медом намазано?!

– Так ведь не от хорошей жизни в царство мертвых идут, бабушка.

– Что верно, то верно. Искать сестру тебе долго. Птица большая ее утащила, Финист постарался.

– Финист?! – Нет, конечно, о чем-то подобном я уже догадывалась, ответ всегда лежал у меня под носом, но я просто отказывалась его замечать. – Но Финист же никогда девиц не крал и зла не творил!

Яга только скептически изогнула тонкие бесцветные губы, и я осеклась и уже тихо и неуверенно добавила:

– Ну, так в сказках говорится...

– Много в сказках говорится, много лжи, – скрипуче рассмеялась старуха. – И мир изменился, и герои сказаний изменились. Погибли мы для мира, ушли и исчезли вместе со сверженным идолом. Унесла

его вода в темноту, в мир подземный, от солнца далекий, и нас утянула. А без света и добра не осталось, только голод и смерть. Кто добро творил, злее навий стал.

– А ты, бабушка?

– А я, – усмехнулась Яга, блеснув острыми зубами, – испокон веков на границе стою, вход в мир людей стерегу, одною ногой жива, одною мертва. И не изменится для меня ничего, и до скончания времени будет так.

Квас я допивала в молчании. Хотела помочь Яге убрать со стола, но она только отмахнулась. Волк спрыгнул с лавки и свернулся у моих ног, совсем как большая кошка.

Из темного угла старуха вытащила почерневший от времени ларец, окованный железом. Металл ярко блестел, словно только что отполированный. Ларец этот, огромный и неприподъемный даже на вид, Яга несла легко, словно шкатулку.

– Слушай меня, девица-соколица, слушай и запоминай, – старческий надтреснутый голос Яги стал глубже и мягче. Старуха открыла ларец, пару минут пересыпала из руки в руку его содержимое. Достав медный чеканный браслет, быстро надела его мне на запястье, – имя скрывай, не называй никому, как бы ни спрашивали, как бы ни пытали, чем бы ни грозили. Даже другу не открывай, даже возлюбленному, ибо нет в Навьем царстве друзей и возлюбленных, только обман.

Другой браслет, почти брат-близнец первого, сдал мне вторую руку.

– Помощи не жди ни от кого. Предложат – откажись, навяжут – беги. Но если уж помогут – не благодари, иначе всю себя во власть тварей отдашь.

На средний палец правой руки Яга надела мне тяжелый перстень с растительным орнаментом:

– С дорог не сходи, троп не покидай. Земля алчет крови и плоти не меньше тварей, и сама она тварь.

– Бога своего не поминай, только тварей разъяришь, помощи не дождешься. Нет здесь у него власти, – с этими словами мне на голову лег тонкий обруч с височными кольцами.

– Сестру найдешь – проверь ее, расспроси, разговори, – Яга застегнула мне на талии пояс из крупных пластин, украшенных

чеканными волчьими головами и колючими лозами. – Найти одну оболочку выеденную можешь, в которой, как в платье с чужого плеча, духи разгуливают.

Я кивала, про себя повторяя предостережения. Украшения давили то ли оковами, то ли доспехами.

Она вручила мне посох, с которым я пришла, суму с припасами и бурдюком для воды, кинжал в простых кожаных ножнах, старых и потертых, но когда-то богато украшенных.

– И перо не теряй, – уже в спину прокаркала Яга, – оно тебе путь укажет, к логову Финиста выведет.

Я машинально прижала ладонь к груди, где за пазухой колелось серое перо. Как она узнала, как заметила? Впрочем, это же Яга. Что я о ее силах знаю?

Ягу я не благодарила, помня про ее же наставления. Уходила, чувствуя довольный взгляд в спину. Впереди стеной вставал лес, но он не казался мне таким темным и непроходимым, как раньше.

Уже у самой опушки меня догнал волк. Он несся крупными скачками, словно боялся, что его остановят, но вслед ему не летели ни стрелы огненные, ни проклятия Яги.

– Привет, – улыбнулась я зверю, когда он легкой трусцой пошел рядом, приноравливаясь к моему шагу. Я с интересом разглядывала его при свете дня. Волк был огромный, в холке почти мне до груди, но очень худой, словно шкура обтягивала одни кости. – Решил меня проводить?

Волк не отвечал. Хотя ждать ответа от животного было глупо, я хотела верить, что человек в нем еще не утратил разум.

– А тебе не опасно Ягу покидать? Вдруг тебя духи учуют?

Волк скосил на меня янтарный глаз, и моего разума коснулось мимолетное ощущение его уверенности – даже не успела понять, не почудилось ли мне это.

– Ты умеешь обмениваться мыслями? – продолжала допытываться я. – Или как-то еще общаться?

Снова прикосновение к разуму, немного неуверенное, словно он еще сам толком не осознавал свои силы.

Рыжий осенний лес выглядел радостной пасторальной картинкой после вчерашней чащобы. Тропинка легко бежала вперед, ветки не пытались хлестать по лицу и выкалывать глаза, корни не цепляли ноги.

Сквозь густую листву частоколом пробивались блеклые солнечные лучи, высвечивая танцующие в воздухе пылинки. Под ногами пружинил толстый слой мха, то тут, то там на кочках краснели ягоды брусники – глянцевого, алого, как леденцы. Наверное, где-то рядом было болото, но в воздухе пахло прелой листвой и орехами, а не гнилью.

Я совершенно расслабилась, начала с любопытством оглядываться вокруг, присматриваться к яблокам и грибам, кокетливо выглядывающим из-под палой листвы. Яга дала мне еды в дорогу, в основном лепешки и вяленое мясо, совсем немного овощей на первое время. Но кто знает, сколько я буду искать Финиста, если даже сама Яга не представляет, где он может скрываться? От пера обещанной помощи не было, оно спокойно лежало за пазухой, никак себя не проявляя. Даже когда я его вытаскивала, ничего не происходило: перо вовсе не ввалось лететь, указывая мне дорогу.

Похоже, путь будет далеко не так прост, как я мечтала.

Вскоре на глаза мне попался раскидистый орешник, его ветви клонились к земле под тяжестью плодов. Наверное, я могла бы даже до него дотянуться, не сходя с тропы, но как раз рядом с ним тропа огибала небольшой пятючок, заросший белесой травой и даже не прикрытый листвой. Всего пара шагов в сторону, и я могла бы дотянуться до орехов. Наверное, в этом не было ничего страшного – в конце концов, я ведь не собиралась уходить от тропы.

Чем больше я об этом думала, чем больше я смотрела на орешник, тем сильнее мне хотелось пополнить запасы и отведать его плодов, во рту даже появился масляный привкус. Я топталась на месте, уговаривая себя то идти дальше, то плюнуть на все и сорвать пару орехов. Волк недоуменно тыкался лобастой башкой мне в бедро, подталкивая дальше по тропе. Орешник манил меня, тянул к себе, и я не могла противиться соблазну.

Я уже почти решилась и собралась шагнуть на блеклый пятючок, как резкая боль прошила правую руку. В глазах потемнело, в груди не осталось воздуха для вскрика, настолько сильной и внезапной оказалась вспышка боли. Когда зрение прояснилось, я увидела, что перстень светится красным, словно только что вытасченный из плавильни. Боль обжигающими волнами расходилась от него, кожа

вокруг покрывалась волдырями, хотя сам металл оставался едва теплым.

С глаз словно пелена спала, орехов уже не хотелось – орешник от корней до кончиков веток затянула тонкая паутина, оплела каждую веточку, легко трепетала под легкими прикосновениями ветра. Редкие орехи, крупные и тяжелые, темнели среди белых нитей, изъеденные гнилью. Запоздало накатило ощущение близкой опасности, ловушки, жадно распахнутой пасти у самых ног.

Неспроста в лесу, где под ногами скользят бурые и желтые листья, клочок земли так и остался голым, едва прикрытым травой, похожей на густую паутину.

Тихо постанывая сквозь сжатые зубы, я быстро зашагала прочь от коварного орешника. Боль медленно унималась. Волк, шумно дыша, плелся за мной. Может, лес и выглядел более дружелюбным, но менее опасным не стал.

Тропа постепенно расширялась, превращаясь в утоптанную дорогу, на которой запросто могли разойтись двое путников. Волк меня обогнал и бежал впереди, тщательно принохиваясь и прислушиваясь. Похоже, лес ему внушал гораздо больше опасений, чем мне. Да и ориентировался он явно лучше меня, словно знал, чего стоит избегать. Даже интересно, кем волк был раньше и почему отказался от помощи Яги.

– Эй, – я тихонько окликнула его, боясь шуметь в лесу. – Ты уже достаточно меня проводил, может, вернешься к Яге?

Зверь обернулся, удивленно уставился на меня. В его тусклых глазах так и читалось: «Ты что, дура?»

– Почему ты решил со мной идти? – не отставала я. – Решил мне помочь?

Волк согласно опустил морду, словно кивнул. Разговор, конечно, получался односторонним, но хоть как-то скрашивал дорогу. Волк рычал, дергал ушами или одаривал меня такими красноречивыми взглядами, что я неизменно чувствовала себя идиоткой. Говорить я старалась тихо, почти шепотом, опасаясь потревожить тяжелую тишину леса. Здесь не было привычных шорохов и звуков, даже листья под ногами почти не шуршали. Не хрустели ветки под пробегающим сквозь чащу зверем, не шелестели листья, не кричали птицы. Казалось,

я и волк – единственные живые существа в лесу. И эта тишина так действовала на нервы, что, начав говорить, я уже не могла заткнуться.

Перед одной из полянок дорога разделилась на целую сеть тропок, паутиной опутавшую небольшой пятючок земли перед ручьем.

– По-моему, это знак свыше, что пора сделать привал, как думаешь?

Волк только фыркнул – он явно не успел устать и теперь всем своим видом демонстрировал, что согласился отдохнуть только из жалости ко мне. Насторожив уши, он внимательно обнюхал землю и камни у ручья, не поднимая носа, обошел полянку и только потом улегся в тени, уложив лобастую голову на длинные лапы. Не прошедший ритуал Яги, не принятый этим лесом, этим местом, волк видел совсем иной лес: голодный, хищный, недружелюбный.

И, пожалуй, я не хотела знать, что он видел.

Вода в ручье была чистой и ледяной, как в горных реках. Я напилась до ломоты в зубах, чтобы не тратить запасы из бурдюка. С сожалением покосилась на белые шляпки грибов. Увы, как и любое городское дитя, я не могла похвастаться обширными познаниями о грибах, а вот спутать съедобные с червивыми или ядовитыми – запросто.

Осеннее бледное солнце уже начало клониться к закату, но до темноты оставалось еще много времени. Я задумчиво грызла на ходу сухарь и пыталась разработать хоть какой-нибудь план действий. Очень непривычно было жить, не зная, что ты будешь делать в следующий час и день. Неизвестность тяготила.

К вечеру дорога стала неровной, сначала петляла, огибая каменистые холмы, заросшие корявыми елями, затем начала карабкаться на них, временами почти теряясь среди крупных валунов. С усилием опираясь на посох, я штурмом взяла два холма, третий же, с короной развалин резко обрывался в темноту. Я едва не полетела вниз, вовремя сообразив, что чернота впереди – не очередная тень, а обрыв. Из-под ног в пропасть покатались мелкие камушки.

Ночевать в руинах было жутко, но спускаться с холма по темноте я бы не рискнула. Ноги все-таки не казенные, да и не было у меня запаса мертвой воды, чтобы мигом срastить переломы. Я поудобнее устроилась у наименее подозрительного камня, выступающего из земли, словно осколок зуба. Стоило прижаться к нему спиной, как

меня продрал до костей могильный холод и начали нервно стучать зубы, но этот камень единственный мог укрыть меня от ветра.

Я закуталась в плащ и попыталась заснуть, но не могла даже расслабиться – казалось, стоит мне задремать, как из темноты выйдет тварь с горящими глазами. Пока же горели глаза только моего волка, причем горели явно недовольно. Ворча и фыркая, он принялся рыть и царапать землю, причем не на одном месте, а обходя меня по дуге. Сначала я смотрела на него с недоумением – не рехнулся ли, а потом из глубин памяти всплыли позабытые уже знания.

Вздыхнув, я начала вместе с ним процарапывать на твердой и каменистой почве защитный круг. Когда мы закончили, уже сгустилась кромешная темнота, и оценить правильность линии я не смогла. Я перевела дыхание и снова привалилась к камню. Узкий месяц, полупрозрачный, как льдинка, почти лежал на рыхлых тучах, напоминая острые коровьи рога. Я старалась найти хоть одно знакомое созвездие, но, как ни щурилась, не могла сложить из блеклых, далеких звезд знакомый узор.

Рядом со вздохом лег волк, прижался к моему бедру, и сразу стало теплее. Я предложила ему хлеб и мясо, но он только отвернул морду. В одиночестве проглотив скудный паек, я поплотнее прижалась к волку, чтобы сберечь крохи тепла, даже не подумав, сколько блох он успел нахватать за день. Уже засыпая, я решила, что в царстве мертвых и блохи мертвые, а значит, кровь им ни к чему.

Снилась мне Марья. Она кричала и ругалась, что я лезу в ее жизнь, что лес она сама выбрала, что она здесь счастлива, а я просто завидую... даже во сне мне не было от нее покоя. «Раз сама дура, не мешай хоть тебя спасти!» – пыталась крикнуть я ей в лицо, но как часто бывает во сне, ни пошевелиться, ни слова вымолвить не могла.

Уже перед самым рассветом меня подкинуло на месте: до нас донеслись далекие отголоски воя. Только продрав глаза, я сообразила, что меня обмануло эхо в холмах: в лесу не выли, а аукали, громко и отчаянно. На таком расстоянии сложно различить голос, но я почему-то была уверена, что это ребенок заблудился и плачет. Маленькая девочка, слишком далеко зашедшая по грибы-ягоды и не сумевшая найти обратную дорогу до темноты.

Образ исцарапанного, испуганного ребенка так ярко нарисовался перед глазами, что мне стало жаль его до слез. Я даже встала, с трудом

распрямляя затекшие, заоченевшие ноги, собираясь найти и успокоить дитя, и проснулась окончательно.

Какие грибы-ягоды? Какая девочка?! Да тут только Яга живет!

Меня пробил озноб, когда я сообразила, что уже занесла ногу над защитным кругом, а волк с глухим рычанием тянет меня за полу плаща, пытаясь удержать на месте. Резко выдохнув, я прижалась к камню и закрыла глаза, пытаясь восстановить дыхание и унять бешеное сердцебиение. Ауканье стало отчетливо разочарованным и вскоре замолкло.

Стоит ли говорить, что спать уже не хотелось?

7. Болотная трава

Утро наступало медленно и неохотно. За ночь тяжелые тучи затянули все небо и теперь темными рыхлыми брюхами едва ли не задевали вершины елей. Наверное, следовало бы вскочить, умыться и идти дальше – в такую хмарь световой день короток. Но я малодушно плотнее завернулась в плащ, надеясь хоть сейчас немного подремать.

– С добрым утром, красна девица.

Я едва на месте не подпрыгнула.

За пределами круга прямо на земле сидел охотник и улыбался из-под капюшона. Волк сгорбился рядом со мной и тихо и зловеще рычал на него, обнажая клыки.

– Что ты здесь делаешь? – От ночевки на холодной земле голос так охрип, что стал похож на карканье. Я с трудом уселась, вцепилась озябшими пальцами в горловину плаща.

– Охочусь, – охотник пожал плечами, не сводя с меня взгляда. Я не видела его глаз под глубоко надвинутым капюшоном, только замечала блеск белков, и это меня почему-то пугало. – Как вижу, помогли тебе?

– Да, – я кивнула, пристально разглядывая охотника при свете дня. Одежда его напоминала мою, но была из более плотной и темной шерсти, к поясу крепились небольшие мешочки, расшитые замысловатой вязью. Оружия я не заметила, но точно знала, что оно есть. Поймав мой взгляд, охотник дружелюбно улыбнулся и изобразил стук костяшками пальцев над защитным кругом:

– Впустишь?

Волк зарычал еще сильнее, и я положила ему ладонь на холку, пытаюсь успокоить, но вместо этого его страх передался мне. Даже напомнив себе, что охотник уже однажды спас меня, я не смогла вернуть контроль над эмоциями.

Но дальше сидеть в круге было глупо. Я встала, опираясь на посох, словно древняя старуха, и перешагнула защитную черту. Охотник вскочил и поддержал меня под локоть, словно я и впрямь была немощной каргой. Волк, все еще порывивая, выбрался вслед за мной.

– Твоему зверю не по нраву мое общество, – усмехнулся охотник, благоразумно стараясь держаться от него подальше.

– Он не мой, он свой собственный.

– Дикий он разве, чтобы собственным быть? Раз приручен, твой, значит, хоть и нет на нем сворки.

– Это человек, – разозлившись, резко оборвала я мужчину, – такой же, как и я.

Вежливо и чуть виновато улыбнувшись, охотник опустил перед волком на корточки, пристально взгляделся ему в глаза.

– Вот оно как, – задумчиво и довольно протянул он, – прости, друг, не признал в шкуре. За что ж Яга прогневилась, в шерсть звериную облекла?

Вместо ответа волк снова ощерился и попытался спрятаться от охотника за моими ногами.

– Она сказала, что он живой и что он отказался от ее помощи. Вот она и превратила его в зверя, чтобы от злых духов защитить.

Охотник только головой покачал:

– То ли рассердилась Яга шибко, то ли сама многое позабыла. Ведь не единственный это способ беду отвести.

– А ты, получается, знаешь еще один?

– Знаю, отчего же не знать. Трава болотная есть, если цветы ее найти, высушить, да при себе носить, то не учуют навьи живой дух, за своего примут.

Тут уже даже волк уши насторожил, чуть ли не начал от нетерпения подвывать. Похоже, ему не терпелось сбросить опостылевшую шкуру и пройтись на двух ногах.

– Как мне найти эту траву?

– Сама ты ее не сыщешь, не узнаешь просто, слишком бледна и неприметна она. Я помогу. И провожу, и цветки найду.

Правую руку начало покалывать, боль, пока еще тихая, только напоминала о старухином завете.

– Лучше объясни, – мотнула я головой, стараясь не выдать тревоги.

Охотник пожал плечами.

– Растет трава у самых бочагов, у черной воды, стелется низко, цветы – звездочки с ноготок, блеклые, зеленоватые, до холодов держатся, с инеем сходят. Сбирать нужно только их, в тишине до заката, до последнего луча солнца. Из ношеной одежды мешок сшить да без железной иглы...

Он осекся, взглянул на мои округлившиеся глаза и только рукой махнул.

– Иди за мной, до болота доведу и траву соберу. Негоже человека зверем оставлять. – Он развернулся и пошел вниз с холма, обратно по моим следам, легко скользя между валунами.

– А как же дорога?!

– Нет дальше хода! Был раньше мост над могучей рекой, да трещины землю изрезали, и река в подземный мир вся ушла, а мост развалился по камню.

Я кисло посмотрела вниз. Получается, зря я вчера сюда лезла?

Волк легко сбежал вниз. На этих буераках, где ногу сломать – легче легкого, у него, с четырьмя-то лапами, было преимущество. Я спустилась последней. И волк, и охотник ждали меня, задрав головы, словно уже успели поспорить между собой, навернусь я кувырком с холма или нет. Увы, их ожиданиям не суждено было оправдаться – я даже ни разу не оступилась.

Теперь нас вел охотник, и эти места он знал хорошо – смотрел постоянно не под ноги, а на ближайшие деревья, словно знак какой искал. У старого трухлявого пня он резко свернул на север, я даже не сразу узенькую тропку-стежку разглядела. Идти по ней приходилось аккуратно, почти след в след за проводником, боясь оступить.

У корней деревьев чернели небольшие лужицы воды, словно земля уже была не в силах впитать влагу, пахло прелой листвой, сыростью и хвоей. На кочках алела брусника, пару ягод, росших на тропе, я сорвала и отправила в рот. Челюсть свело от их кислоты, но разом исчезла жажда, досаждавшая с утра.

Лужицы становились все больше и больше, постепенно сливаясь в мелкие озера черной неподвижной воды, и в ней, словно в колдовском потемневшем зеркале, отражались деревья и колючие кустарники. Вскоре под ногами начало хлюпать, сапоги заскользили по сырому мху. Я шла медленно, аккуратно ступая по следам охотника, опасаясь поскользнуться и упасть с тропы в мертвые кустарники и колючие плети. Охотник уже давно ушел вперед, временами он оглядывался и ждал, когда же я его нагоню. Было в этом что-то жуткое, словно он заманивал меня в ловушку и проверял, не сорвалась ли его жертва с крючка.

Боль в правой руке становилась сильнее с каждым шагом.

Над болотом стелился густой зеленоватый туман, в глубине которого мелькали синие огоньки. Над водой далеко разносился плеск, словно кто-то со всей дури бил тряпкой по воде.

Охотник довел меня до плоского камня у самого края болота, усадил и велел волку сторожить. Тропа вилась дальше, в обход топи, но охотник уверенно шел по примятой траве и чернеющим кочкам, пока туман полностью не поглотил его.

Я осталась сидеть на мокром камне и ждать, в задумчивости подъедая растущую рядом бруснику. Шлепки по воде становились все ближе и ближе, пока из тумана не вынырнул согнутый в три погибели старик, длиннобородый, слепой и весь облепленный тиной. Он подозрительно повел крючковатым носом, даже язык по-змеиному высунул, пробуя воздух на вкус.

– Здрава будь, красна девица, – неожиданно тоненьким, по-комариному писклявым голосом зачастил дедок, – здрав будь, добрый молодец! Уважьте старика, уважьте хозяина, раз на болото мое забрели да бруснику мою пощипали! Разделите со мной хлеб-соль да поговорите о житье-бытье! А то сто лет уж тут один-одинешенек, и словом-то перемолвиться не с кем!

«Так ты, старый, всех кикимор своих болтовней распугал!» – так и рвалось у меня с языка, но я чувствовала – надо молчать. Пока я ему не ответила, болотник нас не чуял, только и мог, что носом из стороны в сторону водить.

Я сжалась, боясь не то что пошевелиться – дышать. Рядом прижался к камню волк, беззвучно скаля клыки.

– Что ж молчите-то, гости дорогие? Али не хотите дедушку порадовать, слово ему доброе молвить? – начал сердиться болотник, громче шлепая перепончатыми лапами. – Ох, что за молодежь пошла грубая, без приглашения приходит, хозяев не уважает! Совсем стыд потеряли!

Его причитания были так похожи на ворчание бабок у подъезда, что я не выдержала и тихонечко фыркнула, сдерживая смех. Тут же прикрыла рот рукой и замерла, но было уже поздно – болотник услышал звук и теперь целеустремленно шел на него.

– Ой, красна девица, краса неписаная! – снова ласково зачастил дедок, ощупывая воздух перед собой неестественно длинными тонкими пальцами, между которыми влажно блестели перепонки. –

Сладка ли тебе ягода болотная, по нраву ли черное зеркало вод стоячих?

Я замерла, стараясь даже не дышать, волк припал к земле, еле сдерживая агрессивный рык в глотке. Болотник приближался к нему, еще пара шагов – и рукой заденет уши моего зверя. Я прикрыла глаза, набираясь решимости, и спрыгнула в лужу. Всплеск вышел громкий, в вязкой болотной тишине он далеко разнесся над водой. Старичок даже подскочил, поворачиваясь на звук.

Голос его стал вкрадчивым и сладким.

– Что ж ты молчишь, девица, слова доброго жалеешь? Али ты немая?

Теперь болотник тянул руки ко мне, я медленно отступала, стараясь шагать как можно тише. Происходящее напоминало игру в жмурки, которую я нежно любила в детстве, только вот сейчас чувала, что если меня поймают, то закончится все совсем не весело. Для меня, конечно.

– Не бежала б ты от меня, красна девица, – кряхтел болотник, поводя носом, – я ведь жених завидный и богатый, без приданого возьму, осоковой короной увенчаю, ягодами-самоцветами осыплю!

Я так опешила, что даже забыла пятиться. Вот же старый хрыч, а все туда же – седина в бороду, бес в ребро! Словно услышав мои мысли, старик продолжил заговаривать мне зубы, подбираясь все ближе и ближе:

– Не смотри, что стар и собой негож, вот народится луна молодая, востророгая, и я мигом помолодею, таким статным молодцем сделаюсь, что и царевичам со мною не сравниться будет!

Я пошарила вокруг себя и, подобрав мелкий камушек, облепленный мхом и тиной, метко запустила его в лоб болотнику, выражая этим все свое отношение к его «заманчивому предложению». На языке так и вертелся колкий и обидный ответ, но приходилось прикусывать губы, чтобы молчать. Я остро осознавала: заговорю и стану беззащитна, болотник меня увидит, и тогда игра в жмурки прекратится.

Волк сообразил, что я пытаюсь отвлечь болотника, и начал остервенело рыть землю – мокрые комья земли разлетались во все стороны и с тихим чавканьем падали в лужицы. Нежить завертелась, забормотала себе под нос и все так же с вытянутыми руками двинулась

в обратную сторону. Это было бы смешно, если б не было так страшно.

Очередной грязный камень прилетел старику уже в затылок.

– Дурачить меня вздумали?! – неожиданно гулким басом взревел болотник, увеличиваясь на глазах. И без того рыхлое желтоватое пузо раздулось втрое, скрыв кривые рахитичные ноги. Рот – вернее, огромная, полная мелких зубов пасть – распахнулся от уха до уха, глаза выпучились и вылезли из орбит.

Тварь обмахнула длинным тошнотворно-сизым языком морду и впиалась в меня тяжелым взглядом. «Видит», – похолодев, поняла я.

Игра закончилась, я проиграла.

Значит, можно и высказать все, что на языке вертится. Лишь бы голос от страха дрожать не начал.

– Если хотел нас напугать, – с напускной дерзостью усмехнулась я, – то просчитался! Ты больше похож на уродливую жабу, чем на чудище!

На этот раз болотник не стал снисходить до разговора, а с невиданной ловкостью рванулся ко мне, разевая пасть. Я с визгом отшатнулась, слепо отмахиваясь посохом. Неудачно оступившись, поскользнулась на осклизлом камне и рухнула на спину, выпустив от неожиданности посох и оставшись абсолютно беззащитной.

Позади болотника раздался тонкий, почти собачий визг – это волк, зажмурившись, вцепился в хвост нечисти, короткий и уродливый огузок. То ли хвост был ахиллесовой пятой болотника, то ли просто был безумно ему дорог, но тварь отвлеклась от меня и принялась прыгать по земле, разбрызгивая грязь.

Цепкости моего волка позавидовал бы и клещ.

Я как раз успела вскочить и подобрать посох, примериваясь, как бы поудачней ударить тварь по голове, когда мимо меня свистнула стрела и выбила нежити глаз.

– Вас что, даже на минуту одних оставить нельзя?! – раздраженно рыкнул охотник, держа тварь на прицеле и медленно выбираясь с изменчивой болотной тропки. – Велел же сидеть и ждать! А ты прочь пошел, пока жив!

Болотник клацнул челюстью, но неохотно пополз обратно в болото, кося на нас уцелевшим глазом. Уже у самой кромки бочага волк разжал

пасть, одним прыжком вернулся на тропу и принялся остервенело отплевываться.

Охотник ловко снял тетиву и приторочил лук к поясу, не переставая напряженно вглядываться в туман, словно оттуда могло вылезти что-то гораздо более жуткое, чем голодная нечисть.

– Идемте, – напряженно сказал он, не глядя на нас. – Здесь лучше не задерживаться.

Он схватил меня за запястье и потащил обратно по тропе с такой скоростью, что мне приходилось постоянно сбиваться на бег. Когда лес снова посветлел, а под ногами перестало хлюпать, мужчина сбавил скорость.

– Как же угораздило вас с хозяином вод встретиться? – уже спокойнее принялся расспрашивать охотник.

– Он сам к нам вышел, – отозвалась я, с трудом переводя дыхание. – Сначала стариком прикидывался, на ощупь искал. Потом взбесился и в жабу превратился!

– В жабу. – Охотник устало прикрыл глаза, поражаясь то ли моему спокойствию, то ли моей глупости. – Жаба эта может человека махом проглотить, чтоб на илистом дне отрыгнуть и месяцами тело глотать.

Меня передернуло от такой перспективы.

На привал мы остановились на небольшой прогалине у поваленной березы, в корнях которой журчал совсем крошечный ручеек. Я печально рассматривала свой бедный плащ: мокрый и грязный, отяжелевший от болотной жижи, всю дорогу он путался в ногах. Постирать бы его и самой помыться, но где? Да и к воде я долго не захочу приблизиться, слишком уж яркие у меня воспоминания о ее коренных обитателях.

Охотник осторожно извлек из кармана свернутую тряпицу, почти благоговейно развернул ее. Мы с волком мигом склонились над ней, едва не столкнувшись лбами. На клочке небеленого холста лежали десятки мелких невзрачных цветочков, остролистых и звездчатых.

– Вот и трава заветная, – с нежной улыбкой сказал охотник. – Дальше я не помощник – самой тебе придется без железной иглы мешочек зашивать.

Я только в затылке почесала. При всей моей любви к рукоделию, я слабо представляла, что можно сделать. С трудом выдернула из рукава длинную тонкую нитку и попыталась ею стянуть тряпицу в мешочек,

но он все разваливался. Приходилось следить, чтобы мелкие цветы не разлетелись.

В очередной раз скрипнув зубами, я подобрала сосновую иглу пожестче. Охотник говорил лишь про железные иголки, про сосновые речи не было. Кое-как закрепив нить, я прошила тряпицу вдоль и поперек, чтобы она не расползалась в руках. Вышел кривой и косоый шарик, размером не больше грецкого ореха. Толстую шерстяную нить я зубами выдрала из подола плаща, на нее и повесила мешочек с травой.

– Вот, даже неплохо вышло, – неуверенно произнесла я, на вытянутых руках самокритично разглядывая свое творение. – Охотник, посмотри! Ты нам сильно помо... ааийй!

Судорога скрутила правую руку, на пару секунд я вообще перестала ее чувствовать.

Впрочем, мою оплошность заметить он уже не мог – пока я возилась с амулетом для волка, охотник молча исчез, даже не попрощавшись.

Волк недоверчиво косился на амулет в моих руках, в глазах так и читалось: «Что, я должен буду это носить?!» Но человеком ему быть хотелось сильнее. Зверь покорно подошел ко мне и склонил голову, позволяя завязать шерстяной шнурок на загривке.

Чуда не произошло. Волк сел, неуверенно повел лопатками, но так и остался волком.

– То ли охотник обманщик, как и любая навья тварь, – принялась вслух размышлять я, пытаюсь унять разочарование, – то ли я все испортила, криво сшила... Ладно, делать нечего, пошли дальше.

Волк согласно завилял хвостом.

Пересилив брезгливость и страх, я умылась и напилась из мелкого ручейка, счистила болотистую грязь. Волк терпеливо ждал в стороне от воды, когда мы двинемся дальше.

Тропка петляла и раздваивалась, на всех распустьях я выбирала направление по наитию, шла куда глаза глядят. Волк понуро бежал рядом. Это в сказках только одна дорога, иди по ней и иди, рано или поздно к замку Кощееву выйдешь да невесту свою назад отобьешь. Здесь же дорог было множество, и тропинок, и совсем незаметных стежек – поди угадай, которая в нужном направлении ведет да посреди чащи не обрывается.

Очень не хватало камня с подробной инструкцией: «налево пойдешь – богатство найдешь, направо пойдешь – коня потеряешь, прямо пойдешь – сестру пропавшую отыщешь». От такой подсказки я бы не отказалась! Ноги уже начали гудеть от усталости, руки, раз оочечневшие, уже не отогревались, а после ночевки на голой земле ныла спина. И это только второй день пути! Страшно представить, что дальше ждет.

Даже с волком я чувствовала себя бесконечно одинокой против огромного, обманчивого и опасного леса, словно встала, мелкая, незаметная, против непонятого и необъятного чудища. И оно наблюдало, то ли с ленцой, то ли с любопытством, как я сама лезу ему в пасть, насаживаюсь на когти-шипы, увязаю в нем, теряю чувство направления, теряю себя.

В тяжелом безветрии тоскливо поскрипывали ветви, шорохи и шепотки тянулись за мной следом или же звучали лишь в моем воображении. Среди редких сухих листьев я иногда замечала мелких птиц, блеклых, потрепанных. Только грудки алыми – окровавленными – пятнами мелькали в ветвях.

Сквозь ажурную крону деревьев пробился золотой закатный луч, больно ударил в глаза. Я остановилась, приглядываясь и прищуриваясь, прикрыла рукой лицо – мне снова почудилось, что впереди какой-то просвет и лес заканчивается.

– Как думаешь, волк, – обратилась я к спутнику, уже не находя сил молчать, – скоро мы выйдем из леса?

– Нет, – ответил мне ломкий хриплый голос. – Яга твер-р-рдила, что лес все Навье цар-р-рство занял, а ему все места мало.

Я медленно обернулась, боясь поверить своим глазам. На земле сидел вытянутый нескладный подросток, укутанный в одежду из серых волчьих шкур, капюшон-пасть скрывал его лицо. Волк... вернее, бывший волк неуверенно откинул капюшон, пригладил включенные жесткие волосы.

– Привет, – неразборчиво буркнул он.

8. Люди добрые, но недобрые

Вот уж не думала, что мой спутник окажется моложе меня самой! Широкоскулый, с узкими миндалевидными глазами, явно монгольского происхождения, юноша выглядел почти ребенком, хотя морщинка между бровями и придавала ему вид серьезный и угрюмый.

Несколько минут мы пристально разглядывали друг друга, немного недоверчиво, словно впервые столкнулись. Волк попытался подняться, но запутался в ногах и шлепнулся обратно на землю. Я присела рядом с ним, чтобы ему не приходилось задирать голову.

– Привет, – я старательно изображала дружелюбие, словно заново пыталась приручить дикого зверя. Впрочем, лицемерить не приходилось – я действительно была рада тому, что мой спутник вернул себе тело. – Об имени тебя спрашивать смысла не имеет, верно?

– Верно, – с рычанием выговорил юноша. Язык его плохо слушался, часть звуков он проглатывал, словно забыл уже, как пользоваться человеческой речью.

– Долго же ты пробыл в звериной шкуре, – я сочувственно покачала головой, наблюдая, как он пытается разобраться с непослушными конечностями.

– Долго. Вечность.

Он даже говорил отрывисто, еще до конца не вспомнив, каково это – быть человеком. Хотелось пожалеть его, обнять, погладить по волосам, но я только подала руку и помогла подняться. Волк держался неустойчиво, пошатываясь, пытался по-волчьи сгорбиться. Я понаблюдала за этим делом и вручила ему свой посох. Иначе, чуюла, далеко не уйдем.

Когда волк чуть освоился с человеческим телом и перестал спотыкаться на каждом шагу, я принялась его расспрашивать:

– Почему ты не превратился сразу? Амулет не сработал?

– Работает амулет. Он же только человеческий дух скрывает. Я сам должен был шкуры сбросить, в человека вернуться. Но забыл уже, совсем зверем стал!

Волк потряс головой, словно пытаясь отогнать иное, звериное восприятие мира. Он сам еще толком не доверял амулету, постоянно

прислушивался и принюхивался, забыв, что вместе с четырьмя лапами лишился и чуткого обоняния.

– Идем. Не дело на месте стоять.

На этом волк замолчал – утомился. Речь его все еще звучала невнятно, язык заплетался, да и видно было, что юноша никогда не отличался словоохотливостью. А вот ответственности ему было не занимать. Даже сейчас, прихрамывая и спотыкаясь, он шел впереди меня, бдительно вслушиваясь в любые звуки. Я даже специально сбавила шаг, чтобы юноше было легче изображать первопроходца.

Тем более мне было о чем подумать.

Обереги Яги уже второй раз удержали меня от непоправимой ошибки. Вывод напрашивался только один: охотник, каким бы добрым и отзывчивым он ни казался, такая же навья тварь, как и мертвая птица, похитившая мою сестру. Но вовсе не это меня пугало: в конце концов, знала куда шла, все здесь навьи твари. Настораживало другое: я не могла понять его мотивов. Втирается в доверие? Но зачем? Пытается заманить? Так нет же, он нас никуда не ведет, дорог не советует, в чашу завести не пробует. Даже волку помог... судя по тому, что на нас еще никто не набросился, не явился, учуяв запах живого человека, действительно помог. И благодарности ждать не стал, даже не намекал на нее, прекрасно зная правила.

Хочешь – не хочешь, а поверишь, что и в Навьем царстве приличная нечисть осталась, думающая не только о том, как себе пузо набить!

Вот только интуиция мне подсказывала, что верить в это нельзя.

Мы миновали глухой и темный бор с непроходимым подлеском, продрались сквозь колючки шиповника, выросшего прямо посередине тропы. Лес постепенно светлел, плавно переходил в рощицу высоких корабельных сосен с золотистой теплой корой. Идти сквозь рощу было одно наслаждение – в воздухе пахло смолой, под ногами шуршали не осточертевшие раскисшие листья, а сухая хвоя и мелкие шишки. Издали доносился звонкий колокольчиковый смех и тихий плеск волн, накатывающих на песчаную отмель. В воздухе чувствовался запах чистой речной воды и высохшей травы.

Неплохо было бы спуститься к берегу, искупаться и почистить одежду, но дорога тянулась дальше, а в сторону берега не убегала ни

одна тропинка. Мне только и оставалось, что с завистью прислушиваться к смеху русалок.

– Лучше уйти отсюда быстрее, пока русалки не прибежали.

– Они так опасны?

Волк пожал плечами, не сбавляя шага.

– Яга говорила, опасны. Здесь все опасны.

Ночевать мы решили у корней высокой и старой сосны. Даже три человека не смогли бы обхватить ее ствол, а корни темными арками вздымались из земли. Пока я расчищала место для сна от шишек и веток, волк чертил охранный круг, что-то бормоча себе под нос. Очень не хватало костра, но я помнила слова охотника, что огонь только привлечет голодных тварей.

Волк снова отказался от хлеба и мяса, глянул исподлобья, но смолчал. Перекусила я быстро, настороженно прислушиваясь и оглядываясь. Ни у волка, ни у меня не было уверенности, что охранный круг сработает – охотник, в конце концов, мог и по доброй воле не переступить черту.

Где-то за лесом садилось солнце, его последние лучи окрашивали стволы сосен в янтарные и кровавые цвета. Из оврагов и низин выползали клочья тумана, грязно-серые в подступающем сумраке. Тишина становилась вязкой и осязаемой, казалось, она ватой забивается в уши и нос.

– А как ты попал в Навье царство? – шепотом спросила я у нахохлившегося волка.

Мой спутник молчал так долго, что я уже и не надеялась дождаться ответа. Но все же он заговорил – так тихо, что приходилось изо всех сил напрягать слух, чтобы разобрать его слова.

– Со мной с детства говорили духи. Старшие считали – шаманом стану, сильным. Отец всегда против был. Хотел в город меня отвезти, чтобы на инженера учился. А я, дурак, сначала поддакивал ему, верил, что в нашем селе будущего у меня нет. Все ждал, когда же отец обещание сдержит, учиться отправит, – волк нахмурился, подобрал палочку и начал в задумчивости ковырять землю. – Только духи не спрашивают, хочешь ты общаться с ними или нет. Они просто приходят. Ты знаешь о шаманской болезни?

Я покачала головой, глядя в землю. Никак не могла заставить себя поднять глаза и посмотреть в лицо волку, словно заставила его

исповедоваться в чем-то страшном и постыдном, хоть ничего страшного и постыдного в его словах не было.

– Это тяжелая болезнь, это зов духов и предков. От него нельзя отказаться, у тебя нет выбора. Начинается все с бессонницы и видений, паники и припадков – значит, духи тянут тебя в свой мир. Старики говорят, познакомиться. Тут только старый шаман помочь может. Объяснить, ритуал провести, – волк вздохнул. – Когда началось у меня, мы с отцом были в городе. Отец институт выбирал, где мне учиться. Говорил, умным человеком буду, уважаемым. Не чета суеверным старикам. Это он так шаманов наших называл. И когда болезнь появилась, я промолчал. Думал, отец узнает – любить перестанет, гордиться не будет. Думал, обойдется. Думал, не шаманская болезнь, а просто нервы перед поступлением. Вот закончатся экзамены, и все пройдет.

– И ничего не прошло?

– Да. Лихорадка началась, бредить стал, с духами говорить, с предками. Они меня учили, советы давали. Твердили, великим шаманом буду, от большой беды народ уберегу. А я... я отца подвести не хотел. Все-таки шаманов много, а у него я единственный сын.

– И чем закончилось? Отец смирился?

Волк грустно усмехнулся:

– Он так и не понял ничего. Я просто не очнулся. Лежал в темноте, слышал далекие голоса. Но что они говорят, уже не понимал. Духи ведь не дураки, тоже поняли, что я не хочу шаманом быть. То ли смирились и оставили умирать, то ли разозлились и бросили в царство мертвых, древнее испытание проходить, в мир живых путь искать. Не знаю. Открыл однажды глаза, радовался, горячки нет, не болит ничего, не трясет, только в лесу стою, а лес глухой и не знакомый. И в темноте чужие глаза светятся. С трудом тогда до Яги добежать успел, хоть она помогла.

– А чего от ее ритуалов отказывался? Мог бы и раньше от нее уйти.

– Не понял сразу, где я и что со мной. Говорю же, дурак был! Пока у нее как в клетке сидел и ее бормотание слушал, сообразил уже. Сначала вообще считал, что все, умер, съела болезнь. А уж когда ты появилась, дальше в Навь рвалась, решил, что и у меня шанс есть.

Я, наконец, подняла на него глаза, долго и молча разглядывала его мрачное сосредоточенное лицо.

– Думаешь, это твое испытание? И если пройдешь, станешь шаманом?

Волк только глазами сверкнул.

– Стану, а куда я денусь. Духи выбора не дают, – он отбросил ветку, которой ковырял землю, и подался ко мне, – а правда, что ты сама в Навь пришла? За сестрой?

– Правда. Ее унесла огромная мертвая птица, и я пошла за ними, – я немного покривила душой, считая стыдным признаваться, что, потеряв сестру, я малодушно хотела умереть. – Яга говорит – это Финист. Честно говоря, я неплохо помню сказки, но даже представить не могу, зачем ему моя сестра понадобилась. Он же не Кощей, чтоб девиц похищать.

– Яга в одном права, – фыркнул волк. – Люди перестали верить в богов и богатырей, и их поглотила Навь. И она же их изменила.

Я поежилась от мерзкого ощущения, словно сотни глаз буравили мне спину. Между лопаток даже зачесалось, и я поплотнее закуталась в плащ. Ночь чудовищно преображала и без того пугающий лес. Силуэты деревьев приобрели зловещие черты, корявые ветви тянулись к нам со всех сторон. С внешней стороны охранного круга у самой земли влекло палые листья и хвою, хотя было безветренно и душно. Они скапливались снаружи, бурой и рыхлой каймой отмечая незаметную черту на земле.

Я нервно оглядывалась и прислушивалась, вцепившись в рукоять кинжала так, что побелели пальцы.

– Спи, – шепнул мне волк. – Я пока посторожу.

– А ты?

– Потом посплю, перед рассветом.

Я внимательно всмотрелась в его лицо, в покрасневшие у уголков глаза, и недовольно поджала губы, как раньше – словно не волка, спутника случайного в Нави, а Марью за бессонные ночи отчитывала:

– Ты прошлой ночью вообще спал?

Волк, немного смущенный, опустил глаза и ссутулился.

– Караулил, – и тут же вскинулся: – Спи первая, я потом отдохну. У Яги впрок отоспался, как в гробу.

Я свернулась клубочком на земле, не закрывая глаз. Казалось, стоит зажмуриться, и из темноты выползут твари, жуткие, древние и голодные, и надо следить, смотреть пристально и неотрывно, чтобы

они так и остались в своих темных норах караулить утратившую бдительность жертву.

– Спи, – снова повторил волк и легко коснулся моего плеча. Пальцы у него были сухие и горячие, я даже сквозь одежду ощутила. Мне действительно стало спокойнее, панический ужас уходил, уступая место глубокому сну.

Проснулась я сама, еще до того, как волк меня разбудил. Резко открыла глаза, словно и не спала вовсе, и все никак не могла понять, что же меня потревожило. Я лежала неподвижно, чувствуя, как камушек впивается в щеку, и не могла заставить себя пошевелиться. Краем глаза я видела неподвижный силуэт волка, караулящего мой сон. Издали донесся тяжелый раскат грома. Уже почти не слышимый из-за расстояния, он, скорее, ощущался телом.

Затем раздался еще один, ближе. И еще.

Это не гром, внезапно осознала я. Это гигантская тварь шла по лесу, и земля дрожала и вибрировала от ее шагов. Я осторожно приподнялась на локте, всем телом вздрагивая вместе с землей. Волк услышал меня и обернулся.

– Вот оно, – кивнул он в сторону чащи. – Смотри.

Я села рядом с ним и прищурилась. Глаза привыкли к темноте, начали различать ее оттенки и полутона. Среди серых стволов деревьев медленно двигалось что-то, похожее на тучу, такое же огромное, тяжелое и неторопливое. Оно было абсолютно черным, таким, что темнело даже на фоне чащи.

– Кто это? – я почти вплотную придвинулась к волку и зашептала ему на ухо. Казалось, чудище может слышать любой звук, даже совсем тихий.

Волк ответил шепотом, но особо не скрываясь:

– Не знаю точно. Скорее всего, леший, хозяин леса. У него оленьи рога на голове, присмотрись.

Я подалась вперед, едва не вывалившись за границу круга, но так ничего и не увидела. Чудище казалось огромной тушей, размытой фигурой, и этим пугало сильнее, чем сотней глаз, зубов и рогов. Оно так и не повернулось в нашу сторону, ушло дальше в лес, растворилось в темноте. Когда мелкие камушки перестали подпрыгивать от его шагов, я повернулась к волку:

– Ложись спать. Раз уж я проснулась, покараулю до утра. Все равно теперь не уснуть.

Спутник пожал плечами и по моему примеру свернулся на земле, поглубже надвинув капюшон – волчью голову.

Караулить было скучно. Без всякого ветра деревья шевелили ветками, в слабом свете старой луны мелькали размытые тени. Иногда от реки доносились голоса и смех – скрипучие, совсем немелодичные. Листья приминались под тяжелыми шагами невидимых тварей, по охранному кругу скользили чужие алчные взгляды, не замечая нас.

Все это уже не пугало – я устала бояться одного и того же. Да, лес был опасен, а твари, в нем живущие, опаснее во сто крат. Но волк научил меня прятаться от них, защищаться, Яга дала амулеты, предупреждающие о беде. И сводящий с ума, иррациональный страх исчез, потерял свою власть над моим разумом. Рациональная часть сознания оценила окружающую реальность, навесила на все подходящие ярлыки и проанализировала. Теперь, когда мне угрожала опасность, я могла не бояться, а действовать, спасти себя, искать путь к сестре.

Мне было спокойно.

Вернее, это я так думала.

За пару часов до рассвета, когда солнце еще не показалось, но небо уже начало сереть, и на нем отчетливо вырисовались кривые ветви, тишину прорезал отрывистый и резкий птичий крик, знакомый мне до дрожи в пальцах. Я замерла, задрала голову, пытаюсь разглядеть птичий силуэт или хотя бы определить, откуда шел звук.

Кровь гулко бухала в ушах, сердце колотилось где-то в горле, как после долгой пробежки. Почему-то в голове вертелись воспоминания о том, как я судорожно бежала домой, как обнаружила сидящую на подоконнике мертвую птицу, как к ней с блаженной улыбкой тянулась Марья. Откинуть эти воспоминания и сосредоточиться на происходящем не получалось. Я с трудом сглотнула, пытаюсь успокоить сердцебиение. Я боялась, что за шумом крови в ушах не услышу шорох перьев подлетающей птицы.

На периферии зрения мелькнула стремительная тень, и я резко, всем корпусом, развернулась в ту сторону, автоматически стиснув кинжал. Конечно же, ничего там не было. Даже листья уже не шевелились.

– Что это было? – спросил проснувшийся волк.

– Финист Мертвый Сокол, – с трудом сдерживая злость, сквозь зубы процедила я. И не понять же, на кого злилась сильнее: на птицу, преследующую и глумящуюся надо мной, или на себя, каждый раз пугающуюся до дрожи в коленях. – Мне нужен лук.

– Лук – это хорошо, – усмехнулся волк, блеснув зубами. – А стрелять из него умеешь?

Мне оставалось только руками развести. Как бы ни хотелось приласкать назойливую мерзкую птицу стрелой в крыло, я осознавала, что мне сил не хватит даже тетиву натянуть, не то что выстрелить и уж тем более попасть.

Мы дождались, когда солнечные лучи окрасят облака в розовый цвет, и вышли из круга. Ночная жуть отступала, но холод еще держался: пришлось ускорить шаг, чтобы согреться.

– Ты хоть знаешь, где Финиста искать?

– Понятия не имею, – помрачнела я. – Сначала просто шла по дороге, думала, она единственная. Теперь вообще не представляю, где мы и куда идти.

– С этим легко, – скептически фыркнул волк. – Мы в лесу и идти нам в лес. Везде он. Яга говорила, в самом сердце Нави совсем непроходимые пущи, и твари там живут такие, что сам лес их боится, а земля не принимает.

– Бррр! – вздрогнула я. – Очень надеюсь, что нам не туда. На меня деревья уже тоску навевают! Неужели здесь больше ничего нет? Ни озер, ни полей, ни садов?

– Были раньше. Но лес все скрыл, все сожрал.

– К людям бы выйти, – проворчала я. – Не может же быть, чтобы никто не знал, где этого Финиста найти!

Волк согласно кивнул и ускорил шаг.

Ох, стоило сразу подумать, какие люди могут в Навьем лесу жить, если «жить» – подходящее слово для царства мертвых.

Осень чувствовалась даже здесь: с рассветом налетел пронизывающий до костей ветер, он бросал в лицо мелкий мусор и крупные капли дождя. Небо затянуло тяжелыми тучами, и даже днем было сумрачно и тоскливо, как на рассвете. Однотипный пейзаж утомлял, размеренная ходьба погружала в подобие транса. Начал сказываться недосып – веки потяжелели, я шла, засыпая на ходу,

закрыв глаза, только изредка с трудом приподнимая ресницы, чтобы не вписаться лбом в дерево.

В итоге я налетела на замершего Волка, едва не сбив его с ног. Он подхватил меня под локоть и помог устоять на ногах.

– Чуешь? – тихо спросил он, пригнувшись к воздуху. – Пахнет дымом.

Я неуверенно кивнула. Мне было далеко до его обоняния, обостренного звериной шкурой, да и спросонья я вряд ли могла унюхать хоть что-то.

– Ты уверен, что там люди?

– Нет. Но и погода не та, чтобы просто лес горел.

Мы почти бегом бросились туда, откуда тянуло дымом. С каждым шагом я все отчетливее различала его запах, но почему-то совсем этому не радовалась. Разве печной дым пахнет так горько и резко? Разве он поднимается в небо плотными черными клубами?

За несколько шагов до просеки мы остановились, боясь выходить на открытое пространство. Сквозь деревья виднелись всполохи потухающего огня, особенно яркого в пасмурный день.

– Что-то я не уверена, что нам туда надо, – дрогнувшим голосом пробормотала я, отступая глубже в тень деревьев.

– Другой дороги здесь нет, – покачал головой волк, возвращая мне посох. Он глубоко надвинул капюшон, полностью скрыв лицо, и плавно опустился на четвереньки. Я моргнула. У моих ног снова сидел зверь, но теперь он уже не выглядел изможденным. Крупный, почти черный с серебристыми подпалинами, он запросто мог бы меня везти на спине, как сказочный Серый Волк. В густой шерсти на груди едва виднелся мешочек-талисман – если не знать, что искать, то и не увидишь.

– Ох, черт! – испуганно выдохнула я. – Ты всегда так мог? И в человека обратно сможешь?

Волк согласно рыкнул и осторожно подкрался к краю просеки, настороженно пригнувшись. Я тихонько шла за ним.

Кажется, раньше здесь была деревня: на пепелище угадывались квадраты домов, догорали упавшие садовые деревья. В воздухе летал пепел, редкие последние искры поднимались к небу. Накрапывающие капли дождя шипели на еще горячей золе. Кто бы ни сжег деревню, он все еще был здесь.

Привычная тишина была нарушена чужими голосами, резкими и грубыми. Подходить к ним не хотелось – меня не оставляло ощущение, что мы лезем в пасть зверю. Я не знала, что хуже – снова остаться одним в лесу, не зная, куда идти, или встретиться с этими разбойниками.

Я поудобнее перехватила посох, чтобы в крайнем случае им отбиваться, и покорно пошла за волком, надеясь, что он знает, что делает.

У другого конца пепелища, где еще горели дома, мы увидели толпу вооруженных людей. Выглядели они как сказочные витязи – в длинных кольчугах, перехваченных чеканными поясами, в островерхих шлемах, плотных перчатках. Вот только не казались благородными героями и защитниками. Все воины стояли с обнаженным оружием, у кого-то в руках блестели мечи, у кого-то – палицы, чуть в стороне стояли лучники. Луки их были опущены, но на тетивах лежали стрелы, готовые в любой момент сорваться в убийственный полет.

Стоило нам приблизиться, как несколько лучников прицелились в меня – волка они почему-то не посчитали угрозой. Я остановилась, демонстрируя свои добрые намерения.

– Здоровы будьте, – отчетливо произнесла я, и витязи замолчали. Стало достаточно тихо, чтобы можно было услышать приглушенное хныканье ребенка – как раз из середины толпы.

– И тебе не хворать. Чего здесь ищешь? – грубо ответил мне один из дружинников, вооруженный огромной шипованной булавой, демонстративно смерив меня взглядом с головы до ног.

– Заблудилась. Людей искала, дорогу спросить, – как можно спокойнее ответила я, стараясь не выдать свой страх.

– Ну, поздравляю, – усмехнулся он, показав крупные желтоватые зубы, – нашла.

Витязи расступились, и я увидела сбившихся в кучу селян. Я быстро окинула их взглядом, прикусила губу, чтобы сдержать страх, не дать ему отразиться в глазах, предательской печатью проступить на лице. Перемазаные в гари женщины с маленькими детьми на руках, понурившиеся мужчины, избитые, со связанными за спиной руками. Я прищурилась, разглядывая их, но не заметила ничего, что их отличало

бы от обычных, живых людей. И все же пока остереглась их жалеть, хорошо помня слова Яги: все здесь мертвы, все здесь обман.

– Ну, иди к ним, девка, раз сама пришла, – грубо приказал все тот же воин, играючи помахивая палицей. – Или тебя за космы к ним кинуть?

Я покосилась на лучников и, опустив посох, покорно пошла к пленникам, не опуская головы. Если б не стрелки, я бы рискнула и бросилась обратно в лес, но стрела летит явно быстрее, чем я бегу, да и на дороге по пепелищу не особо попетляешь. Волк замешкался, зарычал, но через пару мгновений крупными прыжками меня догнал.

– Эй, девка, твой зверь?

Теперь грубость витязя звучала наигранно, словно ею он пытался спрятать замешательство или страх.

– Мой, – спокойно кивнула я, проходя мимо него.

Дружинники переглянулись, но промолчали. Повинуясь едва заметному знаку воеводы, того самого, с огромной палицей, стрелки опустили луки и отвели глаза. Отношение ко мне резко изменилось – словно я из случайной пленницы превратилась в такую же случайную почетную и опасную гостью или заложницу. Меня оставили среди пленников, но не подгоняли тычками, уже не грубили и вообще старались по большей части игнорировать. Волк брел рядом со мной, почти жался к ногам и иногда недовольно порывивал на витязей, если они подходили слишком близко.

Сами пленники на меня косились с почти суеверным ужасом. Будь у них возможность – разбежались бы прочь, как от зачумленной, как от опасной твари без поводка и намордника, но витязи пинками сгоняли их в тесную толпу, вынуждая практически прижиматься ко мне.

Интересно, кто эти воины и почему они взяли в плен простых крестьян? На монголов-работоторговцев они не походили, да и вряд ли есть в Нави Ордынское иго. Почти все витязи были светловолосые и светлоглазые, типичной славянской внешности. Хотя, может, это удельные князьки воюют?

У кромки леса были привязаны кони дружины, темные, крупные и в то же время изящные. В них не было хрупкости и легкости арабских скакунов, но и на мохнатых тяжеловозов, которых всегда рисовали вместе с Ильей Муромцем, они не походили. Учув волка, лошади встали на дыбы, начали громко и нервно ржать и бить копытами.

Дружинники насилу их успокоили – я даже немного позлорадствовала с каменным выражением лица.

Здесь мне, наконец, удалось их пересчитать: витязей было всего четырнадцать, две седмицы, пленников же оказалось почти вдвое больше. Но много ли воинов нужно, чтоб с женщинами и детьми сражаться?

Дорога расширялась достаточно, чтобы могли проехать трое в ряд. Меньшая часть воинов ехала впереди, не убирая оружия, словно ожидала нападения, остальные понукали пленников, гнали, словно скот. Но никто не следил, чтоб селяне не бросились прочь с тропы под сень деревьев: хочешь – шагни в сторону да растворишься в лесу, подлесок густой, ни одна стрела не найдет. Но люди и не пытались спастись, да и сами дружинники старались держаться ближе к центру дороги, подальше от обочины.

Даже местные твари боялись своей земли.

Я припомнила: охотник спокойно ходил по бездорожью, хорошо ориентировался даже в темной чащобе и не вздрагивал на любой шорох, словно всегда точно знал, грозит ему опасность или нет. Значит ли это, что дружинники опасаются напрасно, или это охотник такой особенный? Или все дело в том, что спокойно он ходил только по лесу до границы, до избушки Яги?

– Госпожа? – кто-то легонько подергал меня за край плаща. Я повернулась, нахмурившись.

Это была совсем молоденькая девушка, худая и бледная, вся измазанная гарью, с опаленными волосами. Серо-зеленые глаза, ярко выделяющиеся на испачканном лице, смотрели на меня с мольбой.

– Госпожа?

– Чего тебе?

– Ты ведь чужая, не из этих земель, – запинаясь забормотала девушка, опустив глаза и теребя бахрому рваного рукава. – Тебе ведь нет дела до войн княгинь! Замолви за нас словечко, скажи княгине, и на нее прилежно работать будем, нам ведь одинаково, какой госпоже кланяться!

Я только головой покачала, не зная, что и ответить. Можно подумать, меня их княгиня слушать будет!

Идти пришлось долго. С дороги мы свернули на узенькую тайную тропку, где всадникам пришлось спешиться и вести лошадей в поводу;

пленники растянулись цепочкой по одному. Передо мной шел один из мужиков, один из немногих, кто еще зыркал настороженно и зло, все выжидая момент. Если б не связанные за спиной руки – кинулся бы на конвойных, хоть кулаками, хоть зубами рвал бы. Он прихрамывал и постоянно стонал сквозь зубы – видно, сильно его избили, прежде чем связать. Пару раз он оглянулся, встретился взглядом со мной и помрачнел еще больше, в глазах исчезли даже проблески надежды.

Ближе к полудню, когда сквозь густые переплетенные кроны деревьев пробилась блеклые лучи слабого осеннего солнца, он не выдержал и резко рванул в сторону с тропы. Проломился сквозь колючий кустарник и исчез, даже хруста веток из леса не раздалось, словно и не было его.

Меня пробрала дрожь. Я остановилась как раз у пролома в кустах, похолодев, и глядела, как расправляются ветви, исчезают надломы, заново отрастают колючки. Через десяток секунд даже следа не осталось, словно и не ломился здесь никто в лес.

– Эй, что встала, девка?! – раздался грубый окрик от одного из замыкающих дружинников. Волк раскатисто рыкнул, и воин поперхнулся очередной порцией ругательств.

Я сглотнула и на ватных ногах пошла дальше. Кольцо успокаивающе нагрелось, мол, я же говорило. Я сжалась, уставилась под ноги, страх оступить, случайно сойти с тропы, навязчивой занозой засел в мыслях. К счастью, тропа скоро влилась в широкую дорогу, а та через пару сотен шагов уперлась в высокие деревянные ворота, окрашенные лучами заката в зловещий багровый цвет.

Вот я и нашла людей, которых можно расспросить о Финисте.

Только захотят ли они мне отвечать?

9. Медь и кровь

Назвать княгиню красивой язык не поворачивался. Рыжая, худая, словно усохшая до скелета, с тонкой сухой кожей, она казалась тяжело больной, доживающей свои последние дни. Но крепкие витязи трепетали перед ней, входили с низким поклоном и говорили, не поднимая глаз. Я же стояла за их спинами и с интересом разглядывала хозяйку «медного царства» – огромного терема, украшенного инкрустациями из полированной меди, да пары десятков хибар вокруг.

Наконец, княгиня милостивым кивком отпустила своих дружинников и с ласковой улыбочкой подозвала нас. Я осторожно приблизилась, ощущая себя зайцем, купившимся на елейный голосок лисицы. Волк демонстративно лег у моих ног, глядя в сторону.

– Здравствуй, красна девица, – снова улыбнулась княгиня. Похоже, по ее задумке, от ласкового голоса да нежного приветствия я должна была растаять и ей довериться, но я еще сильнее насторожилась – и голос был хрипловат, и в улыбке мелькали острые зубки.

– И ты здравствуй, прекрасная княгиня, – покривила душой я. Очень непривычно было обходиться без «вы», приходилось речь контролировать, чтобы себя не выдать.

– Извинения прими за грубое обхождение моих дружинников. Воины они, а не послы, вежливому обхождению не обучены, – я только усмехнулась в ответ на это. Интересно, заливалась бы она соловьем, если бы со мной не было волка? А если бы волк был человеком? – А в знак примирения изволь со мной трапезу разделить.

– Изволю, – я постаралась скопировать ее величественный кивок, но только судорожно дернула шеей. Вот уж что у княгини не отнять, так это манер и умения держать себя.

Радостно улыбнувшись, она хлопнула в ладони, и тотчас из боковых незаметных дверей тенями выскользнули служанки – все, как одна, в темно-красных сарафанах, с платками, полностью скрывающими волосы. Они двигались почти не слышно, только воздух чуть дрожал от их легких стремительных движений.

Спустя пару минут, еще до того, как княгиня успела недовольно нахмуриться, стол был накрыт. Я подозрительно принохалась,

вспомнив о трапезе в доме Яги, но пахло аппетитно. Жареная дичь, свежие овощи, тонкие лепешки и вино. Даже волку отдельные миски приготовили.

Княгиня изящно сошла с трона и знаком предложила мне присесть за стол напротив нее.

– Ах, дорогая гостья, не серчай за скромную трапезу. Разве могла я знать, что вместе с дурными холопами мои славные дружинники приведут могучую чародейку?

Я едва лепешкой не подавилась от такого заявления, но предпочла промолчать. Пока меня здесь опасаются, мне самой бояться нечего. Я почти не сомневалась, что столь странным обхождением была обязана своему спутнику. Или волки в лесу – зверь редкий, или не сопровождают по доброй воле путников.

Волк, словно угадав, что мысли мои о нем, поднял голову и насторожил уши. Еду он даже нюхать не стал, отвернулся демонстративно, как от редкостных помоев.

– Я и сама предположить не могла, что здесь окажусь, – вежливо кивнула я, с трудом проглотив пресную лепешку. По чуть изменившемуся выражению лица княгини поняла, что ляпнула что-то не то и поспешила исправиться: – Да пленницей, а не долгожданной гостьей.

Княгиня расслабилась.

– О, дружинники всего лишь воины, не королевичи, воспитанием похвастать не могут. Разве придет к ним мысль, что усталой путнице надо своего коня уступить? Прошу, не серчай на моих воинов, не их вина, что учили их не благородным девам угождать, а мечами махать.

Я только вежливо улыбнулась, впиваясь зубами в птичье крыло. Похоже, предвидение здесь почитается самой простой ступенью колдовства, и не владеют ею лишь те, кто магией совсем обделен. Как моя собеседница, например. Вряд ли бы она стала передо мной лебезить, если б знала, насколько я сама далека от всего колдовского и волшебного.

Проглотив очередной кусочек мяса, я задумчиво провела кончиком языка по зубам. Что-то было не так, но я не могла ни понять, ни почувствовать, что именно. Свежее, ароматное мясо, сочные овощи, холодная вода. Разве что вино кислило безбожно, но его я отставила,

едва пригубив. Княгиня же что ела, что пила жадно, не скрывая неумолимого, алчного голода, по-змеиному заглатывая крупные куски.

– Зачем же ты отправила своих воинов деревню жечь?

– А они ее сожгли? – наигранно удивилась княгиня, прикрывая рот рукой. – Ах, как же они безжалостны! Я ведь попросила новых работников мне найти, девиц юных с умелыми руками, чтобы ковры ткали да платья мне вышивали. Опять о моей жестокости слухи пойдут! – пригорюнилась женщина, но в ее интонациях мне почудилось такое самодовольство, что я едва удержалась, чтобы не скривиться.

Княгиня нравилась мне все меньше и меньше. Надо бы потихоньку выбираться отсюда, не дай бог решит меня придворной чародейкой сделать!

Или отравить. Я, наконец, поняла, что же меня так беспокоило, словно глубоко ушедшая заноза, что мешало насладиться едой. Ее привкус. Едва ощутимый, оседающий на кончике языка привкус меди и крови – одинаковый и у воды, и у мяса, словно я, нервничая, изгрызла щеки изнутри.

– Селяне молили меня о заступничестве перед тобой. Работать они и так готовы, зачем же убивать их было? Да еще и самых работоспособных мужчин?

– Селяне грубы и жестки, – поджала губы княгиня, заглотив очередной крупный кусок темного мяса. – Жилы и кости, просмердевшие потом. Девицы нежнее, и руки их тоньше, и кожа их мягче, – мечтательно улыбнулась она, слизывая с губ жирную подливу. – Зачем же грызть мясо, жесткое, как подошва, когда есть такое сочное лакомство!

И она отправила в рот очередной кусок.

Тошнота подкатила к горлу. Тяжело сглотнув, я отодвинула тарелку, хоть на ней и лежали только тоненькие птичьи косточки. Нервно схватилась за кубок с вином и в два глотка ополовинила, не чувствуя кислого вкуса.

Меня мутило.

– Ответь мне, княгиня, – медленно начала я, подбирая слова, – знаешь ли ты, в каких краях можно отыскать Финиста Ясного Сокола?

– Финиста? – резко побледнела женщина, пряча глаза и нервно потирая кольца. – Ох, нет, не ведомо мне. Над всем лесом летает, горе

приносит, скот похищает. Уж сколько богатырей славных ходили его изничтожить, да не вернулся ни один!

Чем дальше она рассказывала, тем сильнее было мое удивление. Как-то не вязались злодеяния Финиста с его образом в сказках.

– А невест он себе похищает? Или, может, очаровывает девиц юных, а они потом по всему белу свету за ним рыщут?

– С чего бы? – так искренне удивилась княгиня, что я даже не усомнилась, что она впервые об этом слышит. – Финист – птица хищная, зачем ему невесты бескрылые? А что, – она жадно подалась вперед, в глазах разгорелся хищный огонек. – Стал он и девиц похищать?

– Стал. Пока в отъезде была, сестру мою юную похитил. Теперь странствую, ищу ее.

Княгиня сочувственно покивала, всячески выражая свои неискренние соболезнования, и предложила воспользоваться ее гостеприимством, пока я не восстановлю силы для дальней дороги. От неискренних улыбок разболелись губы, велеречивая вязь слов утомляла, а от голодных глаз княгини, в глубине которых тлели угольки страха и зависти, холод щипал спину.

За стенами уже вошел месяц, темнота стояла, хоть глаз выколи, поэтому я благодарно приняла предложение княгини и позволила служанкам проводить себя в светлицу. Волка сначала попытались отправить спать во двор, но после того, как он показал свой впечатляющий набор клыков, возражать против его присутствия перестали.

В комнатке, которую мне выделила княгиня, с трудом помещалась узкая кровать под узким окном, сундук и табурет с тазом. Выпроводив услужливых провожатых, я поспешила закрыть за ними дверь и задвинуть засов. Меня не покидало ощущение опасности – слишком гладко, слишком легко все шло. После леса, где опасность поджидала на каждом шагу, а любая встреченная тварь первым делом пыталась тебя съесть, а уже потом заговорить, доброта княгини вызывала много вопросов. Такие долго в правителях не держатся, особенно посреди леса. Перед ней же – трепетали.

Возможно, вся загвоздка действительно была только в том, что она приняла меня за могучую чародейку, с которой ей не тягаться. Такую и в самом деле злить опасно, мало ли, превратит мановением руки в

жабу! Но тогда она должна меня бояться, бояться, что я этим самым мановением руки отниму ее власть. Хорошо, что я прямо сказала, что сестру ищу – теперь она знает, что скоро я двинусь дальше и до ее крошечного княжества мне дела нет. А раз я опасности не представляю, то зачем со мною ссориться?

Рациональная часть разума разложила ситуацию по полочкам, всячески меня убеждая, что мне ничего не грозит, но интуиция не желала успокаиваться. Я огляделась в нервном возбуждении, примерилась к сундуку. Из темного дерева, с медными заклепками и уголками, он выглядел достаточно тяжелым. Я попыталась вытянуть его на середину комнаты, чтобы подпереть дверь, но едва сдвинула с места на пару сантиметров.

– Я помогу, – шепнул волк, успев превратиться в человека. – Тоже считаешь, что дело нечисто?

– Да не то слово!

Вдвоем, пыхтя сквозь зубы и постоянно прислушиваясь к звукам из коридора, мы все-таки придвинули сундук к двери. В процессе так умаялись, что рухнули, где стояли. Я предложила волку по-братски разделить мягкую постель, но он отмахнулся и зверем свернулся на полу, чутко насторожив уши.

Сил раздеваться уже не было, я заставила себя скинуть хотя бы грязный плащ и сапоги и с удовольствием зарылась под одеяло.

Всю ночь мне снилось, как слуги княгини носят по двору, выполняя какие-то странные, фантазмагорические поручения, а сама княгиня, бледная и встревоженная, следит за их действиями с крыльца. Время от времени на перила перед ней садятся полупрозрачные, отливающие перламутром голуби, и она нервно читает записки с их лапок, хмурится и, закусив губу, спешно пишет ответы своей же кровью, пробив острым кончиком пера вену на запястье.

Даже интересно было, что же такое намечается, что приготовления ведутся среди ночи? Но, как часто бывает во снах, я оставалась всего лишь наблюдателем, и смысл происходящего от меня ускользал.

Проснувшись я перед рассветом от ужасной жажды. Привкус во рту стал невыносимым, словно своей же кровью захлебывалась. Даже воздух оказался пропитан тяжелым и терпким запахом. Тихонько нашарив среди вещей бурдюк и стараясь не разбудить волка, жадно напилась, смывая медный привкус с языка, и снова откинулась на

подушки, наслаждаясь теплым одеялом и мягкой периной. Мысль о грядущих ночевках в лесу повергала меня в ужас, с которым не мог сравниться даже страх перед Финистом. Я нежилась в постели, бездумно глядя на снующих за окном белесых, полупрозрачных голубей, и незаметно для себя погрузилась в глубокую дремоту.

На этот раз без сновидений.

Проснулась я от того, что кто-то колотил в дверь со всей дури, а волк рычал, вздыбив шерсть.

– Сейчас! – крикнула я, скатываясь с кровати. Поспешно умывшись, я попыталась отодвинуть сундук. Вспомнив ночные мучения, я думала, что одна и с места его не сдвину, но волк опередил меня, боком отеснил его в сторону, чтобы дверь хоть немного приоткрылась.

Благодарно на него взглянув, я подхватила вещи и распахнула дверь.

За ней стояла низенькая и худая служанка, одна из тех, кто провожал меня вечером. Даже представить сложно, что в этом тщедушном тельце были силы колотить в дверь так, что стены дрожали.

– Княгиня желает видеть тебя, госпожа чародейка. Я провожу, – едва слышно прошелестела она и двинулась прочь, даже не глядя, иду я за ней или нет.

Удивляться уже не было сил. Откинув намокшие кончики волос за спину, я бросилась за нею вслед, благо приметное красное одеяние бросалось в глаза. Она вывела меня на крыльцо, точь-в-точь такое же, как в моем сне. Княгиня в утреннем свете выглядела почти красивой, даже тусклые, будто бы присыпанные пылью волосы блестели в лучах солнца отполированной медью. Я машинально взглянула на ее запястья, но они были надежно скрыты длинными рукавами.

– Доброго утра тебе, гостья! – с улыбкой повернулась она ко мне. – Как спалось тебе в моих покоях?

– Замечательно, – улыбнулась я, сжевивая зевоту в кулак. – Отдохнула чудесно, словно заново родилась!

– Вот и прекрасно! Хватит ли у тебя сил, чтобы продолжить свой долгий путь? Я уже приказала собрать тебе припасы в дорогу и оседлать самого спокойного коня, чтоб не боялся спутника твоего.

Я вежливо поблагодарила, но от коня отказалась – даже «самый спокойный» конь дрожал и нервно перебирал копытами рядом с волком. Что ж, мои прогнозы оправдывались: княгиня пыталась похорошему избавиться от соперницы, вежливо указывая ей на дверь. И я была рада этим предложением поскорее воспользоваться, чтобы утихомирить гнетущую неотступную тревогу.

– Может, желаешь еще что-то в подарок попросить? – нехотя, словно следуя неприятному ритуалу, спросила она.

– Желаю. Хороший лук и колчан со стрелами!

Княгиня даже расслабилась после моих слов. Видно, опасалась, что я попрошу что-то ценное. Она хлопнула в ладоши, и ко мне тут же подбежал один из дружинников, вручил лук со снятой тетивой и колчан с парой десятков стрел. Я благодарно кивнула, отметив, что мужчина старается глаз на меня не поднимать.

– Надеюсь, путь твой будет легок! – она снова одарила меня нежной улыбкой. – Сестра моя, серебряная княгиня, искусна в колдовстве и тайных науках. По внутренностям птиц она видит будущее, а в движении звезд читает судьбы. Возможно, она знает ответ, который ты так жаждешь найти. Я дам тебе карту тайных троп, которые приведут тебя к ее двору, и проводника до границ моих владений, чтобы обезопасить твой путь. Здрава будь, чародейка!

Сморщенный старичок поджидал меня у ворот. Стоило мне приблизиться, как он поспешно опустил глаза и бодро засеменял по дороге. Волк проследил, как за нами запрут ворота, и только тогда нагнал меня. Он полностью разделял мою тревогу и до последнего момента ожидал ловушки.

Я оглянулась на терем, темный даже в прозрачный утренний час. Медные завитки на стенах и наличниках ярко блестели в солнечных лучах, словно облитые кровью, и ее привкус снова поселился на кончике моего языка.

Позади, теперь все позади, говорила я себе. Эта странная медноволосая женщина меня не достанет.

Почему же не покидала меня уверенность, что ловушка не за спиной осталась, а гостеприимно распахнула свои объятия впереди?

10. Распутье

Провожатый попался неразговорчивый – на все мои вопросы только жмурился и мотал головой, и, в конце концов, я решила не мучить его разговором и отстала. Шел он так бодро, словно не чувствовал усталости, даже я за ним не всегда успевала.

На перекрестке у огромного замшелого валуна старик остановился, махнул рукой в сторону правой дороги, быстро истончающейся в тропу, поклонился и резво посеменял обратно. Я проводила его растерянным взглядом. Это и есть граница владений княгини? Впрочем, чему я удивляюсь, у нее всех владений – одно поместье и примыкающие к нему земли. Где в глухом лесу государству раскинуться?

Волк уже обернулся человеком и задумчиво изучал камень. Я подошла к нему, аккуратно попыталась счистить бурый скользкий мох с отполированной холодной поверхности. К моему удивлению, никаких надписей на камне не было.

– Странно, – удивилась я, продолжая счищать мох, – вроде вот он, пресловутый камень-указатель, а ни надписей на нем, ни банальных стрелок...

– Ничего удивительного, – фыркнул волк, обходя камень по кругу. – Посмотри, он не в стороне у дороги стоит, а в центре перекрестка. И мхом зарос так, что даже если б надписи и были, не прочтешь...

– И стоит отполированной стороной вверх, – медленно продолжила я его мысль, нащупав у самого края какое-то узкое углубление. Я медленно вычистила мох, под пальцами что-то вязко хлюпало. – И желоб для стока крови есть.

Я брезгливо отряхнула руки, поискала взглядом, обо что можно их вытереть. От камня дышало затхлым холодом, как из разрытой глубокой могилы.

– Идем отсюда, – поторопил меня волк. – Не нравится мне здесь. Перекресток – место и так недоброе, а тут и жертвенник еще.

– И не понятно кому. Вот только дорога, которую нам старик указал, мне еще меньше нравится!

Волк пошарил под ногами, подобрал тонкую веточку и разломал ее на три части.

– Мне тоже дорога не нравится, – на мой недоумевающий взгляд пояснил он. – Но нужно же чем-то руководствоваться при выборе пути. Жребий ничуть не хуже других способов.

Он продемонстрировал мне три обломка.

– Длинный – прямо, средний – налево, короткий – направо! – Он спрятал руки за спиной, перемешивая веточки, потом протянул кулак мне. – Выбирай!

Я даже зажмурилась от нерешительности. Почему-то выбирать с закрытыми глазами было гораздо спокойнее. Я осторожно протянула руку вперед, но схватила только пустоту. Устало вздохнул волк.

– Холодно.

Я шагнула вперед, зашарила уже двумя руками перед собой, но только пару раз заехала кончиками пальцев по волчьему носу на капюшоне.

– Теплее. Руки опусти. Или глаза открой.

Я начала шарить ниже, то цепляясь за одежды из шкур, то загребая руками только воздух.

– Теплее. Теплее... Назад и ниже! Теплее. Горячо! Тяни!

Я схватилась за шершавый кончик ветки и резко рванула его вверх, почти чувствуя, как жесткая кора сдирает кожу с пальцев волка. Перевела дыхание и только потом открыла глаза. Веточки, лежащие на раскрытой ладони волка, были явно длиннее той, которую я сжимала мертвой хваткой.

Мы обменялись одинаково кислыми взглядами, но на тропу свернули, не желая дольше оставаться рядом со стылым жертвенником.

– Придется довериться судьбе.

– И надеяться, что эта тропа нас действительно выведет к сестре княгини! – преувеличенно бодро сказала я, снова углубляясь в лес. Волк только хмыкнул за моей спиной.

– А ты уверена, что хочешь ее встретить?

Со вздохом пришлось сознаться:

– Ни капельки. Но нужно же узнать, где искать Финиста?

– А она скажет? – фыркнул волк. – Лук-то зачем выпросила? Тетиву натянуть сможешь?

– Нет, – честно ответила я, придерживая колчан, чтоб не цеплялся за все ветки. – Но лучше такое оружие, чем никакого.

– Я когда-то стрелял из лука. Попробую вечером.

Идти было на удивление легко – тропа не петляла и не терялась в траве, бежала и бежала вперед. Мы вышли в светлый осинник, усталый золотистыми листьями. Пахло грибами и близкой водой. Время от времени по земле скользили тени птиц, но это были обычные птицы, только на удивление молчаливые. Я иногда задирала голову, пыталась разглядеть их среди ветвей и замечала только мелькание перьев, тень от движения.

Да, если у нас кончатся припасы, охотиться здесь будет сложно. Да и не уверена я, что местных птиц можно есть. Интересно, в царстве мертвых птицы тоже мертвые? Хорошо, что мы пополнили запасы, да и голод давал о себе знать очень редко, словно ела я больше по привычке, чем из надобности, а волк и вовсе с нашей встречи ни маковой росинки в рот не взял.

– Ты постоянно отказываешься от еды, – припомнила я, обернувшись к спутнику. – Неужели ты не чувствуешь голода?

Волк почти остановился, не поднимая глаз пошевелил ногой листья и неохотно признался:

– Чувствую. И голод, и жажду, постоянно, каждую секунду. Они не лишают сил и не убивают, не истощают. Только мучают, – он поднял на меня темные глаза, печальные и больные. – Но в мире мертвых я не могу ни есть, ни пить. И лучше тебе не знать, как я вижу то, что ты ешь и пьешь.

– Ты поэтому отказался от ритуала Яги?

Волк пожал плечами и снова опустил глаза:

– Скорее, потому и не могу ничего в рот взять, раз от ритуала отказался. Вот и нет в нижнем мире ничего, что могло бы меня насытить.

Я прикусила губу, сдерживая сочувственный вздох. Я не знала, чем могу помочь волку, и стыдилась этого, словно во всем, что случилось с ним, была только моя вина.

Некоторое время мы шли в молчании, только листья шуршали под ногами. В узких солнечных лучах медленно парили пылинки и мелкие перья. Редкие птицы, беззвучно перепархивая с ветки на ветку, внимательно следили за нами неподвижными мутными глазами.

Дышать становилось тяжелее, словно воздух сгустился и вязкой патокой струился вокруг нас, не спеша заполнять легкие. Еще чуть-чуть загустеет, и мы замрем в нем, в желтоватом безжизненном свете, словно мухи в смоле.

– Тебе не кажется, – задумчиво спросил волк, словно прислушиваясь к своим ощущениям, – что мы ушли от одного большого зла и теперь приближаемся к другому, не меньшему?

Я опустила ресницы, пытаюсь разобраться в своих ощущениях. Мне было на удивление спокойно, даже как-то сонно, словно после отдыха на мягких перинах организм требовал относиться к нему нежнее. Стоило только вспомнить теплую кровать в светлице княгини, как веки начали слипаться. Я сладко зевнула, хотя солнце стояло еще высоко, только-только миновав зенит.

– Поспать бы, – мечтательно вздохнула я.

Волк обогнал меня, встревоженно заглянул в лицо.

– Не вздумай, – серьезно предупредил он, схватив меня за запястье. – Ты словно под чарами, сама не своя.

– Не волнуйся, – меня даже умилила его трогательная забота обо мне, – посмотри сам – лес светлый, спокойный. Что может быть безопаснее, чем вздремнуть здесь, да еще и днем, пока солнце не зашло?

– Светлый спокойный лес в Нави? – пробормотал под нос волк, упрямо таща меня вперед. – Уже тревожно!

Тревожно? Что здесь тревожного? Я всего лишь не выспалась, всего лишь хочу спать. Разве это не прекрасно – спать на нагретой солнцем земле, чувствуя, как золотые лучи скользят по векам, расцветивая сны в ясные и светлые тона? Просто спать, никуда не спешить, не искать, не бояться? Спатьспатьспать...

Я покорно шла за ним, зевая и едва переставляя ноги. Веки потяжелели настолько, что я ощутила себя Виём – чтоб поднять их, потребовался бы целый легион чертей с вилами! Ноги заплетались, я постоянно спотыкалась и, если бы не волк, точно бы упала. В очередной раз споткнувшись, я едва не слетела с тропы. Перстень снова обжег палец болью, от которой у меня ненадолго прояснилось сознание.

Я остановилась, резко помотала головой, пытаюсь скинуть с себя сонную одурь. На первый взгляд ничего не изменилось, все так же

светило солнце, золотя листву под ногами, так же пахло грибами и травой. Но лес уже не казался светлым и добрым. Что-то, что я не замечала под воздействием чар, теперь превратило его в зловещее и пугающее место. Едва заметный кисловатый запах плесени. Тонкие нити гигантской паутины между высохших деревьев. Исчерканная огромными когтями кора, вся в наплывах застывшей смолы. Трупики птиц на обочине.

– Бежим отсюда, – разом севшим голосом велела я. – Бежим, пока я снова не начала засыпать!

И мы побежали. Тропа тоже изменилась. Раньше она была ровной и широкой, словно из года в год сотни людей протаптывали ее, выбирали с нее камни, сметали мусор, чтобы идти спокойно, не спотыкаться на каждом шагу. Теперь мы едва ноги не ломали на кочках и валунах, а под листьями коварно прятались корявые, вылезшие из земли корни.

Сонная одурь возвращалась, и я бежала все медленнее и медленнее; приходилось останавливаться, щипать себя, чтобы боль привела меня в сознание. Но с каждым разом ее воздействие ослабевало, и волк уже не отпускал моей руки, когда я замедляла шаг. Мысли о лесе, об опасности, даже о сестре отошли на второй план, словно подернутые дымкой. Мне хотелось лечь и уснуть. Почему-то перед глазами то и дело вставал жертвенник с перекрестка. Я же очистила его ото мха, солнце согрело камень, и лежать на нем теперь почти так же приятно, как на пуховой перине. Надо только вернуться и улечься, впитывая его тепло. Как раз до заката успею выспаться, отдохнуть и согреться...

– Куда? – охнул волк, когда я качнулась назад по тропе, вырывая из его ладоней руку. Я уже не соображала, кто это рядом со мной и куда тащит. Я хотела только вернуться к жертвеннику, лечь на его гладкую теплую поверхность, по которой так приятно водить рукой, прижаться к ней щекой и устало закрыть глаза. И заснуть.

И не просыпаться.

– Прости, соколица, – пробормотал волк, словно решившись на что-то страшное, и отвесил мне звонкую оплеуху.

Голова мотнулась, как у тряпичной куклы, в черепе зазвенело, а под закрытыми веками вспыхнули острые искры. Я тихонько вскрикнула,

пытаясь унять непрошенные слезы обиды, прижала ладони к горячей щеке.

– Прости, – снова забормотал волк, прижимая меня к себе. – Тебя нужно уводить отсюда, и быстрее.

Я кивнула, размазывая слезы по лицу пополам с соплями. Было горько и обидно, хотя я и понимала, что волком руководили только благие намерения. Нет, на меня и раньше поднимали руку – та же мать, дурея без ежедневной порции алкоголя в крови, срывалась на мне и Марье, пока я не пересилила себя, пока не сломала заложенное обществом безусловное уважение, почти почитание родителей, и не научилась давать сдачи. Но еще никогда легкая оплеуха не была настолько обидной, ибо от волка я ожидала ее меньше всего.

– Идем, – с трудом сдерживая всхлип, кивнула я. – Меня тянет жертвенник, надо отсюда выбираться.

Это все лес, твердила я себе, это только он. Я ведь не настолько глупа и чувствительна, чтобы в жесте помощи увидеть лишь предательство. Это лес меня путает, его чары туманом заползают в мысли, убивают доверие. Но в ушах звучал надтреснутый голос Яги: «Нет в Навьем царстве друзей и возлюбленных, только обман», – и я уже не могла убедить себя.

Волк встревоженно заглянул в мое лицо, но промолчал, быстро зашагал вперед. Я шла за ним, постоянно сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони, оставляя красные лунки. В голове пульсировало, дыхание перехватывало, словно воздуха не хватало. Паутины на деревьях становилось все больше и больше, да и солнечный свет уже почти не проникал на тропу. На колючих кустах соблазнительно атели крупные ягоды шиповника и барбариса, синими и красными огоньками блестели плоды жимолости и волчьего лыка.

Через пару сотен шагов, когда тропа совсем истончилась, превратившись в едва заметную паутинку, нам навстречу попался согбенный дедок с коробом на спине. В сухих сморщенных ладонях он нес ягоды и чуть ли не плакал над ними. Вид у него был такой трагичный и несчастный, что против воли вызывал жалость.

– Ох, детоньки, – закричал он, подслеповато сощурившись, когда волк настороженно остановился за несколько шагов до него. – Пожалейте старика, не откажите в помощи. Собирал я ягоды для

внучков моих, да лукошко свое потерял! Сколько ни хожу, найти не могу, глаза совсем плохие стали, тропу еле различаю!

По морщинистой щеке старика скатилась слезинка, сорвалась на землю. Лист, на который она упала, тут же сморщился и почернел, покрывшись плесенью. Волк совсем по-звериному сгорбился и зарычал. В человечесем обличье получилось не убедительно, но старичок все равно попятился.

– Ох, не сомневайтесь, я отблагодарю! И ягодок сладких отсыплю, и без помощи не оставлю, на большую дорогу выведу, и в селе хлебом-солью угощу! Только не оставьте в беде, отыщите мое лукошко!

Слух царапнуло всего одно слово, и жалость к старику мигом испарилась. Я усмехнулась и резко ответила:

– Нет, дед, ни свою помощь не предложим, ни твою не примем. Иди куда шел!

Глаза у дедушки сразу вспыхнули красными огоньками, совсем такими же, как ягодки у него в сморщенных ладонях. Он раздосадованно клацнул зубами и испарился.

Осинник постепенно переходил в сосновый бор, снова запахло хвоей и мхом, под ногами стали попадаться шишки. Тревога, сжимавшая нутро в ледяной когтистой руке, таяла и исчезала. Чем дальше мы уходили в темный недружелюбный лес, тем спокойнее становилось на душе. Тут опасность была очевидной, мы знали о ней и были готовы встретить ее лицом к лицу.

Когда последние золотистые осины остались позади, мы остановились перевести дух. Я сделала несколько крупных глотков из бурдюка, едва удержавшись, чтобы не выхлебать все запасы, смывая сонную одурь. Волк отвел глаза, не желая дразнить себя невозможным.

– Нужно бы ручей поискать, – вздохнула я, убирая полегчавший бурдюк в сумку.

– Найдем, – спокойно пообещал волк, принохиваясь. – Тут сыро, где-то рядом пруд или болото.

– Как бы снова с болотником не встретиться, – поежилась я, вспомнив жабу-переростка.

– Сбежим, – усмехнулся волк и протянул руку. – Дай-ка мне лук и стрелы, пусть у меня будут.

Он не заметил секундного промедления, я же успела проклясть себя – и за сомнения, и за доверие. Но все-таки с облегчением отдала

оружие волку – колчан, прикрепленный к поясу, цеплялся за все подряд, путался в ногах, оставляя синяки. От лука неудобств было не меньше. Волк легко натянул тетиву, тронул ее пальцем, убедившись, что она не провисает. Прицелился на пробу, оттянув до щеки, довольно хмыкнул.

– Хороший лук, – одобрил он. – Натянуть легко. Вряд ли попаду, если стрелять буду, но, надеюсь, не дойдет до этого.

– Как думаешь, – я задумчиво потерла щеку, что все еще чесалась после удара, – меня княгиня чем-то опоила или я под чары алтаря попала, пока его очищала?

– Вот уж не могу сказать. Зачем княгине было тебе вредить, когда ты и так ее владения покинула?

Я пожала плечами.

– Мне всю ночь снилось, как ее слуги носятся, к чему-то готовятся, а сама княгиня нервничает и письма рассылает.

– Ничего не слышал, – признался волк, снимая тетиву и возвращая мне лук. На мой недоумевающий взгляд пояснил: – Мне лучше волком быть, когда к серебряной княгине пойдем. Похоже, они потому тебя чародейкой и посчитали, что тебя большой зверь слушался!

Я помрачнела:

– Главное, чтобы не заставили доказывать. Чародейка из меня – одно название!

– Как и из меня – шаман.

На этом беседа заглохла. Волк перекинулся в зверя и потрусил впереди, постоянно прихихиваясь к дороге. Мне почему-то казалось, что княжество второй сестры тоже будет на землях, расчищенных от леса, окруженное просекой, но огромный терем из почерневшего от времени дерева прятался за плотным рядом синих елей с огромными раскидистыми лапами. Если бы не волк, заметивший неприметную тропку между деревьев, мы бы так и прошли мимо.

У ворот мы остановились, пару минут разглядывали частокол из оструганных бревен.

– Только черепов сверху не хватает, верно? – мрачно пошутила я и едва лишь собралась постучать в ворота, как они совершенно бесшумно растворились передо мной.

11. Хлебом и солью

Нас ждали. Явно не могли решить, встречать нас как дорогих гостей или как злейших врагов: впереди стояла и тряслась девочка-подросток с караваем на полотенце, а у частокола выстроились лучники, держащие нас на прицеле.

Честно говоря, меня такое гостеприимство тоже не особо радовало – если бы не подступающие сумерки, я бы малодушно попятилась обратно в лес.

– Отведайте хлеба да соли, гости дорогие, – скривив губы в жалкой улыбке, пропищала девочка. Руки у нее ходуном ходили – то ли каравай был слишком тяжелым, то ли боялась она нас до дрожи в коленях. Я пожала плечами и спокойно отломилась себе кусок хлеба и макнула в солонку. Жевать под жадными и испытующими взглядами десятка людей было неприятно, кусок того и гляди не в то горло пойдет. Да и хлеб был сыроват, словно пекли его наспех, а крупная соль скрипела на зубах. Покопавшись в памяти, я вспомнила, что солью проверяли незнакомцев на принадлежность к нечисти: мол, нечисть не может соль есть. Вот интересно, а сами они, жители Навьего царства, к ней разве не относятся? Или нечисть – это твари из леса, а люди здесь самые обычные?

Когда я с трудом проглотила угощение, девочка перевела дух и чуть смелее продолжила:

– Госпожа чародейка, княгиня уже почивать изволит, завтра тебя примет. Велела, когда ты пожалуешь, накормить сытно да баньку растопить, если пожелаешь.

– Пожелаю, – с улыбкой кивнула я, предвкушая сон на мягкой постели. – Выходит, княгиня заранее знала, что я приду?

– Так затемно еще голубь от сестрицы ее младшей прилетел, – охотно ответила девочка. – Вот мы и готовились.

– А раз знали, что я приду, то зачем хлебом-солью проверяли?

Девочка побледнела и затряслась так, что едва каравай в грязь не уронила.

– Так по лесу твари ходят, многие нутро выесть могут и личину надеть, чтобы в жильё пробраться. Княгиня велела всех проверять, кто

из леса приходит, даже дружинников, как с охоты вернуться.

Я ободряюще улыбнулась девочке и похвалила премудрость княгини. Она, похоже, хорошо осведомлена о тварях и их привычках, может, и о Финисте что-то знает.

Девочка привела меня в небольшую темную баньку, жарко натопленную, приятно пахнущую смолой. Пожелала мне легкого пара и поспешила убежать. Вспомнив, как мылась у Яги, я стремительно начала стаскивать с себя одежду, стремясь быстрее смыть с себя и пот, и пыль, и гнилую воду. Волк, не пожелавший ждать меня во дворе, стыдливо уселся носом в стену, сторбившись и прижав уши. Я предложила и ему помыться, но он только головой мотнул.

Плеснув воды на каменку и поддав пара, я вбежала в парилку и принялась с наслаждением плескаться в глубокой лохани. Казалось, горячая чистая вода и усталость смывает, а не только грязь.

Я так увлеклась банными процедурами, что совершенно не обратила внимания ни на странный треск в каменке, ни на стук из-под потолка. Только отжав и откинув вымытые волосы, увидела огромное волосатое чудовище в углу бани.

Первым побуждением было завизжать и попытаться хоть как-то прикрыться лоханью, но стыд сменился злостью – совсем нечисть обнаглела, до подсматривания докатилась! – и я выпрямилась, уперев руки в боки.

– Приветствую, – спокойно поздоровалась я, с демонстративным интересом разглядывая визитера. Он выглядел почти как человек – если бы человек мог до такой степени обрасти густыми черными волосами, что кожи не было бы видно. Длинные, до колен, руки заканчивались железными когтями.

Не дождавшись от меня визга, чудовище фыркнуло, шагнуло вперед, разом уменьшившись до длиннобородого старичка с крепкими руками.

– Вот девки пошли, – широко ухмыльнулся дед. – Ни стыда ни совести, даже прикрыться не пытается!

– А чего это мне стыдно должно быть? – я скопировала его ухмылку. – Так тебе стыдиться надо, что бороду отрастил, а за девками до сих пор подглядываешь!

Старичок довольно расхохотался.

– А положено мне, банник я, за всеми парящимися слежу.

– И чего тебе от меня надо?

Он мигом посерьезнел, поманил к себе, чтобы нагнулась, и жарко зашептал в ухо:

– Берегись княгини нашей, не выпустит она тебя за ворота! Все силу свою пытается увеличить, а сила у нее дурная, кровью вспоенная! Зверь твой ей нужен, самой-то дикого духа не подманить, не приручить, а вот чужого украсть да зачаровать ей вполне по силам! Сразу из терема не беги, и в лесу ночью жутко, и княгиня не спит, заметит, погоню пустит, колдовством одолеет. Глаз не смыкай, за небом следи – как сереть начнет, да первый луч солнца облака прорежет, беги прочь – в рассветный час силы княгини на исходе, глубокий сон ее одолевает.

Я удивленно уставилась на банника.

– Почему ты мне это рассказываешь? Разве не она твоя хозяйка?

Он только руками на меня замахал и от злости ногами затопал.

– Выжила она моего хозяина, из нечистых духов кого разогнала, кого подчинила, даже домового не пощадила! Сестер моих и детей под нож пустила, кровью их свое чародейство питать! – Тут банник внезапно разрыдался, а я беспомощно смотрела на его истерику. – Сил отомстить у меня нет, все, что могу, это пакостить ей по мелочи, чтобы не заподозрила, не сжила со свету. Беги, беги прочь от нее, девка, пусть ей зверь твой не достанется!

Прорыдавшись, банник деловито смахнул слезы кончиком бороды. Скрипучий его голос вновь сделался уверенным и спокойным, словно и не было истерики.

– Вина не пей, что за ужином подавать будут. Со двора слышал, как девки-чернавки из самого глубокого погреба бутылку с сонной водой доставали, едва не разбили! Я сразу бутылку признал, пузатая, темная, и сон-вода густая плещется, ни с чем не спутаешь! Капли достаточно, чтоб сутки беспробудно спать!

– Что ж, это хороший совет, – медленно ответила я, тщательно подбирая слова. Браслеты я хоть и сняла, но успела и сама запомнить, что благодарить нечисть нельзя. – Да только мне узнать надо, где Финиста найти...

Услышав имя, банник присел в испуге и руками закрылся, будто бы мертвая птица уже к нему в баню ломилась.

– Тише, тише, девка дурная! Кто ж тварей по имени зовет?! Накличешь еще!

– Правда?! Вот и отлично! Пусть сам ко мне летит, чтобы мне по тропам ноги не сбивать, его не искать! Все перья из хвоста выдеру!

– Дурная девка, ох, дурная, – банник только головой качал, глядя на меня с жалостью. – Что ж ты с Ясным Соколом не поделила-то?

– Сестру, – лаконично ответила я.

Банник сел на полочку, печально вздохнул.

– Вряд ли живой отыщешь. А если живой – то зачарованной, себя потерявшей. Не пыталась бы ты зря судьбу.

– Пока есть возможность ее спасти, я не могу не попробовать. Иначе себе не прощу.

– Бедная дурная девка, прямо в пасть к смерти лезешь. На серебряную княгиню не надейся, не знает ничего она, а если знает – не скажет. Лучше беги с рассветом прочь, как я велел, да ищи путь к старшей сестрице, золотой царице. Сила-то у нее своя, не заемная, нет ей резона худые дела творить.

– Значит, буду искать ее, – благодарно кивнула. – Тебе чистой воды оставить, дедушка?

– И веничек, веничек дубовый, – тут же засуетился банник, отбросив грусть-тоску. Я налила ему в бадью чистой воды, положила рядом веник. Уже уходя добавила пара.

Волк по-прежнему сидел в предбаннике носом в стенку, только уши торчком стояли, явно пытаясь наш разговор с банником подслушать. Я неторопливо оделась, сдерживая нервное напряжение и желание тут же выложить волку все, что узнала.

Во дворе нас уже ждала девочка-служанка, она зябко куталась в платок и тревожно посматривала на темнеющее небо.

– Ох, как вовремя ты, госпожа чародейка, намылась-то! После первой звезды за стенами лучше не задерживаться, небезопасно!

Она так стремилась вернуться в дом, к свету и теплу, что и я не стала медлить. Тем более после парной осенняя прохлада быстро пробрала меня до костей. На кухне, кроме моей провожатой, суетилась высокая статная женщина, не полная, но крепко сбитая и массивная. Длинные седые волосы, заплетенные в косу, были уложены короной вокруг головы. Морщинистые щеки раскраснелись от жара печи, на руках белела налипшая мука.

Приветливо мне улыбнувшись, кухарка пошуровала ухватом в печи и достала чугунок с пшенной кашей. В щербатую кружку мне действительно налили вина, немало меня удивив таким сочетанием. Быстро оглядев полки, я сразу заметила бутылку, которую упоминал банник – ее даже не посчитали нужным спрятать. Ну да, откуда же гостю знать, что по бутылкам-то разлито?

Каша оказалась сытной, но безвкусной, а вино я демонстративно понюхала и отодвинула в сторону.

– Принесите мне колодезной воды, – обратилась я к кухарке. – Вино лучше приберечь для трапезы княгини.

Женщина опустила глаза, вцепилась в передник.

– Госпожа, – голос у нее был глубокий и приятный, таким только сказки рассказывать. – Колодец-то во дворе, а за окном ночь. Княгиня не велит по темноте за дверь выходить.

– Разве во всем тереме не сыщется кружки воды? – я удивленно приподняла брови, наблюдая, как обе служанки начинают нервничать. Конечно, они ни в чем не виноваты, они всего лишь выполняют приказ своей хозяйки. Если банник не соврал, то серебряная княгиня скоро на расправу, а попасть ей под горячую руку никто не хочет. Так кого чернавкам бояться больше – пришедшей девицы или своей госпожи, которую они всю жизнь знают?

– Сыщется, конечно, – замялась кухарка, – да вода уже стоялая, не свежая.

– И долго она стояла?

– Да с утречка считай.

– Несите, – я царственно махнула рукой, входя в роль всемогущей чародейки. Кухарка со вздохом удалилась, а девочка сжалась на скамейке, пытаясь спрятаться от моего взгляда.

– Скажи, милая, – ласково обратилась я к ней, но девочка замерла, вытаращив глаза, как мышь перед гадюкой. – Нет ли у вас мяса, жареного или вяленого? Волк не будет пшенную кашу есть, он все-таки хищный зверь.

Девочка что-то невразумительно пискнула и унеслась. Волк одарил меня встревоженным и непонимающим взглядом – «что ты задумала?»

– Потом объясню, – шепнула я, почесав его за ушами.

Отложив из чугунка несколько ложек каши в свою плошку, в остатки я щедро плеснула сон-воды. Я только-только успела вернуть

бутыль на место и перемешать кашу, чтобы она не выглядела подозрительно, как прибежала девочка с куском копченой грудинки. Поблагодарив ее, я нарезала мясо на тоненькие ломти и сложила перед волком. Тот покорно сделал вид, что с интересом принимает.

Как назло, девчонка пялилась на волка, как зачарованная – ну да, где же еще дикого зверя вблизи увидишь, не опасаясь, что он тебя растерзает?

– Похоже, моему волку не интересно не в охоте добытое мясо есть. Да и невкусно, поди, копченое, когда свежее и кровавое рядом ходит, – как бы случайно обронила я. Девочка смертельно побледнела и поспешила с ногами забраться на лавку, отгородиться от нас тяжелым столом. Волк же, воспользовавшись моментом, мясо в темный угол лапой отбросил.

Мне было немного стыдно пугать глупого ребенка, и так уже запуганного до смерти серебряной княгиней, но благополучие волка меня волновало больше.

Спустя еще пару минут вернулась кухарка с пузатым кувшином в руках.

– Надеюсь, это утолит жажду госпожи, – проговорила она, наливая воду в чистую кружку.

Пить действительно хотелось, и чем дальше, тем сильнее. Я изобразила вежливую улыбку и сделала вид, что отпиваю из кружки. Хоть бутыль с сон-водой все время и простояла на моих глазах, кто знает, что еще могли плеснуть в кувшин по дороге?

– Вы, наверно, с утра не ели, – сочувственно вздохнула я, наблюдая, как девочка завистливо глотает слюнки, глядя на меня. – Может, разделите со мной трапезу? Прошу вас.

Девочка вздрогнула, отводя взгляд от моей тарелки, и радостно потянулась к чугунку. Кухарка колебалась, но все же, не желая прекословить гостю, съела пару ложек. Девочка наворачивала кашу за обе щеки, словно вообще несколько дней не ела, да и каша была для нее праздничным кушаньем. Я даже забеспокоилась, что девочка уснет мертвым сном, дав начало новой сказке о Спящей красавице. Оставалось только надеяться, что банник сильно преувеличил силу зелья.

Дождавшись, когда девочка доест кашу, я поднялась из-за стола, демонстративно зевнула и попросила проводить меня в светлицу.

Младшая служанка тотчас подскочила на ноги и, постоянно зевая, тихонько побежала по темному коридору, указывая мне путь. Я спешила за ней, стараясь запомнить обратную дорогу на кухню.

У двери служанка замерла, поклонилась и рванула обратно на кухню, я едва успела схватить ее за рукав. Кажется, я переоценила действие сон-воды – боюсь, эту девчонку даже целая бутылка с ног не свалила бы!

– Мне не нравится эта комната, – с ласковой улыбкой произнесла я. Девочка вздрогнула и попятилась:

– Госпожа, но это лучшие покои, здесь и перина взбита, и окно на сторону крыльца выходит, и зеркало есть!

Я поморщилась.

– Мне не нравится эта комната. Покажи другие. Необязательно лучшие, просто другие.

Девочка всхлипнула, но покорно повела меня дальше. Я не сводила глаз со своей провожатой, следила, как все замедляются ее шаги, как неувереннее становятся движения, как ниже и ниже клонится голова. Кончик косички подрагивал в такт ее шагам, сначала плясал из стороны в сторону, теперь же раскачивался медленно, словно маятник.

Когда девочка устало облокотилась о стену, я поспешила сделать вид, что отыскала-таки комнату своей мечты. Она мало чем отличалась от покоев, в которые княгиня приказала нас поселить. Просторную комнату прорезал белесый свет, словно деля пространство на две части, и светлая казалась холодной и неуютной, а в темной сгустившиеся тени походили на караулящих добычу чудищ. Но я изобразила восторг, поблагодарила засыпающую на ходу служанку и отпустила ее восвояси. Дождавшись, когда стихнет шарканье маленьких ног, а темнота полностью слизнет тонкий светлый силуэт, я спешно выскочила из комнаты и осторожно двинулась следом, в ту половину, где спала прислуга.

Ничего не понимающий волк покорно крался за мной. Я сама не слышала его шагов и часто ловила себя на чувстве, что он исчез, и спешила оглянуться, но сталкивалась взглядом с умными звериными глазами и, успокоенная, шла дальше.

Свой выбор я остановила на крошечной чистой комнатке, где с трудом умещалась кровать. Когда вслед за мною шагнул волк, в комнатке сразу стало тесно. Зато у нее было одно большое

преимущество – она находилась почти на другой стороне дома от покоев, которые нам выделила княгиня.

В светлице горела одинокая свеча, окна были снаружи закрыты ставнями. Дождавшись, когда глаза привыкнут к скудному освещению, я заперла дверь на засов и села на кровать.

И только после этого позволила себе расслабиться.

12. Когда слишком много в крови серебра^[1]

– Кто с тобой говорил в бане? Зачем ты слуг травила?

Я даже не успела заметить, когда волк принял человеческий облик. У него уже выходило менять шкуры так стремительно, что уследить было невозможно. Только отведешь взгляд – а он уже обернулся.

Я замешкалась, задумавшись, а хочу ли поделиться с волком своими подозрениями, хочу ли довериться ему. Но опасность от рук и магии серебряной княгини грозила именно ему, и умолчать о ней было бы преступно.

– Я не травила. Банник сказал, там сонное зелье, которым княгиня приказала меня опоить. Она собирает силу из крови нечисти, вот, решила тебя заполучить.

– Меня? – волк удивленно приподнял брови. – Но зачем? Толку-то от меня, я же даже как шаман ничего не умею! Или мы верно догадались насчет прирученных зверей?

– Похоже на то. Она... да и не только она... считает, что ты дух, призванный зверь. Ну, как Серый Волк в сказках. И она хочет заставить тебя ей служить.

– Пусть попробует! – оскалился волк. – Даже в волчьей шкуре я человек, чарами меня не подчинить.

– А если не чарами? – тихо уточнила я. – А если она сначала опоит тебя какой-нибудь гадостью, а потом уже будет разбираться, дух ты или не дух и какую пользу с тебя можно получить?

Волк нахмурился и замолчал. Ему определенно не нравился ход моих мыслей.

– Банник сказал, – шепотом продолжила я, – что серебряная княгиня колдует по ночам, а с первым лучом солнца уходит спать. Бежать лучше на рассвете, не дожидаясь, когда о нас вспомнят.

Волк подумал и согласно кивнул.

– Если она не решит очаровать меня сразу, не дожидаясь утра.

– А вот как раз на этот случай я опоила служанок зельем, чтоб не шпионили и не мешали. И не донесли, где именно мы спать улеглись, –

жестко отрезала я. – Сегодня нам не выспаться, будем сидеть и ждать утра, чтобы княгиня нас врасплох не застала.

– Ты думаешь, у нее слуг больше нет? – укоризненно вздохнул волк, но не стал со мной спорить.

Свечу я задула. Все равно на всю ночь ее не хватит, а пробивающийся сквозь ставни свет может вызвать подозрения, если кто-то его заметит.

– Расскажи о сестре? – попросил волк, когда ожидание стало совсем невыносимым. Глаза слипались без всякой сон-воды, хотелось прилечь на мягкую подушку и забыть обо всех проблемах, пустить все на самотек. – Какая она? Ты ее сильно любишь?

– Я не знаю. Всегда казалось, что безумно люблю и так же сильно ненавижу – за капризы, за нежелание понять, что я ради нее своим временем жертвую, своими интересами. А когда она исчезла, я поняла, что это всегда был только мой выбор. Только мое желание обеспечивать ее всем необходимым. Необходимым с моей точки зрения! – я перевела дыхание. – А ей, может, хотелось, чтобы ее просто любили. Может, нам лучше было бы едва сводить концы с концами, но доверять друг другу, разделять тайны и страхи. Я же даже не спрашивала, что Мар... – я поперхнулась именем сестры, словно испугавшись того, как оно прозвучит в темноте. – Что сестра сама хочет. Я приняла решение за нее.

– Но ведь не ты виновата, что она исчезла.

– А может, и я, – я спрятала лицо в ладонях, – я же не знаю, как ее нашел сокол, почему выбрал именно ее!

– Мы найдем его и спросим, соколица, – волк сел рядом, положил руку на плечо. Сквозь одежду я почувствовала обжигающее тепло его кожи. – И сестру твою найдем и спасем.

– Да, – шепнула я пересохшими губами. – Так и будет.

Я перевела дыхание, отбрасывая эмоции. Толку-то сейчас от всепожирающего чувства вины, оно нас не спасет, от безумной княгини не защитит. Прошлась по комнате – два шага в одну сторону, два в другую, – успокаивая дыхание.

– Можем снова спать по очереди, – предложила я, видя, что и волка сон пригибает к полу. Но я ошиблась – он поднял на меня ясные глаза и невесело улыбнулся.

– Блаженна ты, раз можешь спать в Нави и есть в Нави, блаженна, раз видишь морок, успокаивающий, убаюкивающий, утешающий. Яга провела тебя через ритуал и, не позволив открыть глаза, вырвала их. Я же вижу истину, вижу смерть и тлен, вижу кость и суть. И я проклят, ибо разум не желает мириться с ужасами. В царстве мертвых безопаснее быть слепцом.

Он встал рядом со мной, коснулся деревянной стены рядом с моей ладонью.

– Теплое, шероховатое дерево. Ты ведь его видишь, так? Позволь, я покажу, что вижу сам, – кончиками пальцев второй ладони он коснулся моей шеи под волосами. – Кости. Гладкие. Отполированные. Белые.

С глаз словно пелену сдернули, словно все, что меня окружало, засветилось изнутри, просвечивая тонкую фальшивую личину, под которой проступала истинная – серебристая, страшная, холодная.

Целый терем из маленьких гладеньких косточек, матово-белых, никогда не принадлежавших тому, что могло бы жить, ходить и дышать.

С криком я рванулась в сторону от волка, пряча лицо в ладонях, чтобы белый-белый костяной терем перестал стоять перед глазами. Сердце стучалось где-то в горле, а дыхание неровно клокотало в груди, не давая мне успокоиться. Что-то древнее, доставшееся от диких далеких предков и неизбытое за века цивилизации поднялось из темноты и попыталось поглотить меня, погрузить в панику и отчаяние.

– Блаженна ты, – тихо сказал волк, – ибо слепа и можешь спать здесь. Я не могу.

– Теперь и я... не могу, – хрипло, через силу выдавила я, даже не пытаясь осознать, каково волку видеть мертвый мир в истинном его облике постоянно.

Некоторое время мы сидели в темноте, перешептываясь, чтобы не заснуть. Постепенно даже в светлице тьма серела – глаза привыкали к темноте и начали различать мелкие детали. Даже самые мелкие, которые только при свете и разглядишь. Я не сразу сообразила, что это серебристый прозрачный свет пробивается сквозь разошедшие ставни. Я приникла к щели – неужели луна так ярко светит? Ведь только вчера новолуние было!

Волк пристроился рядом со мной у окна, оттеснив меня в сторону.

Кажется, я поняла, почему среднюю из сестер называют серебряной княгиней. Если у первой, медной, медью был весь терем украшен, то старшая ее сестра сама была серебром. Она уже мало походила на человека – полупрозрачная кожа, как у призрака, переливалась перламутром, источала сияние, похожее на лунный свет. Волосы, белесые, с болотным зеленым отблеском, струились клочьями тумана, окутывая ее фигуру.

Окна выбранной мной светлицы выходили на задний двор, на хозяйственные постройки. А перед ними, в центре круга из свечей, стоял гладко отполированный камень – жертвенник, до странности схожий с тем, что встретился нам на пути. Сейчас он был пуст, но что-то мне подсказывало – не долго ему таким оставаться. Княгиня воздела руки к небу, словно молилась, а ее слуги тащили связанного человека... человека ли? Слишком худая, слишком ломкая девичья фигурка брела, не сопротивляясь, с волос осыпались листья и хвоя. Даже когда ее уложили на камень, она не дернулась.

Княгиня склонилась над своей жертвой, ласково провела по груди и животу, словно успокаивая ребенка. А затем впиалась нечисти в горло, вырывая куски мяса.

Я отшатнулась от окна, зажимая рот и благодаря всех богов, что нас за ставнями княгиня видеть не могла. Волк тоже сполз на пол, взволнованно заглядывал мне в лицо.

– Вот поэтому княгиня и не велит слугам ночью из дома выходить, – усмехнулась я, вспоминая слова кухарки.

Я уселась на пол и закуталась в стянутое с кровати одеяло, пытаюсь унять озноб. К нечисти в лесу я привыкла – она уже воспринималась как что-то само собой разумеющееся. А вот такое зверство, да еще и от человека, вызывало только тошноту и оторопь. Если эта безумица так растерзала и домашнюю нечисть, то банника вполне можно понять – тут кому угодно без задней мысли помощь предложишь, лишь бы тварь эта сильнее не стала!

– Утром уйдем, – ободряюще шепнул волк и сжал мою ладонь.

– Лучше бы я спала и ничего этого не видела.

Даже когда я закрывала глаза, под веками не исчезало серебристое сияние княгини. Господи, что же она с собой сделала, что в такого монстра превратилась? Разве вся ее магия этого стоила?

Время тянулось медленно. Со двора раздавались резкие гортанные выкрики: княгиня то ли молилась, то ли призывала кого-то. Скорее последнее. Волк слушал-слушал, поковырял в ухе задумчиво:

– Кажется, это она меня подчинить пытается.

– Уверен? – встревожилась я. – Что чувствуешь?

Волк задумался, покрутил головой, подбирая слова:

– Да как будто телефон в дальней комнате трезвонит. Знаешь, что лучше не отвечать, а он все трезвонит и трезвонит, надоедает так, что снять трубку хочется, только чтобы он замолчал, наконец!

Я хмыкнула, удивляясь такой своеобразной метафоре.

– Уверен, что она тебе ничего не сделает?

– Уверен! Разве что головной болью наградит. Ничего, потерплю.

Я тихонько вздохнула, не разделяя его уверенности. Свет за ставнями усиливался, как и выкрики княгини. Жаль, что часов нет, не отследишь, сколько еще ждать рассвета осталось. Почему-то казалось, что ночь, как в дурных ужастиках, будет длиться вечно, а мы так и будем слушать заклинания безумной княгини-ведьмы.

От сидения на полу затекли ноги, но встать и размяться я боялась. Срабатывал дурацкий шаблон мышления: раз ты видишь врага, то и он видит тебя.

Неожиданно что-то полыхнуло, терем вздрогнул. Мы переглянулись и осторожно выглянули в щелочку между ставнями, пытаюсь понять, что произошло. Княгиня, уже не серебряная, а кровавая, все еще стояла около алтаря. Нечисть на нем превратилась в грудку лохмотьев.

Серебряным фантомным огнем был охвачен первый этаж терема, как раз там, где располагалась спальня, выделенная мне княгиней. Через пару мгновений он переполз к комнате, что я указала служанке. Я сглотнула, представив, что с нами было бы, если б я не решила подстраховаться.

Крики княгини приобрели определенно гневный оттенок, теперь гортанные, резкие звуки, которые она издавала, складывались в слова.

– Где эта лентяйка и дармоедка?! – заходило в визге сияющее существо. – Найдите ее, приведите сейчас же, я съем ее сердце!

У меня даже сомнения не возникло, что речь идет о девочке, которая встречала меня с хлебом-солью. Я в панике прикусила губу,

чувствуя, как меня захлестывает новая волна вины. Ей ведь даже оправдаться не дадут!

И пусть не дадут, мелькнула циничная мысль. Мне не должно быть до нее дела.

Волк скрипел зубами.

Оставить девочку на растерзание сияющей твари – жестоко и лицемерно. Броситься ее спасать – глупое самоубийство. Он не был до нелепости благородным рыцарем, умел трезво оценивать шансы и прекрасно понимал, что безымянная служанка из Навьего царства для него никто.

Со двора послышалось тихое хныканье, перешедшее в тонкий пронзительный визг. Сейчас она выместит свою ярость на служанке и перевернет терем вверх дном, разыскивая нас. И найдет ведь.

– Уходим, – резко велела я. – Больше шанса не представится. Пока она занята девочкой...

Цинизма, чтобы закончить фразу, мне не хватило.

Волк поднял на меня черные горящие глаза. Я уже ожидала, что он грубо пошлет меня, а сам ринется спасать девочку, но он только медленно кивнул и уже зверем скользнул мимо меня в коридор.

Мы даже не старались не шуметь. Прислуга здесь так запугана, что все равно никто не рискнет нас остановить без прямого приказа княгини, а она пытается потушить свою ярость чужой кровью.

Я не знаю, где я просчиталась, но у ворот нас уже ждали.

Серебряная тварь, нестерпимо сияющая в безлунной ночи, стояла, скрестив окровавленные руки на груди. Нижняя часть ее лица была перемазана кровью, на белой ночной рубахе до пят расплывались огромные багровые пятна. На груди ткань была грубо содрана, словно огромной лапой, вместе с куском кожи, и меж обнаженных тонких ребер с влажным звуком пульсировало сердце, гоняя светящуюся белым кровь по полупрозрачному телу.

– Ах, дорогая гостья, – пропела княгиня голосом глубоким и жутким. – Уже покидаешь мой скромный дом? Неужели не хочешь отблагодарить за гостеприимство?

– Нет! – рявкнула я ей в лицо, подпитывая злостью и виной стремительно дотлевающую храбрость.

– А ты сильная чародейка, очень сильная! Так долго удерживать своего зверя под защитой от моих чар не каждая сможет, далеко не

каждая! – Она наклонила острый подбородок к плечу, словно о чем-то задумавшись. – Даже старшая моя сестрица, пожалуй, не смогла бы.

– Выпусти нас, – с нажимом произнесла я, крепче сжимая посох.

– Ах, ночной лес так опасен! Голодные, алчущие твари ждут за каждым кустом, под каждым камнем. Мои воины уничтожают их каждый день, но с каждой ночью тварей становится все больше и больше... Зачем тебе идти в темноту и холод? Давай сядем в трапезной, разожжем свечи и решим, чем мы можем помочь друг другу.

Волк зарычал на нее, попытался обойти по дуге, чтобы прыгнуть и сбить с ног, но княгиня легко взмахнула рукой, и между ними взвилось белое пламя.

– Ты сильна, ты очень сильна. Вместе с тобой я смогу свергнуть старшую свою сестрицу и сама примерить ее золотой венец!

– С чего бы мне тебе помогать? – грубо рыкнула я, обрывая ее мечтания. Княгиня рассмеялась:

– Младшая моя сестрица, медного княжества хозяйка, что лебезила перед тобой и едва ли от счастья не пела, когда ты покинула ее земли, поведала, что ищешь ты Ясного Сокола...

– Ищу, – терпеливо кивнула я, – что дальше? Ты знаешь, где он прячется?

– Ах, мне то неведомо! Но свергнув золотую царицу, я выпью ее кровь и ее силу и стану равна Моране! На золотом блюде я поднесу тебе, моя союзница, голову Сокола и его перья, дам тебе витязей в сияющих кольчугах, с пылающими огнем мечами, чтобы прошли они по всем царствам, нашли гнездо его и освободили твою сестру!

Звучало соблазнительно, весьма и весьма. Мне хватило бы цинизма согласиться на сделку, но два момента делали ее невозможной. Во-первых, я не была чародейкой, я не могла помочь княгине, даже если бы захотела. Во-вторых, серебряная ведьма уже сама стала тварью, нечистью, далекой от рода человеческого. А я и без браслетов Яги помнила, что нельзя принимать помощь нечисти.

– Нет. Выпусти нас.

О, как она завизжала! Ее ярость обрела физическое воплощение, ослепительно сияющим копьём ринулась ко мне, со свистом рассекая воздух. Я зажмурилась и инстинктивно прикрыла голову руками, даже не надеясь выжить. Но секунды шли, боли я не чувствовала, а визг

княгини, на пару секунд захлебнувшийся, зазвучал с новой силой и на полтона выше.

Я осторожно раскрыла глаза и успела заметить, как остатки копья безвредными искорками оседают на землю, а подарки Яги сияют ровным золотистым светом.

Проверить, сколько атак взбешенной ведьмы выдержат амулеты, не хотелось. Тем более она явно не собиралась повторяться и готовилась обрушить на меня весь свой арсенал.

Я не знала, что ей противопоставить. Я могла только зажмуриться и свернуться в позе зародыша, молясь, чтобы амулеты Яги оказались сильнее серебряного колдовства. Могла ждать, когда взойдет солнце и княгиня заснет или когда ее заемная сила иссякнет.

Я не могла ничего.

А волк мог.

Он завыл. Его зов взвился в небо и растекся по лесу, и ему ответило эхо, ему ответили другие волки, ему ответили птицы. Совы и вороны черно-серой тучей в считанные секунды закрыли небо и волной рухнули на беснующуюся княгиню.

Я замерла, не в силах отвести взгляд от этого чудовищного зрелища. Птицы кричали, ночь наполнилась их граем, и вопли княгини потонули в поднятом шуме. Мне казалось, что птицы терзали ее, унося в клювах и когтях клочья кожи и обрывки рубахи. Серебряное сияние усиливалось, оно пульсировало в такт сердцебиению, пробивалось сквозь пелену крыльев. Это заемная сила спешила покинуть чуждое ей тело, вернуться к своим хозяевам.

Из остоленения меня вывел резкий рывок за плащ – волк торопливо тянул меня в сторону ворот. С трудом сглотнув, я поспешила за ним, постоянно оглядываясь на княгиню. Не знаю, чего боялась больше – что она стряхнет птиц и ринется на нас, или что птицы, растерзав ее, начнут искать себе новую жертву.

Ворота распахнулись сами, стоило мне только сбросить тяжелый брус. Волк рванул в лес и остановился, поджидая меня. Я все еще медлила, оглядывалась на каждом шагу, вздрагивала от любого резкого птичьего крика.

Серебряное сияние угасло, и навалилась непроглядная темнота, густая и вязкая. Птицы ринулись в разные стороны и исчезли в черноте безлунного неба так же стремительно, как и появились. На земле

осталась лежать княгиня – уже не серебряная, ничем не отличающаяся от обычного человека. Она захлебывалась рыданиями и царапала землю, даже не пытаясь подняться. Белая рубаха была изодрана птичьими когтями, седые волосы паклей свешивались на лицо. Ничего жуткого или величественного не осталось в этой женщине – ушедшая сила опустошила ее, забрав даже то, что было даровано ей от рождения. Сейчас она вызывала только жалость.

С легким сердцем я бросилась догонять волка. Погони можно не опасаться.

13. В овечьей шкуре

– Опасаться нужно ночи.

Волк сосредоточенно натягивал тетиву и подгонял ремни колчана, чтобы легко вытягивать стрелы.

– Что мешает начертить охранный круг и спокойно переночевать, как раньше? – Напряженность волка передалась и мне, я оглядывалась, судорожно стиснув посох.

– Не сработает. Чертить его надо до последнего луча солнца. – Волк попробовал пальцем натяжение тетивы и остался доволен. – Так учат даже в нашем, срединном мире. Что уж про подземный говорить.

Я сделала несколько глубоких вдохов, успокаиваясь. На самом деле я вполне могла безбоязненно переночевать и в тереме княгини, просто бросив ее во дворе. Но ворота остались нараспашку, и, чую, скоро ведьму ждет визит всей окрестной нечисти да нежити, желающей поквитаться за убитых и замученных собратьев. Не хотелось бы попасться им на пути.

Так что мы поспешили отойти от терема как можно дальше. Тропа слабо мерцала под ногами зеленоватым светом, словно гнилушки на болоте. Хорошо хоть, не белым – думаю, после посещения «серебряного княжества» мы еще долго будем шараться от этого цвета.

– Как ты смог призвать птиц?

Волк долго молчал, а потом сказал неуверенно, отводя взгляд:

– Я позвал. Позвал, как учили – духов, которым в селе приносили подношения, предков, неотступно следящих за своими детьми. Я не знал, что получится, что они откликнутся, я же не шаман, я же не прошел инициацию. Тем более я не знал, что их откликнется так много...

Я прикусила губу, вспомнив наказ Яги не просить помощи у нечисти. Но были ли птицы нечистью или действительно духи пришли на помощь волку? Лучше об этом не думать.

Темнота ночного леса стылым туманом поднималась от земли. Из рта вырывался пар и почти невидимым облаком рассеивался, пальцы быстро заледенели, а шли мы слишком медленно и осторожно, чтобы

согреться. Низкие ветви деревьев скользили по волосам, норовили хлестнуть по лицу, и я каждый раз вздрагивала, словно огромной неведомой твари почти удавалось схватить меня. Близился самый беспокойный, самый темный час, час быка, когда было проще всего поверить в ожившие кошмары.

– Куда мы идем? – шепотом спросила я, боясь привлечь к себе внимание того, что таилось в лесу. Лучше бы среди деревьев мелькали светящиеся глаза – я бы точно знала, что вдоль замшелых стволов скользят хищные твари, следят за нами и только дожидаются подходящего момента для нападения. Абсолютная чернота нервировала сильнее: то ли есть там кто, то ли нет, и я напрасно сама себя накручиваю.

– А куда нам надо? – свистящим шепотом уточнил волк.

– В золотое царство, – не очень уверенно отозвалась я. Если кто и знал об убежище Финиста, то это золотая царица. Но после знакомства с ее сестрами я была не уверена, что смогу пережить встречу с самой старшей и сильной из них.

– Что ж, дело за малым. Узнать, какая дорога туда ведет.

Я только вздохнула. Естественно, расспросить банника о золотом царстве я не догадалась. Оставалось красться по тропе сквозь лес, истово молясь, чтобы ночные твари нами не заинтересовались.

Волк кашлял в рукав, едва не задыхаясь, иногда начинал яростно тереть грудь, расчесывая шерсть на жилетке. Что-то жгло его изнутри, разъедало, словно сам воздух стал для него ядовит.

– Все в порядке, – отмахнулся он на мой взволнованный взгляд. – Просто чешется внутри.

Ничего не в порядке! Что с моим волком, болезнь? И как, как в ледяном и мертвом лесу мне его лечить? И что делать, когда она совсем его подточит и обессилит? Я нахмурилась, просчитывая варианты. По натуре своей я не могла не планировать, не составлять запасные планы, чтобы в любой, даже самой критической ситуации быть ко всему готовой. Если в один момент волк не сможет идти дальше, упадет на землю, изломанный кашлем, то я... что я? Не смогу же я его бросить?

А может, это будет к лучшему? Тонкий предательский голосок шелестом листьев вкрался в мои мысли, слился с ними до того, как я успела прогнать его, запретить себе так думать. Только и оставалось,

что, стиснув зубы, идти дальше, чувствуя, как сомнения подтачивают мою волю.

Когда глаза привыкли к темноте, я смогла разглядеть россыпь мелких звезд над головой. Они не складывались в созвездия и больше напоминали густо рассыпанные бусинки. Обступившая чаща так же постепенно обретала цвета. Блеклым синим и зеленым светился мох, густо облепивший деревья, крошечные капельки росы на пышных папоротниках отражали крупницы света. В воздухе мелькали светлячки, больше похожие на болотные огни.

В ночной тишине собственные мысли звучали особенно громко.

Я не могла не признаться себе: мне хорошо без Марьи, легко и спокойно, словно с меня сняли огромную глыбу. Ответственность всегда меня тяготила, но я так привыкла нести на себе ее груз, что уже не могла представить себе жизни без этой утомительной тяжести. Словно раб, проживший в неволе так долго, что уже позабыл само слово «свобода».

В воздухе появился кисловатый запах плесени, мох на деревьях стал больше напоминать слизь, с веток свисали уродливые скользкие наросты. Темнота приобрела синеватый оттенок, воздух загустел, как кисель, и пошел волнами, словно марево над дорогой в жаркий день.

Волк замер, прислушался. Откуда-то из чащи, из густого подлеска доносился тихий, почти неразличимый шорох, словно кто-то крался параллельно дороге. Нахмурившись, волк ловко наложил стрелу на тетиву, но целиться не стал.

Вперед он пошел совсем медленно и бесшумно, выверяя каждый шаг. Медленно и тяжело поднималась и опускалась его грудь, изо всех сил он пытался сдержать громкий предательский кашель. Я так же тихо кралась за ним, стараясь не стучать зубами и не бояться. В темном холодном лесу страх – такая же приманка, как огонь факела, – яркая и заметная издалека. Лучше не объявлять нечисти, что ужин уже пожаловал к их столу.

Волк замер, повел носом. Осторожно раздвинул ветви боярышника, увешанные крупными ягодами, черными в темноте. Отпрянул назад.

– Что там? – одними губами спросила я, встревоженно глядя на спутника. Он только чуть посторонился, словно предлагая мне самой взглянуть.

За кустами и низенькими чахлыми елками светлела поляна. Деревья вокруг нее росли хилые, с перекрученной корой и странно изогнутыми ветками, земля же, сухая, растрескавшаяся, была истоптана вдоль и поперек.

Тропа прорезала поляну пополам и терялась на той стороне, в тени деревьев.

Не сговариваясь, мы шагнули назад. Лезть в это откровенно подозрительное место не хотелось.

Волк принялся сосредоточенно изучать землю под ногами, недовольно встряхивая головой.

– Плохо, – наконец сморщился он. – Другой тропы нет. Надо возвращаться.

Спорить с ним стала бы только Марья – не из глупости даже, а из принципа, не признавая правоту тех, кто хоть на год старше нее.

Теперь первой шла я. Каждый шаг давался тяжело, словно я шла против ураганного ветра, бьющего в грудь. За каждый вдох приходилось бороться, колдовская синь стала густой, как смола, и так же пыталась задержать, замуровать нас, превратить в букашек в слезинке янтаря.

Глаза слезились, и когда я проморгалась, обнаружила, что стою перед той же поляной. Боярышник покачивал ветками за моей спиной. Резко выдохнув, я попыталась развернуться, но меня не пустило. Тело переставало слушаться, ноги сами тянули меня дальше по тропе в центр поляны, и даже талисманы Яги не могли помочь – что может противопоставить страж границы силе всего леса, древнего и извечного?

Резкий рывок за шиворот такой силы, что треснула ткань, вернул меня под сень деревьев. Я обернулась, желая поблагодарить волка, но наткнулась на его злой и сосредоточенный взгляд.

Чуть прищурившись, он целился в самый центр поляны, словно кого-то там видел. Облизав разом пересохшие губы, я оглянулась.

Она стояла там точно такая, какой я запомнила ее в последний день. Рваные джинсы, растянутый домашний свитер, которому давно уже пора на помойку, пушистые тапочки. В распущенные волосы набился мелкий лесной мусор: листья и хвоя, веточки, паутина. Под глазами залегли глубокие синяки, словно за все это время она ни разу не сомкнула глаз.

На мгновение у меня дыхание перехватило от ужаса и радости, от опустошительного облегчения, словно стержень из меня выдернули. А потом она заговорила.

– Наконец-то, – облегченно выдохнула Марья, протягивая ко мне руки. – Ты все-таки пришла за мной!

Ноги тянули меня к ней, пришлось вцепиться в ствол ближайшего дерева, чтобы предательское тело не вынесло меня прямо на поляну. Я совсем не испытывала радости от встречи. И дело было не только в том, что столь быстрое завершение поисков меня разочаровало, нет. Марья была неправильной. Неправильно стояла, неправильно смотрела, неправильно улыбалась. Как бы я ни хотела обмануться, у меня не получалось поверить в то, что это моя сестра.

Она даже говорила неправильно – интонации и слова были слишком спокойными, почти радостными. Так могла бы говорить любимая и прилежная сестра, которая всего-то пару часов проблуждала в лесу, толком даже не успев испугаться, потому что знала – ее любят и найдут в любом случае. Так могло бы говорить единственное потерянное дитя, чьи родители, сбивая ноги, обшаривали лес, громко и отчаянно аукая.

Так могла бы говорить хищная тварь, прикидывающаяся заблудившимся ребенком.

– Сестрица, что же ты не спешишь меня обнять? – обиженно надула губки лже-Марья, не спеша опустить руки. – Или тебе не нравится, что я запачкалась? Но ведь и ты не чище!

С каждым ее словом мое тело все сильнее и сильнее тянуло вперед, словно сильным течением. Руки ослабели, пытались соскользнуть со ствола, повиснуть плетью вдоль тела. Еще чуть-чуть, и придется зубами за ветки хвататься!

За спиной тихо выругался волк и, забросив стрелу обратно в колчан, обнял меня поперек тела, даже чуть приподнял над землей, чтобы мне сложнее было вырваться.

– Как мое имя?! – голос охрип и не слушался, выкрик получился больше похожим на воронье карканье.

Лже-Марья растерянно заморгала, даже руки опустила, словно не зная, что делать.

– Сестра, ты в порядке? – сочувственно спросила она. Девушка была само сострадание, само проявление сестринской заботы и

участия. – Ты, похоже, утомилась, пока меня искала. Иди же, обними меня, и мы вместе выберемся из леса домой.

Может быть, ловушка бы и сработала, если бы меня с Марьей связывали отношения чуть теплее ледяных. Но я рычала на сестру, та огрызалась, принимая заботу как должное. Ни разу настоящая Марья не интересовалась моим самочувствием, не пыталась проявить заботу, когда я допоздна засиживалась над заказными контрольными.

Конечно же, тварь не могла этого знать.

На мгновение даже стало жаль, что эта послушная, отзывчивая девочка – не моя сестра.

– Как мое имя? – твердо повторила я, глядя в глаза лже-Марье.

И в этом была моя главная ошибка.

Тварь уже сообразила, что я ее раскусила, и теперь собиралась раскусить меня. Она рванулась вперед, мгновенно теряя человечьи черты. Лицо смазалось, нос сплющился, провалился, как у трупа, глаза почернели и разъехались к вискам. Из пасти, огромной, от уха до уха, вывалился тонкий язык, похожий на крысиный хвост.

Волк отшатнулся, отшвырнул меня назад, в темноту леса. Ноги подгибались, я едва не слетела с тропы. От резкого преображения сестры замутило, но особенно жутким было то, что тварь осталась в одежде Марьи, такой трогательно-домашней.

Волк вырвал из моих рук посох и со всей силы огрел подскочившую тварь по голове. На него она не обратила внимания, казалось, ее целью являюсь только я. Хищница рвалась ко мне, но волк успевал отпихивать ее острым концом посоха, от которого тварь отшатывалась с резкими взвизгами, словно дерево причиняло ей нестерпимую боль. Чтобы задержать ее, волк перевернул колчан и швырнул ей под ноги стрелы. Тварь утробно взвыла, но не ушла, хоть и стала медлительней и осторожней.

– Стрела! Кинь мне стрелу! – озаренная глупой идеей, крикнула я волку, отшатываясь от очередной атаки. Он глухо рыкнул, но все же ухитрился заехать твари в солнечное сплетение, выиграв пару секунд на то, чтобы бросить мне стрелу, неудачно схватив ее за наконечник и поранившись.

Но этих секунд не хватило. Тварь с непонятно откуда взявшейся прытью рванула ко мне, и в этот раз волк не успел ее отбросить, а я – уклониться. Тварь сбила меня на землю, клацнула по-щучьему

игольчатыми зубами у горла. Стрела осталась лежать на земле, я дотягивалась до ее оперения только кончиками пальцев.

Одной рукой я уперлась в горло твари, удерживая ее подальше от себя, другой царапала землю, стараясь уцепиться за древко. От зловония, исходящего из пасти, мутило в голове. С длинного языка твари капала мерзкая густая слюна, похожая на слизь. Подскочивший волк вцепился ей в волосы, длинные, каштановые, совсем как у Марьи, намотал на руку, заставив хищницу задрать голову. Рванувшись из-под ее туши, я самыми кончиками пальцев схватилась за оперение, подтащила стрелу к себе. Тварь, сообразив, что я задумала, пронзительно завизжала и, дернувшись, оставила скальп в руках волка.

Череп под кожей не было, как и мозгов – только пустота. Не хочу знать, что в это время увидел волк.

Уже ничем не сдерживаемая тварь рывком вцепилась мне в шею, но я успела.

Я успела дернуться в сторону, подставляя плечо, и вогнать стрелу в горло твари. Железный наконечник, весь в темных каплях волчьей крови, не встретил сопротивления, вошел, как в масло. Стоило только древку оказаться в ране, как тварь начала дергаться, словно в эпилептическом припадке, усыхая на глазах. Одежда Марьи истлевала и слезала лохмотьями, рассыпалась в прах, едва коснувшись земли, тело истончалось, превращаясь в уродливую мумию с перекрученной шершавой кожей. Только морда не изменилась.

Спихнув с себя легкое искореженное тело, я рванулась к боярышнику, упала рядом с ним на колени, и меня вырвало. Волк присел рядом, коснулся кончиками пальцев моего лба.

– Все кончилось, ты ее убила, – попытался он меня утешить. Это прозвучало, как «ты убила Марью», но я все равно почувствовала только облегчение.

Я кивнула, пытаюсь отдышаться сквозь зубы. Голова кружилась, укушенное плечо жгло немилосердно, словно его кислотой облили. Крови почти не было, только мелкие дырочки на рубахе отмечали место укуса.

С трудом сглотнув, я в два глотка ополовинила остатки воды в бурдюке, с трудом удержавшись, чтобы не допить сразу все, а

последними каплями – умыться. Волка тоже потряхивало от пережитого: глаза лихорадочно блестели, руки едва заметно дрожали.

– Вода заканчивается. Скоро это станет проблемой, – грустно улыбнулся волк, взвешивая на руке полегчавший бурдюк.

– Пока самая насущная проблема – это ночной лес, – я попыталась пошевелить укушенной рукой. Она вроде бы не отваливалась, хотя и отзывалась вспышками боли на каждое движение. С запозданием начала сочиться кровь, медленно, крупными каплями, пропитывая прилипшую рубаху.

Надеюсь, тварь была не ядовита.

Поляну мы пересекли без проблем, только земля дрожала и проседала под ногами, словно под нами была не твердь, а болото, затянутое тонкой коркой, или замаскированная и забытая волчья яма. Волк снова шел впереди, крался, не опуская лука, присматриваясь и прислушиваясь.

Вот только приступы выворачивающего кашля складывали его все чаще.

Меня начало знобить, и теперь в голове набатом звенели предательские и злые мысли: что я буду делать, когда кашель сломает волка, швырнет на стылую землю отхаркивать кровь?

Что я буду делать, когда осяду рядом, с отнявшейся, онемевшей рукой, чувствуя, как холод подползает к сердцу?

14. И ты тоже уснешь в трясине

Я должна идти. Идти, переставлять ноги, двигаться вперед, не падать. Главное – не падать. У меня онемела рука, боль огненными волнами катилась от мелких ранок в ответ на каждый шаг, но почему-то отнимались еще и ноги, каждое движение давалось с таким усилием, словно к щиколоткам мне приковали пудовые гири. Темное марево плыло перед глазами, но, может, это всего лишь тучи скрыли неверный свет звезд?

Дальше, за поляной росли совсем странные деревья, с уродливой бугристой корой. Я даже примерно не могла определить их вид – настолько страшными они были. Корявые узловатые ветви усеивали мелкие шипы, на тонких длинных лозах покачивались огромные, похожие на шар, алые цветы, фосфоресцирующие в темноте. Казалось, над дорогой парят красные фонари – в синеватой магической дымке вид они имели зловещий и неприятный. Но хуже всего был их запах – сладковатый запах гнили, удушающий и опьяняющий. От него мутилось в голове, очертания предметов двоились и расплывались, и я уже с трудом могла разглядеть спину идущего впереди волка.

Резко похолодало. Я попыталась закутаться в плащ, но не смогла согреться. Хотелось пить и в тепло, укрыться с головой одеялом и забыть лес, как страшный сон. Я настолько ярко представила себе, что сейчас открою глаза в своей комнате, где напротив спит Марья, с кухни доносится ворчание колобродящей матери, что как наяву услышала:

– Ах ты ж, паршивка неблагодарная, даже за сестрой уследить не смогла!

Я вздрогнула и обернулась, но вокруг был все тот же лес, парили багровые огни цветов в сизой дымке, а тени деревьев принимали странные угрожающие очертания. «Задремала на ходу, вот и привиделось», – решила я, с усилием растирая лицо.

– Осторожней, – донесся до меня шепот волка, – тут впереди кости.

Я вздрогнула и прибавила шаг, боясь отстать и заблудиться в колдовском тумане. Я не сомневалась – одна я бы из него не вышла, блуждала по кругу, пока не свалилась бы замертво. Теперь я

внимательней смотрела под ноги – кто знает, насколько опасны кости в ночном лесу? Да и просто наступить на чей-то череп совсем не хотелось.

Ошиблась я в одном – скелеты лежали не под ногами, поперек тропы, а привалившись к деревьям, оплетенные сухими колючими лозами. Сквозь глазницы черепов пробивались побеги с мелкими бутонами, похожими издали на едва тлеющие огоньки. Когда мы проходили мимо них, черепа вяло щелкали зубами, словно пытаюсь предупредить или прогнать нас. Обернувшись, я увидела, что все скелеты смотрят в нашу сторону, провожая взглядом черных провалов глазниц. Скривившись от омерзения, я предпочла снова уставить себя себе под ноги.

Меня опять начало знобить, боль в укушенном плече стала нестерпимой, она пульсировала, посылая волны судорог по руке. Я только крепче сжимала зубы – главное, дотянуть до утра, до озера или водоема, где можно будет напиться и промыть укус. Ночь – не лучшее время для жалости к себе: можно увлечься и пропустить настоящую опасность.

Зловещие цветы остались позади, и теперь уже ничего не освещало тропу, даже их скудный свет. Небо затянуло тучами, низкими и тяжелыми. Хотелось пригнуться, как в подземелье, где макушкой задеваешь мокрый каменный свод. Воздух стал густым и влажным, снова запахло болотом, но я дышала полной грудью, надеясь избавиться даже от воспоминания об омерзительном аромате цветов.

Рассеянно почесав запястье, я шепотом окликнула волка:

– Эй! Как думаешь, сколько до рассвета?

Он остановился, дожидаясь, когда я его догоню. Он все еще сжимал лук, хотя и не мог натянуть тетиву – от наконечника стрелы на пальцах остались глубокие порезы, и темная кровь никак не останавливалась.

– Не знаю, – тихо ответил волк, не оборачиваясь. Мне показалось, что в его голосе звучал страх, но я запретила себе думать об этом. – Мы вошли в лес после полуночи и идем довольно долго. Уже должно было начаться светать. Но за этими тучами ничего не видно. Если они так и будут лежать брюхом на деревьях, утро мы просто не увидим.

Я вздрогнула – так зловеще прозвучала его фраза.

Запах болота усиливался. На тропе начали появляться мелкие черные лужицы, похожие на следы огромного зверя. Деревья вокруг мельчали, вскоре от непроходимой лесной чащи остались только чахлые изуродованные сосны, жалкие и облезлые. Вдоль тропы сплошным ковром стелилась бурая колючая трава, едва покачивающая осыпавшимися соцветиями, кое-где поднимались серые колоски осоки.

– Снова топь, – сквозь зубы выдохнула я, старательно отгоняя от себя воспоминания о жабе-переростке, хозяине болота. Но то, лесное, маленькое болото, где мы столкнулись, ничем не походило на эту трясины. Здесь не было ни ягод, ни спокойных бочагов стоячей воды, ни мелких цветов. Только гниль и тлен.

Под ногами чавкало, земля проседала, и каждый след быстро наполнялся водой. Я облизала губы – меня мучила жажда, но я предпочла бы умереть, чем напиться этой черной гнилой воды: слишком явно, слишком отчетливо ощущалось исходящее от нее зло. Хорошо, если попробовав ее, я всего лишь превращусь в козленочка, но что-то мне подсказывало, что испившего болотной воды ждет участь несоизмеримо хуже.

От трясины поднимался густой туман, белесый, не колдовской, но настолько густой, что уже на расстоянии вытянутой руки рассмотреть что-то было затруднительно. Силуэт волка скорее угадывался по смутному пятну впереди. Зато болотные огоньки, синие и зеленые, торжественно плыли над топью, словно свечи в руках покойников. Мне даже на миг показалось, что в пелене тумана колышутся бледные тени утопленников.

Я поспешила отвести глаза и тут же пожалела об этом. Сквозь зыбкую топь проступали лица мертвецов, нетронутые разложением, но мумифицировавшиеся – почерневшая кожа плотно облежала скелет, сквозь воду виднелись размытые очертания одежды и украшений. Глаза у всех были открыты, и мне казалось, что они пристально следят за нами. И ты тоже уснешь в трясины, читалось в их выжидающих безучастных взглядах, и ты тоже.

Болотная трава стелилась по тропе, пыталась схватить за сапоги, оплести, утянуть в топь. Я шла как цапля, высоко задирая ноги. Глаза привыкли к мраку и легко различали снующих по тропе насекомых: и огромных мокриц, и медлительных двухвосток, и крупных лоснящихся многоножек. Я всегда относилась к насекомым спокойно,

ни тараканов, ни пауков не боялась; но *эти* вызывали почти инстинктивное омерзение, даже наступать на них было противно.

За пазухой что-то зачесалось, неприятно шевельнулось, словно мелкие лапки пробежали по коже. Предчувствуя очередную неприятность, я остановилась и попыталась выудить источник раздражения, но только коснулась чего-то толстого и скользкого, сразу вывернувшегося из-под пальцев.

Взвизгнув от омерзения, я едва не бросилась стягивать с себя рубаху. Посох в руках мешал, и я машинально отшвырнула его на землю, здоровой рукой вцепилась в ворот.

– Что случилось? – тут же подоспел взволнованный волк, обшаривая цепким взглядом тропу в поиске чудищ. Вот только чудище уже переползло мне на спину, и я не могла его достать – только поскуливать от омерзения, ощущая, как скользкая тварь ощупывает усиками кожу. Под невыслышим углом извернув руку, я все-таки дотянулась до нее кончиками пальцев, выгнулась дугой, отросшими ногтями зацепила скользкую тварь и рывком вытащила ее из-под рубахи.

Меня потряхивало от брезгливости, когда я замахнулась, собираясь зашвырнуть тварь в болото, туда, где ей самое место, но волк перехватил мою руку, не дал разжать пальцы.

– Пусти! – Я дернулась в сторону, и он покорно опустил руки, в самый последний момент успев выдернуть тварь из моих пальцев.

– Видишь? – на его ладони лежало серое перо, мокрое и слипшееся, но совершенно не похожее на так напугавших меня насекомых. – Морок.

Я обессиленно выдохнула. С глаз как пелена спала, исчезли даже насекомые, шнырявшие по тропе, – теперь я видела, что это всего лишь трава едва шевелилась.

– Это то самое, да? – уточнил волк, прежде чем вернуть мне его. – Перо Финиста?

Я кивнула. В горле все еще стоял ком, и говорить я не могла. Я запоздало вспомнила, что Яга велела беречь перо, и... И лучше не думать, что было бы, если б волк не успел меня остановить.

– Идем, – поторопил меня волк. – Нельзя здесь стоять долго, затянет.

Мы действительно провалились в вязкую почву уже по щиколотку, пришлось с чавканьем выдирать ноги, оставляя на тропе глубокие лужицы. С посохом пришлось попрощаться – я неосторожно отшвырнула его прочь от тропы, в болото, и от него уже и следа не осталось. Жаль, я успела к нему привыкнуть.

Похоже, попытки выудить приморочевшееся насекомое меня согрели – озноб прошел, даже спина вспотела. Я шла и обмахивалась ладонью, чувствуя, как горят щеки.

– Душно, – тихо, сама себе пожаловалась я.

– Разве? – мельком обернулся волк, и я отпрянула – лицо его почернело, как у утопленников, а глубоко запавшие глаза светились нехорошим желтым огнем. Беспомощно пискнув, я попятилась и, запнувшись нога за ногу, едва не упала.

– Соколица? – теперь в голосе волка звучала неприкрытая тревога. – Что с тобой?

Я всхлипнула. Очередной морок рассеялся, и волк выглядел абсолютно нормально. Но вот сказать то же самое о своем самочувствии я не могла. Жар, исходящий от лба и щек, я ощущала физически, как от добела растопленной печи. В прокушенном плече ворочалась раскаленная колючая проволока. Начало подташнивать.

– Похоже, нечисть, прикинувшаяся Марьей, была ядовита, – бессильно улыбнулась я, смахивая испарину.

– Нужно выбирать. Гнилой воздух тебе вреден.

– Хороши мы, пара больных, – истерично рассмеялась я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Волк только болезненно, горько улыбнулся и осторожно повел меня за руку.

Кровь медленно сочилась из ранок, вопреки всем законам не останавливаясь, пропитывала рубаху, мелкими капельками стекала по коже, чтобы сорваться с кончиков пальцев, черными точками остаться на тропе, словно хлебными крошками отмечая наш путь. Волк осторожно сжимал мою бесчувственную руку, словно боялся повредить ей сильнее – хотя куда уж сильнее? Темная кровь из распоротых пальцев все еще сочилась и смешивалась с моей.

– Ритуал братания, – нервно рассмеялась я, чувствуя, как сильнее и сильнее кружится голова. – Хороши мы – сестрица-Соколица и братец-Волк!

Ощущения двоились, словно одновременно я и сама воспринимала мир, и чувствовала волка. Я не могла узнать его мыслей или чувств, но понимала его, как саму себя, ибо на один короткий момент он стал продолжением меня, стал мной.

И я знала, что волк ощущает то же.

– Именно так, сестрица.

Больше не осталось места ни для злых мыслей о предательстве, ни для мелочного недоверия. Шепот леса отступил, превратился в безобидный шелест. «Нет в Навьем царстве друзей и возлюбленных», да, но есть родство, созданное живой кровью.

Каждый шаг давался все тяжелее. Голова кружилась, перед глазами темнело, иногда меркло сознание, и я приходила в себя от вспышек боли – кольцо чутко реагировало, когда я пыталась свалиться с тропы. Пока меня это спасало, но с каждым разом боль ощущалась все менее отчетливо, превращаясь в часть бреда, заволокшего разум.

Все нестерпимей хотелось пить – жажда была так сильна, что у меня не оставалось других мыслей. Я так и не вспомнила, когда же вылебала остатки воды, только жадно потянулась к бурдюку и с отчаянием обнаружила, что он опустел, и ни капельки не осталось в нем. «И ты тоже уснешь в трясине, и ты тоже», – теперь я отчетливо слышала шепоток утопленников, он далеко разносился над зыбью, вплетаясь в шелест болотной травы. Холодная вода манила. Хотелось окунуться в нее, напиться ею, чтобы унять жар. Какая разница, что со мной будет дальше? Я усну в восхитительно ледяной воде, и уже ничего не будет меня волновать...

Марья. Мне нужно отыскать и спасти Марью.

Я крепче сжала зубы и прибавила шаг. Не могу сказать, что мысль о сестре придала мне сил, скорее, появился повод терпеть свое дрянное состояние чуть дольше.

Мы почти бежали, а болото не кончалось и не кончалось. По трясине проходили мелкие волны, она колебалась, набегала на тропу, пытаясь лизнуть наши ноги. Каждый шаг давался тяжелее, а ноги проваливались глубже. Тропа расползалась у нас на глазах, нечего было и думать о том, чтобы вернуться назад по своим следам.

Наконец мы добрались до твердой земли – небольшого каменистого островка, покрытого бурыми пятнами мха и чахлой, пробивающейся между камней травой. Выдохшись, я рухнула на

землю, прижимая ладони к прохладному камню. Потянулась даже слизать капельки влаги с него, но волк остановил. Сказал, вся вода здесь дурная. Нестерпимо хотелось заплакать от жалости к себе, но остатками разума я понимала, что тратить влагу в организме на слезы – не рационально. Мне оставалось только хватать воздух ртом, как выброшенной на просоленную землю рыбе.

Тропа, тянущаяся сквозь островок, убегала дальше в болото, и я долго не могла понять, что с ней не так. Только оглянувшись, сообразила: она повторяется, с островка сбегает точно такая же дорога, как и та, по которой мы пришли. Даже следы, заполненные жижей, совпадали.

Мы оказались словно перед зеркалом – движение вперед, попытка выбраться из проклятого болота, потеряло смысл. Мы не могли пройти по раскисшей тропе, завязли бы и провалились. Да даже если и прошли бы, что обнаружили? Снова изуродованный синей дымкой лес с алыми цветами? Поляну с лже-Марьей? Терем серебряной княгини? Уж не было ли это ее прощальным «подарком»?

Волк несколько минут смотрел на меня, пока я старалась восстановить дыхание, затем тяжело поднялся.

– Я постараюсь снова вызвать духов. Может, помогут советом.

Он раскинул руки и на гортанном языке обратился к низким небесам, выкрикивая слова на неизвестном мне наречии, но сбивался на кашель, и голос увязал в тумане, звучал глухо и надтреснуто, как сквозь подушку. Само болото противилось тому, чтобы кто-то вырвался из его вязких объятий.

Волк обессиленно уронил руки, несколько минут переводил дыхание, а затем попробовал снова. Он звал и звал, заклинал, умолял, приказывал, но оставался без ответа. Густая тишина трясины была насмешкой над всеми его усилиями.

– Нет... не могу. Я не шаман, духи не говорят со мной... они больше не хотят говорить со мной...

Он сел на камень и закрыл лицо руками. Я обвела болото тоскливым взглядом.

Все потеряно. Мы сами загнали себя в ловушку, теперь оставалось только расслабиться, опустить руки и погибнуть. Утро не спешило наступать – уже лучи солнца должны были окрасить горизонт в

светлые тона, но тяжелые тучи оставались все такими же темными и беспросветными.

«Коли опять в лесу в беду попадешь, меня зови, помогу, чем смогу».

Слова всплыли в голове сами по себе, и я уцепилась за них, как за последнюю ниточку.

Едва слышно выдохнула, ни на что не надеясь:

– Охотник...

15. Передышка

Я так и не поняла, откуда он возник. Ни одного нового следа не появилось на тропе, и туман над трясинной не был потревожен. Ни всплеска на болоте, ни звука, только тянулись над топью цепи синих огней.

– Ох, и далеко же вы забрели! Что найти-то надеялись в этом забытом месте? Смерть Кощееву?

Охотник стоял позади нас, скрестив руки, с любопытством осматриваясь вокруг. Он не выглядел ни недовольным, ни испуганным, скорее удивленным. Недоумевал, как у нас хватило дурости забраться в настолько гиблое место.

– Золотое царство, – мрачно буркнул волк. Охотник довольно расхохотался:

– В другой стороне золотое царство, вы же в самое сердце Нави зашли, где даже духи нечистые не живут, откуда даже навьи разбегаются!

Я не прислушивалась к их разговору. Какая разница, что там он о нас думает, когда у него на поясе висит берестяная фляга! Ох, надеюсь, в ней достаточно воды...

Уловив алчный и нездоровый блеск моих глаз, охотник тыльной стороной ладони коснулся моего лба и тихо присвистнул:

– Ну и горишь же ты, девка! Никогда не слышал, чтоб в Навьем царстве живых лихорадило! – Флягу между тем отцепил и передал мне. Я схватилась за нее, руки тряслись. Наверное, я напоминала запойного алкоголика, дорвавшегося до заветной бутылки, но мне было плевать. Наконец-то можно было утолить жажду.

Когда воды осталось меньше половины, я заставила себя оторваться от фляги и вернуть ее охотнику. Под взглядом волка в горле запершило, и я едва сдержала кашель. Он смотрел на меня с беспокойством, а на охотника старался не смотреть вовсе. Я могла его понять – из ничего только нечисть возникает.

– Что же с тобой случилось? – поинтересовался охотник, принимая ополовиненную флягу.

– Меня ранили. Нечисть притворилась сестрой, а когда я ее раскусила, она попыталась раскусить меня.

Охотник побледнел, и на мгновение мне показалось, что на его лице отразился панический ужас.

– Когда это случилось? Покажи укус! – резко и достаточно грубо потребовал он, тряхнув меня за плечи и так сдавив рану, что я взвыла не хуже волка. Догадавшись, где осталась рана от зубов твари, охотник одним рывком разорвал на мне рубаху и, не обращая внимания на мое возмущение, принялся осматривать плечо. Сама я туда предпочитала не смотреть, мне и одного взгляда вскользь хватило, чтобы снова начало мутить.

Ранки действительно были мелкие, только вот кожа вокруг них вздулась и почернела, пошла мелкими нарывами и гнойниками. Омерзительное зрелище.

Охотник выдохнул сквозь зубы, неразборчиво выругался себе под нос и начал аккуратно прощупывать плечо кончиками пальцев. Волк придерживал меня сзади, чтобы от очередной вспышки боли я не потеряла сознание.

– Плохо, – наконец лаконично высказался охотник, поднимаясь на ноги.

– И насколько? – похолодевшими губами я попыталась улыбнуться, но вышла какая-то безобразная гримаса. Охотник проигнорировал мой вопрос, он смотрел только на волка. Его едва заметно потряхивало, и, перед тем как заговорить снова, он запнулся, словно решаясь на безрассудный поступок.

– Надо выбираться отсюда. Я вас выведу. Сможешь ее нести?

– Смогу, – серьезно кивнул волк и сразу же подхватил меня на руки. Он же мельче меня, мелькнула паническая мысль, но спутник легко держал мой вес, словно я была не тяжелее собственного плаща. Мне было бы спокойно в жестких надежных руках волка, если бы я не слышала, как он хрипло, через силу дышит, сдерживая кашель, разъедающий его изнутри.

– Иди сразу за мной, шаг в шаг, – деловито наставлял охотник. – Ничего не бойся. Я проложу для вас новую тропу.

Эти его слова снова заставили меня задуматься: с кем же я связалась? Кого попросила о помощи? Браслет безмолвствовал, не спешил вонзять в кожу иглы боли. Но разве мог человек возникнуть из

ниоткуда посреди болота? Разве мог он легко идти по самой трясине, не проваливаясь, оставляя позади себя не черные следы с гнилой водой, а ровную белую тропу?

Нет.

Но охотник мог. И это пугало.

– Как тебе это удастся? – в голосе волка сквозило напряжение. Да, он помнил, что именно благодаря охотнику мог безбоязненно оборачиваться человеком, но доверять все равно не спешил.

– Я охотник, – наш провожатый пожал плечами, не оборачиваясь. – А это не только то, как я добываю себе пропитание. Я заключил договор с лесом – и лес меня не трогает. Ради этого пришлось кое-чем поступиться.

– И чем же? – теперь в голосе волка звучала неприкрытая враждебность. А я все пыталась сосредоточиться, понять, что в охотнике мне кажется странным. Но жар и лихорадка мешали связно мыслить.

Охотник на мгновение обернулся, приподнял капюшон, чтобы тень перестала скрывать его затянутые бельмами глаза. Полностью белые, без радужки и зрачка, они не пугали, не вызывали омерзения, скорее, напоминали неподвижные мутные шарики, вставленные в глазницы. Вот только взгляд охотника ощущался остро и живо, словно бельма вовсе не мешали ему смотреть на меня.

– Как же ты видишь? – через силу выдохнула я.

Охотник снова пошел вперед, прокладывая тропу. Она стелилась шелковой лентой, не проседала под ногами и не засасывала, и этим пугала еще больше. Казалось, что шагаем мы прямо по топи, а тропа – не более чем обман зрения, мастерски наведенный морок. После сегодняшних галлюцинаций я бы ничему не удивилась. Но волк тоже видел тропу.

– Не глазами, но лучше, чем ими, – немного резко отозвался охотник, и я решила больше его не спрашивать. Похоже, тема ему неприятна, так зачем его мучить? Бросит еще посреди болота...

Я решила не задумываться о странностях охотника и попыталась расслабиться. Жар досаждал уже меньше. Мысли путались, дышалось тоже тяжело, но тошноты и всепоглощающей слабости не было. Да и теперь я верила: все будет хорошо.

На руках волка я чувствовала себя в безопасности. Пожалуй, даже в большей безопасности, чем могла бы себе обеспечить сама. Это было непривычное ощущение: полагаться на кого-то, доверять настолько, что дать себе возможность зависеть от него. Раньше я не могла позволить себе этой роскоши. И не была уверена, что когда-либо позволю еще.

– Зря вы вообще пошли в серебряное царство. О безумии его княгини уже давно ходили весьма подробные и правдивые слухи. И дорога от ее терема шла одна – к самому сердцу Нави. Говорят, княгиня мечтала однажды пройти по тропе до конца и невредимой ступить на Алатырь-камень и объявить себя властительницей всего Навьего царства, чтобы нечисть сама пришла и склонилась перед ней...

– Алатырь-камень... это на нем мы сидели?

Охотник расфыркался, пытаясь сдержать хохот.

– Вы даже до конца тропы не дошли! На ваше счастье. Оттуда уже возврата нет, и не смог бы я вас спасти.

Я прикрыла глаза и прижалась щекой к меховой жилетке волка. От него пахло мокрой шерстью, зверем и лесными травами, но за последние дни этот запах уже стал для меня привычным и почти родным. В голове вертелась какая-то мысль насчет охотника, но я все никак не могла ухватить ее за хвост.

– Отсюда же выбраться можно только водой. Вернее, – охотник вздохнул, – под водой.

Я почувствовала, как поежился волк, но смолчал. Он был умен, несмотря на свой юный возраст, понимал, когда спорить можно, а когда – нет. Интересно, сколько же времени он просидел в избе Яги?

– Как именно под водой?

– До чистой воды дойти нам нужно. Она вся течениями связана, ключами пронизана. В любом озере выйдем, в любом притоке. Так и попадем к золотому царству, что на берегу могучей реки стоит.

У него менялся стиль речи. Вот что меня тревожило и волновало все это время. В нашу первую встречу речь охотника была архаична, он пересыпал ее просторечными словами. Сейчас же он говорил как современный человек... пока не вспоминал, что нужно изображать из себя местного жителя. Неужели он тоже был живым? Это бы прекрасно объяснило и его стремление помочь нам, и прекрасное

знание мелких секретов, которые скрывает Яга. Взять хоть тот же талисман для волка! Откуда мне знать, может, на груди охотник носит такой же?

Я, наконец, успокоилась. Терзавшая меня мысль была поймана и обдумана, все сомнения развеяны. Жар почти унялся, да и боль в руке отступила в тень и ощущалась, только когда я о ней вспоминала. Хотелось закрыть глаза и, наконец, выспаться.

...Интересно, а как это будет, путешествовать под водой?..

Очнувшись я от того, что меня немилосердно трясло за плечо. Хорошо хоть – за здоровое. Местность изменилась: нас окружал густой лиственный лес, светлый и чистый. Где-то даже птичка пела. Тропа сбегала вниз, вдоль обрыва, к песчаной отмели.

Сначала я решила, что мы на берегу моря. Противоположного берега реки не было видно, он угадывался только по плотной утренней дымке.

– Какая же она огромная, – зачарованно выдохнула я. Это место дышало свежестью и жизнью, насколько это вообще было возможно для царства смерти. Здесь было спокойно, и в этом спокойствии не чувствовалось подвоха.

– Огромная? – усмехнулся охотник, помогая мне подняться на ноги. – Судить так только те могут, кто реку Смородину не видел.

В памяти мелькнули обрывки прочитанных сказок и баллад, и я решила, что не хочу видеть реку Смородину.

Чувствовала я себя на удивление хорошо – для отравленной неизвестной тварью. Во всяком случае, я снова могла идти сама. На заплетающихся ногах сделала пару шагов к обрыву, с наслаждением расправила плечи, не обращая внимания на короткие вспышки боли. Разорванная у ворота рубаха все пыталась сползти. Постоянно поправлять ее было больно, и я только плотнее куталась в плащ. Мужчины смотрели на меня с тревогой, волк неслышно следовал по пятам, готовясь в любой момент подхватить.

– Если вы готовы, то идите за мной, – приказал охотник, первым сбегая к воде. Мы поспешили за ним.

За рекой медленно вставало солнце, окрашивая небо и воду в светлые, акварельные тона. Тропа упиралась в воду и уводила вглубь, на дно.

– Прошу об одном – не бойтесь, не пытайтесь всплыть, не пытайтесь дышать. Дайте воде увлечь вас на дно, к чистым ключам и белому песку.

– При всем желании – плыть бы у меня не вышло, – я демонстративно схватилась за раненую руку. Охотник ободряюще улыбнулся:

– Не волнуйся. Во владениях морского царя ты отыщешь помощь.

Мы медленно ступили на воду, и она замерла под нашими шагами, затвердела, словно стекло. Тропа уводила вдаль, к середине реки, прямо навстречу восходящему солнцу. Оно слепило глаза, и я болезненно щурилась, оглядываясь вокруг, боялась пропустить что-то важное.

Нас отделяло от берега шагов сто, под нами зеленела глубина, когда неведомая сила прекратила нас держать, и мы рухнули в воду. Мигом намокшая плотная одежда камнем потянула ко дну. Даже помня о советах охотника, я не смогла побороть инстинкты. Я дернулась, нервно пытаюсь вдохнуть, и наглоталась горьковатой воды.

Наверное, это меня и удержало от попытки выплыть. Пока я беспорядочно бултыхалась, водоросли оплели мои ноги и мягко, но неуклонно потянули вниз. Мне оставалось только смотреть, как изо рта вырываются пузыри воздуха и поднимаются вверх, где уже виднеется восходящее солнце, зеленоватое из-за толщи воды.

Удушье петель захлестнуло горло, грудная клетка спазматически сжалась от невозможности вдохнуть. Воздуха! Воздуха! Все слова, все наставления померкли и отступили вглубь. Тело хотело жить, тело хотело к солнцу и теплу и судорожно, неровными гребками рвалось к поверхности, но только погружалось все ниже и ниже, в леденящую темноту дна. Паника, закованная в клетку ребер, заставляла дергаться, бороться, глотать воду, обжигающую носоглотку. Она отступила, лишь когда при очередном бесполезном вздохе вместо воды я втянула в себя воздух – или то, чем можно было дышать.

Река светлела. Зелень осталась наверху, и чем ниже я опускалась, тем чище и прозрачнее становилась вода – если бы не легкое колебание, можно было бы решить, что мы вернулись на сушу и кругом воздух. Водоросли плавно опустили меня на песок, среди мелких ракушек и камней. Рядом уже стояли охотник и волк – им погружение далось проще.

– Не бойся, дыши, – ласково посоветовал охотник. Его голос звучал странно, как сквозь трубу, колебался и менялся. Интонации приходилось угадывать не по голосу, а по мимике.

Только после его слов я поняла, что снова задержала дыхание, как перед погружением. Сделать первый осознанный вдох оказалось неимоверно сложно – все инстинкты кричали, что нужно оттолкнуться от дна, рвануться ввысь, к свету и солнцу, чтобы уже там вдохнуть полной грудью. Когда обходиться без воздуха стало невозможно, я закашлялась, в ужасе ожидая, что вода снова хлынет мне в нос и горло.

Она действительно хлынула – как воздух, так же легко и естественно, и при выдохе вышла обратно, едва колеблясь у моего лица. Пришлось заставить себя сделать пару глубоких вдохов, чтобы убедиться – захлебнуться мне не грозит. Паника недовольным ворчащим зверьком отступила вглубь, в темноту, готовая в любой момент снова вцепиться мне в горло.

Стоило успокоиться, как укус снова напомнил о себе – ледяным покалыванием и головокружением. На пару мгновений тошнота перекрутила внутренности, перед глазами мелькнули красные круги, и все прошло. Никто даже не заметил короткого приступа.

– Оглянись, – улыбнулся охотник, указывая куда-то мне за спину. Я обернулась так плавно, как никогда не могла двигаться на суше. За моей спиной виднелся высокий терем, сложенный из бревен, камней и песка. Он почти полностью копировал подворье княгинь, за одним исключением – здесь было удивительно чисто.

Ворота стояли нараспашку, и никто не удивился, когда мы вошли во двор, как к себе домой.

У самого дна сновали мелкие рыбки, серебристые и черные. Те, что покрупнее, степенно плавали у самой крыши. Огромный сом лежал чуть в стороне у врат, у собственного маленького терема, словно цепной пес у конуры.

Меня одолела робость. Было очень неловко вламываться в чужой двор без приглашения. Нам навстречу вышла статная дама в тяжелом кокошнике и когда-то красивом, расшитом бисером сарафане. Сейчас и от сарафана, и от нижней рубахи остались одни лохмотья. Прорехи обнажали лилейно-белую гладкую кожу.

– Здравствуй-здравствуй, гость дорогой, – улыбнулась она охотнику, блеснув ровненькими, как жемчужинки, зубами. – Долго же

ты нас не радовал, в гости не заглядывал. Али дорогу к моему порогу позабыл?

– Что ты, хозяйюшка, – разулыбался охотник. – Ради глаз твоих ясных я и с другого края земли бы пришел, да дела неотложные не отпускали, на иных дорогах держали.

– Ох, и льстец же ты, – довольно улыбнулась хозяйка, щуря яркие зеленые глаза, – зачем же сейчас пожаловал?

– Спутнице моей помощь нужна – в зубы нечисти попалась, ядовитые клыки в ране остались. А сам я не лучший целитель.

Водяница окинула меня оценивающим взглядом, особенно долго задержавшись на разодранном вороте, не сочла достойной соперницей и благодушно улыбнулась.

– Что ж, проходите, дорогими гостями будете, – она посторонилась, пропуская нас в терем, и легко взбежала по ступеням резного крыльца.

В тереме было светло и чисто. Пахло не гнилью и илом, а грозовой свежестью и нагретым на солнце деревом. Водяница поманила меня за собой, а охотника и волка окружили служанки-утопленницы – зеленоволосые и зеленоглазые, с перепонками между пальцев.

– Давай посмотрим, чем помочь могу, – мягко промолвила водяница, усаживая меня на широкую лавку в горнице. Ледяными кончиками пальцев она ощупала мое плечо, от них словно разбежались стрелочки мороза, унимая ноющую боль. Раздвинув ткань и оглядев нарывы, водяница только недовольно поцокала языком.

– Везучая же ты, девица. Яд безлицей смертоносен, меньше, чем за оборот солнца убить, изнутри выжечь может. Не попала бы ты ко мне, к полудню сама бы тварью стала, имя свое бы забыла да жертв в лесу поджидала.

Меня передернуло от такой перспективы. Водяница деловито взрезала нарывы бритвенно-острыми когтями, промыла гнойники водой густой и темной из пузатой бутылки, наложила на раны компресс, пропитанный зеленоватой мазью. Из самой глубокой раны она медленно и аккуратно выдавила сломанный полупрозрачный зуб твари, сокрушенно покачала головой.

– Плохо твое дело, далеко яд пошел, до сердца скоро доберется.

Я прикусила губу, пытаюсь сдержать слезы.

– Сколько у меня времени осталось? – голос прозвучал на удивление жалко, я даже сама удивилась. Водяница грустно

улыбнулась, погладила по растрепанным волосам, поправила мне сбившийся обруч.

– Не спеши себя оплакивать – в золотом царстве хранится запас живой и мертвой воды. Источники их давно иссякли, ручьи – обмелели, да сама вода волшебная осталась. Если успеешь к золотой царице добраться да сможешь убедить ее водой поделиться, то потеряет силу яд, в крови растворится.

– Что ж, – улыбнулась я, приободряясь. – Еще один повод добиться встречи с золотой царицей! – И уже тише, себе под нос: – Хотя после знакомства с ее сестричками и не хочется.

Водяница все равно услышала и только головой покачала.

– Не стоит золотую царицу бояться. Отроду про нее дурного не слышала.

Повертев полый зуб твари в пальцах, она швырнула его мелкому щученку, вертевшемуся под ногами. Ловко схватив подачку, тот стрелой выскользнул из горницы, унося гадкую вещь подальше.

– Пора вернуться к твоим друзьям, – с улыбкой поманила водяница. – Верно, заскучали они в обществе служанок моих.

Я осторожно встала. Рука слушалась меня с трудом, онемев от холода. Ох уж эта сказочная анестезия!

– А все твои слуги – утопленники? – любопытствовала я.

– Конечно, милая! А кому еще на дне прислуживать?

– Ну... – я замаялась, припоминая речную нечисть. – Русалкам?

Водяница довольно расхохоталась, искренне и раскатисто.

– Ох, милая, – она смахнула выступившие от смеха слезинки, – не видела ты русалок! Что с них взять, с девок глупых и легкомысленных! Им лишь бы хороводы водить да мужиков щекотать и на дно утягивать! Только в этом от них и польза – слуг моему муженьку поставляют!

Я поежилась, мигом вспомнив, с кем имею дело. Водяница, хоть и дружелюбная, но нечисть. Странно тогда, почему амулеты Яги о себе не напомнили, позволили под водой и с тропы сойти (за ее неимением), и помощь у подводных жителей принять.

Словно почувствовав мои сомнения, водяница ободряюще сжала мою ладонь и поспешила меня утешить:

– Под водой ничего и никого не бойся. В чистой воде все мысли, все намерения видны. Здесь нет места злу и обману, лесному дурману.

Ты и помощь нашу принять можешь, и имени своего не скрывать, и удара в спину не бояться. Чистая вода свободна от скверны Навьего царства.

Я уже открыла рот, чтобы возмутиться, что она мысли мои читала, но подумала и только зубами клацнула. Похоже, на подводный мир жуткие законы леса не распространялись. Вот благословенное местечко!

– Не ликуй раньше времени, – разом посерьезнев, предупредила меня водяница. – Не то рискуешь стать одной из моих служанок. Многие приходили сюда отдохнуть от ужасов леса, многие здесь оставались, в сон погружались да утопленниками просыпались. А им, поверь, жизнь – тоска зеленая, их глаз зеленей. Где вам, людям, отдых, нам, подводным тварям, скука.

– Почему ты мне это рассказываешь? Разве тебе не выгодно так количество слуг пополнять?

– Глупенькое дитя, – водяница погладила меня холодной ладонью по щеке, я ощутила легкое покалывание, как будто на мороз вышла. – В чистой воде и помыслы чисты. Ну зачем мне тебя на вечную тоску обрекать? Ты ведь не от хорошей жизни в лес ушла да с охотником столкнулась.

– Не от хорошей, – согласилась я.

Мы как раз вошли в общий зал, где на лавках у стола устроились мои спутники. Утопленницы вертелись вокруг них, подносили угощение, перебирали волосы, чуть ли не на колени лезли. Волк весь сжался и подозрительно смотрел исподлобья на пересмеивающихся девиц, но не сопротивлялся. Охотник же сидел расслабившись, позволив стянуть с себя плащ и заплести волосы в мелкие косицы. Я, наконец, увидела его без глубокого капюшона, скрывающего лицо, и удивилась его внешности. Он не был похож на живого человека – скорее, на статую, вышедшую из-под резца безумного и гениального скульптора. Я даже усомнилась в своих выводах: а был ли он когда-то живым человеком.

Я поспешила отвернуться. Кому-то, может, и доставляет удовольствие любоваться на бездушный камень, я же предпочитала видеть перед собой обычного человека. Даже черты волка, грубоватые, суровые, но живые, были гораздо приятнее глазу.

Сев рядом с волком и отогнав от него хихикающую утопленницу, я снова обратилась к водянице, поясняя свою мысль:

– Я ищу свою сестру, которую похитил Финист. Говорят, золотая царица почти всеведуща, и я надеюсь, что она подскажет, где мне искать этого мерзавца.

– Вот как? – удивленно приподняла брови водяница, задумчиво поглядывая то на меня, то на охотника. – Давненько я ничего о нем не слышала, но у царицы и глаз зорче, и слух тоньше. Если кому и ведомо, как Сокола отыскать, то только ей.

– Значит, отдохнем да и двинемся в путь, – рассудил охотник, отмахиваясь от особо навязчивой утопленницы. – Надеюсь, тебе легче и силы твои скоро восстановятся.

– Не все так просто, – нахмурилась водяница, нервно покусывая нижнюю губу. Она побарабанила пальцами по столешнице. – Так, девки, все вон, не для ваших ушей разговор!

Утопленницы недовольно загомонили, но разбежались, бросая тоскливые взгляды на остающихся мужчин.

– Во-первых, вашей подруге мертвая вода нужна, пока яд до сердца не дошел, – не тратя время и слова на моральную подготовку, рубанула сплеча хозяйка. – Иначе сама безлицей тварью станет, заблудших караулить будет.

Охотник побледнел, с такой силой вцепился в столешницу, что на дереве вмятины остались.

– И сколько времени у нас есть?

Водяница задумалась. Прошлась по залу, что-то бормоча себе под нос.

– Прошлой ночью луна народилась. После того, как она округлится, что-то изменять станет поздно. А в полнолуние превращение завершится...

Охотник облегченно выдохнул и улыбнулся, просветлев лицом.

– Успеем! Твой супруг откроет же нам путь? Если верно помню, до золотого царства идти недолго. В прошлый раз от золотых ворот сюда дошел я дней за пять. Но шел я не по течениям, по простым путям...

Водяница покачала головой.

– Течения сейчас закрыты, как и прямые пути. Огромный водоворот их спутал в клубок, завертел и разорвал. Там не пройти – чистая вода там смешана с песком, буря бушует, что ни рыбе не

проплыть, ни человеку не пройти. А кружным путем добираться вам до следующего новолуния.

Я похолодела. Кажется, шансов у меня все-таки нет. Не успела я погрузиться в отчаяние, как в глубине души вспыхнула ослепительно-яркая искра злости. Не для того я выжила на болоте, не для того убила лже-Марью, чтобы сейчас опустить руки и ждать обращения в нечисть! Должен же быть третий путь!

Кажется, последнее я выкрикнула вслух.

Волк ободряюще обнял меня, утешая и успокаивая. Охотник хмурился, что-то напряженно обдумывал, отколупывая от стола длинную щепку. Водяница одарила меня понимающим и сочувственным взглядом:

– Третий путь есть, но не лучше он водоворота. Тот хоть вас сразу разорвет, кровь в воде растворит, а черные воды вас закружат, дорогу спутают, до смерти блуждать заставят. Так в черноте и темноте похоронят.

– Но шанс пройти есть? – серьезно уточнила я, усилием воли заставляя себя выглядеть абсолютно спокойной.

– Есть, – со вздохом согласилась водяница. – Даже быстрее управитесь – время там по-иному течет, а выводят они – если выводят – всегда туда, куда вам надобно. Муженек мой был одним из тех, кто прошел черными водами невредимым. Да только с тех пор он бел как лушь и в безлунные ночи только зазря огонь колдовской жжет.

– Ясно, – усмехнулась я, приподняв уголки губ. – Или пан, или пропал, – я выдохнула, набираясь решимости сказать вслух то, что для себя я уже решила: – Я рискну. Тем более выбора у меня нет. Раз помирать, то зная, что все средства испробовал, а не сидеть сложа руки, ожидая, когда у меня клыки полезут!

– Нет, – отрезал охотник. – Ты так riskовать не будешь!

Я даже дар речи потеряла от возмущения! Не хватало еще, чтобы каждый встречный за меня решал! Но пока я набирала в грудь воздуха для гневной и громкой отповеди, охотник спокойно продолжил свою мысль:

– Черные воды опасны и непредсказуемы. Ты не угадаешь, с чем столкнешься. Можешь просто вечно блуждать в черноте, искать верный путь. Можешь пройти их легко и быстро, даже не заметив ничего опасного. А можешь столкнуться с тварями, для которых и

названия-то нет. Никто не знает, кто может обитать в черной воде. Не так ли, хозяйка?

Водяница кивнула. Она искусала губы до яркого кораллового цвета, явно жалея, что вообще речь про третий путь завела. Охотник продолжил:

– Водоворот можно пересилить...

– Нельзя! – отрезала водяница, побледнев, в уголках глаз заблестели крупные слезы. – Даже мой муженек его унять не может, даже совет водяных его только сдерживает! Нельзя там выжить!

– Можно, – мягко произнес охотник. – Ты же знаешь, милая, что можно. Конечно, придется чем-то пожертвовать, чего-то лишиться... Но шанс есть. Верный шанс, хоть и придется дорого за него заплатить.

– Чем? – Я вздрогнула, когда над ухом раздался резкий и хриплый, похожий на карканье ворона голос волка.

Охотник удивленно на него взглянул, словно не веря в недогадливость волка.

– Жизнью, – тихо подсказала водяница, уже даже не пытавшаяся скрыть, что плачет. – Разумом. Душой. Стать частью водоворота, чтобы пропустить сквозь него тех, кто тебе дорог. Но это действительно верный шанс.

– Верный шанс на смерть! – возмущенно перебила ее я. – Я не позволю кому-то жертвовать своей жизнью ради меня.

– В водовороте погибнет один, в черных водах – все, – попытался убедить меня охотник, но я даже не пожелала к нему прислушаться.

– Во-первых, я никого не зову за собой, – я с вызовом вскинула подбородок. – Вы вольны сами выбирать свою судьбу, а мне и так помирать! Это ведь только мне важно попасть к золотой царице в считанные дни!

– Ты просто не понимаешь! – в отчаянии схватился охотник за голову, словно мир у него под ногами рушился, а он ничего с этим поделать не мог.

– А во-вторых, – я перебила его, повысив голос, – я просто не хочу, чтобы ради меня чем-то жертвовали. Тем более жизнью и прочим по списку.

Охотник тяжело поднялся из-за стола, опираясь на руки, навис надо мной, глядя сверху вниз.

– Ты хоть знаешь, куда лезть собралась? – Я поежилась под тяжелым взглядом белых глаз. – Черные воды – это не подводный мир, не часть леса и Навьего царства. Это уже подземный мир, дура!

Я нехорошо прищурилась. Сейчас я решила не обращать внимания на оскорбление, но позже, когда я не буду зависеть от охотника, я ему это обязательно припомню!

– В чем разница? Или подземный мир уже не царство смерти?

– Догадалась? Молодец, – в улыбке охотника не было ничего доброго. – Это в лесу водятся твари и навьи, нечисть и нежить, люди и ведьмы. А в подземном мире ничего нет, кроме древних богов. Кощей – Кощный бог, Морана – тебе, девочка, говорят о чем-то эти имена? И ведь это только те, о ком помнят! Поверьте, я не хочу на своей шкуре узнавать, кто еще может спать в подземном мире.

Повисла тяжелая тишина. В пылу спора мы не заметили, что хозяйка покинула зал, предоставив нам возможность препираться в свое удовольствие. Десяток секунд я молча смотрела на охотника, перекаывая слова во рту, выстраивая и подбирая правильные, хоть и понимала, что все напрасно. Даже если он был живым человеком, лес давно изменил его, съел и перемолол, вылепив из остатков чудовище. Теперь охотник не видит проблемы в том, чтобы пожертвовать чужой жизнью ради своих целей. Вот только своих ли? Какое ему дело, выживу я или нет, отыщу сестру или нет?

– Это только мое дело, – решительно произнесла я, глядя в глаза охотнику. – Я никого не зову с собой и не прошу мне помогать!

– Подумай хотя бы о сестре, ты же ее ищешь! Неужели возможность спасти ее не стоит чужой жизни?!

Я вспомнила сестру. Замкнутого, вечно недовольного подростка, со злым взглядом и грубой речью. Вспомнила наши вечные споры, ее стремление делать все назло. Вспомнила, как она глухо плакала в подушку, когда думала, что я не слышу.

Отдала бы я свою жизнь за шанс ее спасти? Конечно! Но разве я вправе просить кого-то пожертвовать собой?

– Чужой – нет, – твердо произнесла я, поднимаясь и показывая, что разговор окончен. – У меня мало времени. Если не идешь со мной, то хотя бы не отнимай его.

Охотник скрипнул зубами и молча вышел из зала, разве что дверью не хлопнул. Я выдохнула и устало опустила плечи – было ощущение,

что я только что выдержала серьезную битву, а победа не принесла мне ни пользы, ни удовлетворения. Не было сил даже обратно на лавку сесть – я так и стояла, повесив руки и бездумно глядя в пол.

Волк встал рядом, развернул к себе и заставил посмотреть в глаза.

– Я все равно пойду с тобой. Я обещал.

Я благодарно улыбнулась, не зная, какие подобрать слова – их попросту не существовало ни в одном языке.

– Тогда не будем терять времени.

16. Где живые не ходят

Водяница подвинула мне плошку с толстыми темно-зелеными водорослями, похожими на лоснящихся червей. Пахло от них йодом и лимоном. Заметив мое брезгливое выражение лица, хозяйка поспешила меня успокоить:

– Не бойся, девица-соколица, ешь спокойно. В темных омутах их выращивают, и другой пищи на дне нет. Они и еду, и воду нам заменяют.

Я с сомнением потыкала пальцем в скользкую водоросль. Тянуть в рот ее не хотелось.

– И не надоедает постоянно одно и то же есть? Тем более так похожее на червяка?

– Надоедает, – со вздохом согласилась водяница. – Говорила я: тоска тут смертная, ничего не меняется, ничего нового не происходит. Вот ряды утопленников пополнятся – уже праздник, хоть лицо новое среди опостылевших, истории свежие да байки забавные. Гости-то редко бывают и не задерживаются, а задержатся – пуще слуг опротивеют.

Опечалившись, она подперла рукой подбородок и задумчиво подцепила ноготками одну из водорослей. Я замороженно следила, как хозяйка легко и изящно всасывает длинную толстую травинку, словно макаронину.

– Лучше не следи за хозяйкой, – мрачно посоветовал охотник. Обеденная трапеза снова собрала нас всех в одном месте. Вокруг стола шмыгали прислуживающие утопленницы. Похоже, они кожей ощущали повисшее напряжение и были непривычно тихи и скромны. – Ты все равно не сможешь так с их пищей управиться. Нам, наземным созданиям, это просто не дано.

– Сноровки не хватает, – во все зубы улыбнулась хозяйка.

Охотник оставил ее выпад без ответа, целиком засунув водоросль в рот и сделавшись похожим на хомячка. Сразу исчезло пугающее очарование его внешности – разве можно бояться того, чей вид вызывает смех?

Осмелев, я попробовала подхватить водоросль, но она выворачивалась из пальцев, как живая. Кое-как схватив несговорчивую пищу всей пятерней, я с трудом запихнула ее в рот. Вкуса она не имела, хоть и была мясистой и водянистой. Но голод и жажду она действительно утоляла отменно – с трудом проглотив одну, на миску с остальными водорослями я смотрела со все возрастающим отвращением. Жителям подводного царства остается только посочувствовать, они-то вынуждены это каждый день есть!

– В черных водах ни студеных ключей нет, ни еды. Так что, – хозяйка одарила меня сочувственным взглядом, – придется вам с собой запас водорослей взять.

– Надо – возьмем, – смиренно вздохнула я. Сколько бы времени ни занял путь по черным водам, есть и пить что-то придется. Но все наши запасы отсырели и пришли в негодность, пока мы погружались в воду, а бурдюк не пополнить – чистыми водами можно дышать, но не пить. А до ближайшего ключа с обыкновенной водой, по словам хозяйки, идти несколько суток.

Я уже заканчивала штопать рубаху, когда в горницу вошел охотник. Я недовольно на него покосилась и только сильнее закуталась в плащ, чтоб не смущать его голым телом.

– Я иду с тобой.

Голос охотника был тверд. Он не просил и даже не сообщал – он ставил перед фактом. Я хмыкнула, задумчиво покрутив в пальцах золотую иголку – железо в чистой воде ржавело, как и в обычной речной, так что почти все вещи в подводном царстве были из золота и серебра.

– И почему ты передумал?

Охотник пожал плечами, старательно глядя в стену.

– Мне будет жаль, если вы по дурости сгинете в черных водах.

– Не боишься сгинуть сам?

– Если и сгину, – тут он усмехнулся, – то осознавая, что сделал все возможное, чтобы вас вытащить.

Помолчав, он добавил уже тише:

– Я себе не прощу, если с тобой что-то случится.

Он снова говорил простым языком, без архаизмов. Словно ненадолго приподнял маску, обнажая истинное лицо.

– Что ж, – со вздохом я сделала последний стежок, закрепила нить, – я тебя за собой не тянула. А теперь выйди, я оденусь.

Он изобразил издевательский поклон и оставил меня одну.

Мне было страшно. До одури, до стука зубов, до испарины на лбу. Я боялась спускаться в черные воды, в мертвые воды, но еще больше я боялась стать нечистой. Буду честна сама с собой: если бы не раздающееся в ушах тиканье часов, отсчитывающих отмеренное мне время, я не стала бы рисковать. Пошла кружными, но безопасными путями, пусть это и не ускорило бы спасение Марьи. Я не была готова рисковать своей жизнью только ради того, чтобы увидеться с ней побыстрее. Это, в конце концов, не рационально.

А если быть совсем честной, то я предпочла бы ее спасти, вовсе не видясь с ней.

Водяница обещала сама открыть нам переход. Она и охотник уже ждали нас за воротами терема. Я старательно делала вид, что не трушу, хоть для этого и пришлось сжимать кулаки так, что короткие ногти больно впивались в ладонь – иначе дрожь в пальцах меня бы выдала.

В глаза бросилось копьё в руках хозяйки – тонкое, с длинным острым наконечником, выточенным из блестящего черного камня.

Когда мы подошли, охотник кинул мне в руки моток веревки. Один край уже был обвязан вокруг его пояса.

– Обвяжите себя – иначе потеряемся. Ты, – он кивнул мне, – в центре.

Я послушно обвязала веревку вокруг талии и передала ее конец волку. Тот смотрел на охотника с подозрением, словно постоянно ждал подвоха, но его указания выполнил. Водяница окинула нас печальным взглядом:

– Я надеюсь, судьба будет милостива к вам, как и к моему супругу, – она вручила копьё охотнику. – С этим копьём супруг мой вышел из черной воды. Он мало говорил о нем – только то, что вырвал его из камня и прорубил обсидиановым наконечником себе путь. Пусть же оно послужит вам и защитой, и талисманом наудачу.

– Благодарю за подарок тебя, хозяйка, – поклонился охотник. – Я буду беречь его как зеницу ока, чтобы при встрече передать твоему мужу вместе с поклоном.

Водяница махнула нам рукой, чтобы мы следовали за ней. Сдернула с шеи нитку коралловых бус, и камешки посыпались вниз,

но не опустились на дно. Алые бусины повисли в воде, словно капли крови, через равный промежуток, отмечая наш путь. Как только они замирали, чистая вода вокруг каждой из них начинала темнеть, разрастаться черным ореолом, словно акварель с кисти.

Чем дальше мы шли, тем чернее вода становилась вокруг каждой следующей бусины, и когда над песком повисла последняя, темное пятно расплылось вокруг нее таким облаком, что запросто скрыло бы человека.

– Идите, – шепнула водяница. Охотник шагнул вперед, не раздумывая, веревка потянула меня следом, не давая возможности смалодушничать в последний момент. Я только успела оглянуться на хозяйку, заметить печаль в ее глазах. Она подняла ладонь в прощальном жесте – то ли благословляя, то ли навеки прощаясь с нами, как с покойниками.

С тяжелым сердцем я шагнула вперед и перестала что-либо видеть.

От чистой воды черные воды отличались не только цветом. Беспроглядная тьма, лишённая малейшего источника света, пугала – первая мысль была о потере зрения, и разум ударился в панику. Я задрала голову, надеясь разглядеть хоть что-то в толще воды над нами, но тщетно. Одинаковая глухая чернота окружала со всех сторон.

Черная вода не мешала дышать. Так же, как и чистые воды, она входила в легкие и покидала их, отдавая необходимый кислород. Но у черной воды был едва угадывающийся привкус, едва заметная горечь. Сначала я не обращала на нее внимания, решив, что сама накрутила себя, но после нескольких минут начало першить горло.

Мы шли медленно – скорость задавал охотник, первый в цепочке. Натянутая веревка влекла меня за ним. Я ощущала себя козой на веревочке. Конечно, можно схватиться за кинжал, перерезать веревку и самой выбирать путь в черноте. Но мне очень хотелось верить в охотника, в то, что он знает, куда идет и куда ведет нас.

Надеюсь, нас не постигнет судьба брейгелевских слепых.

Здесь не было песка. Мы шли по камню, и сквозь мягкую подошву сапог я ощущала широкие трещины, изрезавшие его причудливой паутиной. Вода вокруг едва дрожала – то ли от нашего движения, то ли от чего-то большего, скрывающегося в темноте. Хорошо, хоть звуки здесь были: я слышала, как охотник постукивает пятой копы по камням, опираясь на него при ходьбе.

Абсолютная тишина свела бы здесь с ума. Без слуха, без зрения, практически без осязания легко поверить, что ты уже погиб, сам того не заметив. Не это ли сгубило других путников?

Мне почему-то представлялось, что черные воды похожи на дно океана, где обитают гигантские спруты и слепые пучеглазые рыбы с распахнутыми пастями и огоньком перед ними. Скучная, не меняющаяся тьма меня разочаровала, но я поспешила себя одернуть: пусть уж лучше будет скучно, чем страшно.

– Осторожней, – раздался приглушенный голос охотника. – Мне кажется, за нами наблюдают.

Я прислушалась к своим ощущениям, но ничего не заметила. Молчали и талисманы Яги. Впрочем – последнее и неудивительно: я не нарушала данные ею правила. Иногда мне начинало казаться, что я различаю в черноте плавные очертания то ли гигантских существ, то ли развалин храмов и дворцов, но это было не более чем игрой зрения.

Пусто и мертво было в черных водах. Если и спало здесь древнее позабытое существо, оно не спешило пробуждаться. Да и не могла я припомнить в сказках тварей, облюбовавших самое дно океана.

А Ктулху все-таки уже относится к другой мифологии.

– А разве может здесь что-то быть?

– Вполне, – раздался из-за спины задумчивый голос волка. – Мир возник из воды. Возможно, именно это море существовало еще до начала времен.

– А что было до воды?

– Она всегда была, тьма и соленая вода. Еще до богов. Еще до жизни.

– Замолчите! – отрывисто приказал охотник. Стук копья по земле стих, и я остановилась, опасаясь столкнуться с охотником.

Но все было по-прежнему тихо и спокойно. Я не знаю, сколько мы так стояли, прислушиваясь к тишине. Я досчитала до ста, но мне показалось, что прошли часы – время здесь действительно текло своеобразно. Я уже потеряла терпение и хотела предложить продолжить путь, когда раздался первый звук: треск, показавшийся громоподобным в тишине.

Я завертела головой, пытаюсь понять, откуда он исходил. Получалось, что спереди, прямо перед нами.

– Эй, охотник! – шепотом позвала я. Тишина.

И тут я поняла, что не чувствую натяжения веревки.

Я схватилась за обрывок, оставшийся висеть у меня на поясе. Медленно перебрала по нему пальцами, нашла край. Долго ощупывала, не веря своим ощущениям: кончик веревки был твердым, с жесткими уголками, словно обугленный.

– Эй, – шепотом позвала я. – Охотник! Волк!

Тишина. Я пошла вперед, вытянув руки, потом побежала. Но вокруг была пустота, никого и ничего живого. Я остановилась, пытаюсь услышать шаги своих спутников, но гулкий шум крови в ушах заглушал любые звуки. От тяжелого дыхания только сильнее першило в горле, до неудержимого кашля.

Кое-как выровняв дыхание, я закрыла глаза, хоть и так ничего не видела, и попыталась сосредоточиться на других чувствах. Я сама толком не знала, что хотела ощутить: колебания воды вокруг от чужих движений, услышать отголосок крика, почувствовать дрожь камня под ногами... Но не было ничего, словно я полностью лишилась всех пяти чувств, оставшись в глухой темноте, без какой-либо информации об окружающем мире.

Чувствуя приближающуюся волну паники, я упала на колени, вцепилась пальцами в каменное дно, ощупала края трещин. Я заставила себя успокоиться – хотя бы осязание мне не отказало. Ощущение холодного неровного камня под пальцами успокаивало. Теперь растрескавшееся дно было моей точкой отсчета в абсолютной пустоте, единственной постоянной константой в океане неизвестности.

Я сглотнула, поняла, что не смогу подняться, оторвать руки от камня. Это было бы невыносимо, словно на мгновение обрести зрение и слух и тут же снова ослепнуть и оглохнуть. Загнав поглубже сдавившие горло рыдания, я медленно поползла вперед, тщательно ощупывая камень перед собой. Вдруг охотник и волк не потерялись, а лежат на дне, сраженные неведомыми силами, и им еще можно помочь? Вдруг я найду что-то, что поможет мне ориентироваться в черноте этих вод?

Теперь я понимала, как была самонадеянна, решив сюда сунуться. Похоже, моя глупая смелость стоила жизни и волку, и охотнику, а мне самой остается просто сгинуть в темноте, превратиться в нежить, похороненную под толщей земли и воды, в тишине и одиночестве. Не выдержав, я села и разрыдалась, даже не пытаюсь успокоиться, слезы

стекали по щекам, растворялись в черной воде, и при дыхании я чувствовала солоноватый привкус, как у воздуха на морском побережье.

Воображение рисовало змееподобных чудищ, медленно скользящих надо мной. Их гладкие лоснящиеся тела свивались в спирали, переплетались замысловатыми узлами в неторопливом и непонятном танце. Как наяву я видела их мелкие слепые глаза, огромные пасти с загнутыми зубами, антрацитовую чешую на теле. Мне безумно хотелось, чтобы эти монстры существовали на самом деле, скользили вокруг меня, разевая чудовищные пасти, ибо осознание абсолютного одиночества было невыносимо.

Прорывавшись, я медленно поползла дальше, все так же тщательно ощупывая края каменных трещин. Их рисунок возникал под закрытыми веками, складывался в элементы гигантского замысловатого узора. Линии трещин серебрились под веками, разбегались тонкой паутинкой, превращаясь в очертания огромной змеи. Я не знала, то ли это мое воображение шалит, то ли из трещин действительно складывается цельный рисунок. Пожалуй, это единственный вопрос, которым я смогу занять свой разум в оставшееся у меня время.

Я обессиленно легла на дно. Зачем куда-то ползти, пытаться что-то сделать, если у меня остались считанные дни? Я не справилась. Надо с достоинством принять поражение, а не суетиться, как хомяк в колесе. Просто уснуть. Я легла на спину и закрыла глаза, представив, как надо мной проплывают киты, как в старой песне.

От неожиданной мысли меня прошиб озноб. Водяница говорила, что здесь время течет иначе... То есть до превращения у меня может оставаться как несколько дней, так и целая вечность. Целая вечность в темноте, в сознании, наедине с собой и самыми мрачными мыслями о тех, кого я подвела.

Приободренная настолько мрачными перспективами, я перевернулась на живот и снова ползком двинулась вперед. Нет уж, сколько бы времени у меня ни оставалось, я собираюсь использовать его целиком, чтобы в самом конце посмотреть в глаза своей совести и сказать: «я сделала все, что могла».

Видимо, я взяла слишком резкий старт. На одной из трещин рука соскользнула вниз, сдирая кожу о неровный камень. Тихонько взыв, я

ощупала руку, пытаюсь понять, насколько сильно поранилась. Кажется, ничего серьезного, но без зрения не понять, то ли это кровь по руке течет, то ли черная вода вокруг колыхается.

Я даже лизнула ладонь, но так ничего и не ощутила. Вздохнув и морщась от боли, я поползла дальше.

Темнота постепенно начала светлеть, сквозь мутную толщу черных вод я уже могла разглядеть трещины на камне на расстоянии вытянутой руки. Не веря своим глазам, я встала, нервно оглядываясь. Это не вода светлела, это откуда-то из глубины пробивался красноватый свет, как от лавы.

Сглотнув, я отступила от трещины, испугавшись, что раскаленная лава сейчас вырвется вверх, но вода вокруг даже не потеплела. Зато света стало столько, что я смогла разглядеть, как из маленькой, но глубокой ранки на запястье вытекает кровь, акварелью растекаясь в воде.

– Живая кровь, – тихий шипящий голос раздавался прямо в голове, заглушая мои собственные мысли. – Живой дух... Зачем, смертная, ты потревожила мой сон?

– Кто ты? – во весь голос крикнула я, оглядываясь вокруг, но я по-прежнему была одна.

Тихий смех неведомого существа я ощутила, как вибрацию камня под ногами, свет пульсировал, то разгораясь нестерпимо ярко, то почти потухая.

– Змея.

– Змея?! Где ты, почему я тебя не вижу?!

Я вертелась на месте, стараясь не свалиться в расширяющиеся трещины, судорожно оглядывалась, ожидая, что чудище вынырнет из темноты за моей спиной и проглотит меня. Но оно только смеялось, и земля тряслась под ногами, что я не удержала равновесия и упала на колени.

– Глупышка. Я здесь. Я везде. Я и есть изначальные воды.

Я передернулась, представив, что нахожусь внутри говорящей змеи, но, слава богу, черные воды меньше всего походили на чьи-либо внутренности.

– Я тебя разбудила? – я попыталась унять дрожь в голосе. – Прости. Я всего лишь хотела быстрее добраться до золотого царства!

– Глупышка, – снова прозвучало в моей голове, и мне почудился некий покровительственный оттенок. – Смертная, ты даже не представляешь, какие силы пробудила. Что ж ты так спешила?

– Мне нужно найти мою сестру и спасти ее! – Я почти кричала, задрвав голову, словно говорила с Богом. Хотя, боюсь, существо, которое воплощает собой эти темные безжизненные воды, гораздо, гораздо значительнее Бога.

– Сестру? – переспросила невидимая Змея с сомнением, словно пробуя слово на вкус и не понимая его. – Зачем тебе ее спасать?

Я опешила. Как это объяснить, зачем?! Это же сестра, причем младшая сестра!

– Я должна, потому что я – ее старшая сестра, я ответственна за нее, я должна ее беречь и защищать!

– То есть это твой долг? Твое предназначение? Интересно... – в голосе Змеи я уловила заинтересованность, словно безумно древнее существо столкнулось с забавной загадкой. Наверное, так люди изучают жизнь насекомых, пытаюсь понять, какие инстинкты ими руководят. – А что будет, если ты не выполнишь свое предназначение?

– Моя сестра погибнет, а моя жизнь потеряет смысл, – честно ответила я, вспомнив шок, обрушившийся на меня с исчезновением Марьи.

– Ты умрешь?

– Нет. Но это будет уже не жизнь, а бессмысленное, бездумное существование.

– Но это и есть ваша жизнь, – рассмеялся бесплотный голос.

Меня начало потряхивать от злости. Эта тварь изучает меня, словно под микроскопом, препарирует не то эмоции, не то мысли, и веселится! Как ребенок, отрывающий крылышки бабочке!

– Помоги мне!

– Зачем? Ты забавная. Ты живая, я никогда раньше не видела живых! За тобой интересно наблюдать.

Кем бы это чудовище ни было, оно действительно походило на ребенка. Я облизнула губы, ощутив горьковатый вкус воды с едва заметными металлическими нотками – привкусом моей же крови.

– Чего ты хочешь? – я не колебалась. Я не знала, что могу предложить этой древней безумной твари, но готова была отдать все, что она попросит. Но все равно оказалась не готова к ее ответу.

– Ничего. От рождения мира я сплю в темных и соленых водах, жду, когда весь мир присоединится ко мне в своей колыбели, погрузится в дрему без снов. Но хочу ли я дождаться? Нет, не хочу.

Алое сияние в трещинах начало медленно потухать, словно Змея снова засыпала или удалялась, покидала меня, оставляла в темноте, тишине и одиночестве. Подхлестываемая паникой, я крикнула:

– Но тебе же скучно спать и ждать, так? Помоги мне – и я облегчу твою скуку!

Свет разгорелся с новой силой. Теперь в его пульсации чувствовалось нездоровое любопытство. Обереги Яги кольнули болью, но неуверенно, словно сами не знали, можно ли защититься от хтонической твари.

– И как же?

Шипение в ушах стало медовым, горло словно тугой чешуйчатой петлей захлестнуло. Грудная клетка дергалась с каждым судорожным неглубоким вздохом.

– Мои сны, – одними губами прошептала я. Слова горчили на языке, застывали капельками крови на искусанных губах, и я не сомневалась, что еще пожалею о своем предложении. – Забери мои сны. Ты будешь спать, и тебе будет сниться то, что могло присниться мне. Ты сможешь посмотреть на мир живых, когда я выберусь. На других людей – они интереснее меня, клянусь! Ты...

– Хватит, – рассмеялась Змея, и хватка на шее ослабла. – Мне нравится твое предложение. Пожалуй, это справедливый обмен. Я помогу тебе добраться до золотого царства.

Горло снова сдавило – на этот раз от облегчения. Я и не думала, что мне удастся уговорить древнее существо помочь мне. Я сглотнула. Остался последний штрих – отыскать моих спутников.

– Со мной были двое мужчин, мы были связаны, чтоб не потеряться, но веревка оборвалась, – я показала обрывок, все еще висящий у меня на талии. – Ты сможешь вытащить и их тоже?

– Смогу, но они-то не платили мне своими снами.

– У них нет снов, – быстро перебила ее я. – Они так много времени провели в Навьем царстве, что больше не видят снов. Им нечего тебе предложить. За них прошу я.

Смех звучал в ушах нескончаемым шорохом жесткой чешуи.

– Ты уже отдала свои сны. Что ж ты еще мне предложишь, глупая девочка?

Я молчала и кусала губы, пока соленый вкус во рту не стал нестерпимым.

– Забирай, что хочешь, – глухо выдохнула я, – только помоги нам.

– Вот как? Мне нравится твоя решительность, глупая смелая девочка. Может, и твои сны повеселят меня не хуже, чем ты сама. Ты нравишься мне, и я не возьму более того, о чем уже условились.

Я вскинулась, слова благодарности застряли в горле, и прежде, чем я успела выдавить хоть что-то, черная вода, которой до этого спокойно я дышала, миг обернулась водой морской, соленой, горькой. Она хлынула мне в рот и легкие, и я закашлялась, чувствуя, что задыхаюсь. Мощное течение подхватило меня со дна, швырнуло вперед и вверх, повлекло, вращая меня, словно щепку.

Я не пыталась бороться с течением, только жмурилась и старалась не дышать, чувствуя, как горят легкие от недостатка кислорода. Я молилась об одном – лишь бы не захлебнуться, не потерять сознание – погибнуть сейчас, когда самое страшное испытание позади и божество изначальных вод несет меня к цели, будет нестерпимо обидно!

Пытка закончилась внезапно. Вот я чувствовала бурление воды вокруг меня, волны перебрасывали мое тело, то выталкивали вверх, то снова влекли ко дну, и вдруг – ничего нет, я лежу животом явно на чем-то твердом. Только в ушах то ли все еще вода шумит, то ли смех Змеи угасает:

– Удачи тебе, смертная, побереги себя для самых забавных сновидений!

Я закашлялась, выхаркивая соленую воду. Горло щипало, из носа капало, а волосы облепили лицо. С трудом усевшись, я откинула пряди с лица и попыталась проморгаться. После сплошной черноты изначальных вод дневной свет меня слепил.

– Эй, – тихонько позвала я, не дожидаясь, когда зрение восстановится. – Волк, охотник, вы здесь?

Больше всего я боялась, что мне никто не ответит, что Змея, по каким-то ведомым лишь ей причинам, вытащила только меня. Но сквозь шум в ушах я все же расслышала хриплые и неуверенные голоса друзей.

Я рассмеялась от облегчения, но смех быстро перешел в кашель, и я снова повалилась на землю. Чувство было такое, словно на мне весь день пахали. Болезненно ныли все мышцы, я не представляла, где взять сил, чтобы снова пошевелиться. Просто лежала и наслаждалась солнечным теплом на коже.

Вот только шум вокруг беспокоил меня все больше, постепенно слух начал из общего фона вычленять взволнованные человечески голоса, и тревога взбодрила меня вернее плети.

Прищурившись и прикрывшись ладонью от слепящего солнца, я приподнялась на локте, пытаюсь хотя бы определить, куда нас занесло. Мы втроем лежали на вымощенной желтоватыми булыжниками мостовой, у самого края пруда, из которого, похоже, и вынесла нас волна. Ничего удивительного, что вокруг начала собираться толпа любопытных людей.

Под их тяжелыми неподвижными взглядами хотелось съежиться и исчезнуть. Их гнев, их страх ощущались кожей. «Как посмели вы нарушить размеренную нашу жизнь? Как посмели вторгнуться в покой и порядок?» Они стекались к нам со всех сторон, все плотнее и плотнее обступали, теснили назад, к воде.

Так упорядоченное отвергает хаос.

Но струсить перед ними, да после разговора с хтонической змеей, было бы совсем глупо. С горем пополам встав на ноги, я обратилась к собравшейся толпе, все еще болезненно щурясь:

– Уважаемые! Я хочу встретиться с золотой царицей! Кто-нибудь сможет проводить меня к ней?

На площади установилась такая тишина, что стало слышно, как капли воды с кончиков волос падают и разбиваются о камни. Я постаралась представить нашу троицу со стороны и вздрогнула: да уж, три замызганных оборванца, выброшенные волной из спокойного прудика в центре города, могут вызвать что угодно, кроме доверия.

Но одна девушка все же к нам подошла. Невысокая и бледная, с блеклыми и ломкими соломенными волосами, в светло-желтом сарафане, она напоминала колосок пшеницы, подгнивший после долгих дождей.

– Госпожа, извольте следовать за мной, – едва слышно прошелестела она, – я провожу вас к царице, моей хозяйке.

Я кивнула. Из-за слишком яркого света все еще приходилось щуриться, и я не могла разглядеть ее лицо и понять, что же с ней не так. Девушка-служанка казалась мне неправильной, слишком неживой, словно была превращена в человека из больного цветка.

Она казалась мне несъедобной.

В городе было жарко, но после таких мыслей меня прошиб озноб.

Я покорно шла за девушкой, щурилась ей в затылок, постоянно прикрывая глаза от света. Солнце шпарило немилосердно, но пропитанная соленой водой потяжелевшая одежда приятно липла к телу, охлаждая его. На шаг позади меня шел волк, я ощущала его дыхание и едва заметный запах – пряный, как от хорошо прожаренного мяса. Я даже мечтательно облизнулась, осознав, насколько же я голодна. Сейчас меня устроило бы даже сырое мясо. Даже еще живое, бегающее, из которого так весело вырывать кровоточащие куски плоти...

Мое состояние меня пугало.

Ранка на запястье, кстати, уже затянулась, даже рубца не оставив.

17. Не все то золото

Царица встретила нас в саду.

Я настороженно оглядывалась вокруг, не веря собственным глазам. Кажется, мы попали как раз в то самое дивное царство, не раз описанное в сказках. Из-за ослепительно-яркого солнца небо казалось раскаленным добела, солнечные лучи отражались от гладких и блестящих, словно лакированных, яблок, таких огромных, что едва помещались в ладони. Они тянули к земле ветви с крупными, очень жесткими листьями удивительного серебристого цвета, как у тополя.

Я любовалась, затаив дыхание, но все время стараясь забиться в тень. В лесу царила хмурая, затяжная осень, но здесь сияло жаркое лето, яростное и обжигающее. Цветы благоухали так, что от смешения ароматов свербело в носу, их яркая, вызывающая красота бросалась в глаза. По привычке я присматривалась, искала подвох, но не находила.

Золотая царица была прекрасна, особенно по сравнению с сестрами. Ее лицо дышало свежестью и молодостью, на щеках играл румянец, а волосы, заплетенные в толстые, тугие косы, мягко блестели.

Все это благоденствие настораживало меня еще больше. Чем ярче блестит наживка, тем острее будет крючок.

– Вы можете называть меня Василисой Премудрой, – открыто глядя нам в глаза, сказала царица. Это было первое имя, услышанное мной в Навьем царстве. – Я достаточно сильна, чтобы не скрывать имени. От вас, впрочем, я назваться не требую. Понимаю: скрытые имена – ваша единственная защита.

– Я... эээ... да, спасибо, – пробормотала я, потупившись. Глядеть на Василису было больно – она ослепляла. Даже сидя на лавке с вышиванием в руках, она умудрялась одаривать нас высокомерными взглядами. Лучше смотреть на ее руки. У нее были тонкие, очень изящные пальцы, как у арфистки. Золотая игла постоянно ловила солнечные лучи, блестела в белых пальцах огненным росчерком, оставляя на полотне алые цветы.

Я сморгнула навернувшиеся слезы, отвела взгляд. Самым краем глаза я заметила алые пятна на лилейно-белых ладонях царицы. Сначала решила, что это не более чем тень от вышивки, но быстро

сообразила: Василиса вышивает нитками, смоченными в собственной крови. Какое же колдовство творит царица, что даже пальцев собственных не жалеет?

– Я Соколица, – прозвище соскользнуло с губ легко, став незаметно мне ближе родного имени. Оно и злило меня, и придавало сил, напоминало о беззлобном смехе Яги, о ее издевке: соколица – да вслед за соколом. – Это мой спутник и защитник, волк. Я пришла просить о помощи.

– Вижу, – степенно кивнула Василиса, глядя на меня с зоологическим интересом. – Яд нежити тебя насквозь пропитал, сама медленно нежитью становишься. Не будь ты живой, я с большим удовольствием проследила бы обращение до конца. Да и пригодилась бы мне послушная безликая тварь.

Я недовольно фыркнула, скрывая страх. Пожалуй, в цинизме царицы не было ничего удивительного, к тому же я чувствовала, что она скорее проверяет нас, провоцирует. Сильнее меня удивило, что она разгадала, что мы живые. Неужели после черных вод действие ритуала Яги прекратилось?

Василиса читала мои мысли как открытую книгу:

– Соколица, запомни: я не слабее Яги. И уж увидеть среди нежити живых мне не составляет труда. Нет, я вас не выдам. Да, я вам помогу. Еще вопросы? Если вам больше нечего мне пока сказать, то слуги проводят вас в ваши покои. Тебе, Соколица, лучше избегать солнца, пока превращение в нежить не будет обращено вспять.

Сияющий сад мы покидали в молчании. Высокомерие царицы не задевало – чего еще ждать от могучей колдуньи, способной помериться силой с самой Ягой? Но вот ее речь... резкие, хлесткие фразы били наотмашь, и привычнее их было бы слышать в моем времени – времени стекла и бетона, а не среди деревянных теремов и яблочных садов.

Нам выделили целое крыло – похоже, царица уважала чужое право на личное пространство. Служанки принесли нам чистую одежду и еду и бесшумно удалились. Они не выглядели зашуганными, как в медном или серебряном царстве, и служили царице отнюдь не из страха.

Волк новую одежду проигнорировал, остался в шкурах.

– Сроднился я с ними, – немного застенчиво пояснил он, когда в маленькой общей зале я жадно глотала пирожки с молоком. – Второй кожей стали. Да и без них не смогу волком обернуться.

– А это слишком полезный навык, – согласно кивнула я. В отличие от названного брата, я не стала пренебрегать возможностью сменить грязную, изодранную одежду. Увы, пока мне предложили только нижнюю рубаху, длинную, расшитую по подолу угловатым узором, и несколько сарафанов, отличающихся лишь цветом и вышивкой. Я схватила первый попавшийся и надеялась позже сменить его на привычную мужскую одежду. Дольше возилась с амулетами Яги – браслеты и пояс снять так и не удалось, пришлось старую одежду срезать по частям и вытаскивать из-под украшений. Теперь их скрывала нижняя рубаха, неудобная и путающаяся в ногах. В ней даже за пазуху ничего не спрятать! Правда, и прятать уже было нечего. Перо пропало, и я так и не могла вспомнить, когда. Думать о том, как же мне без него искать Финиста, было тяжело и тревожно.

– Куда делся охотник... – я задумчиво вздохнула, отодвигаясь подальше от окна и стараясь забиться поглубже в тень. Волк только пожал плечами. Его исчезновение нашего провожатого совсем не печалило.

Я даже не могла сказать, когда точно охотник решил нас покинуть. В терем царицы мы шли все вместе, вслед за блеклой служанкой. Я даже успела пожаловаться ему, что мне невыносимо жарко, но вот вспомнить, что он ответил, не получалось. Но отвечал точно!

Я нахмурилась, покосилась на волка, но тот только равнодушно пожал плечами. Мол, раз тебе эта загадка интересна, сама и разгадывай. Вздохнув, я прикрыла глаза, пытаюсь восстановить в памяти цепь событий. Получалось на удивление легко, вот только охотник из нее все время выпадал. Если бы я не убеждала себя, что еще у пруда он был с нами, то уверилась бы, что из черных вод он не вышел.

А если вспоминать не самого охотника, а копье, которое дала ему водяница? Его я точно помню лежащим у пруда! И даже какое-то время помню его глухое постукивание по неровной брусчатке. А потом я словно забыла о нем, перестала обращать внимание на звук, увлеченная своими переживаниями.

И охотник исчез. Что ж, хочется надеяться, что по своей воле, даже если навсегда.

Ближе к вечеру, когда закатное солнце окрасило деревянные стены в зловещий красный цвет, к нам заглянула одна из служанок. Теперь я точно была уверена, что она не человек – слишком тихая, покорная, не испытывающая ни страха, ни робости девушка терпеливо ждала, пока мы доедим и соберемся. Я спешно запихивала в рот очередной пирожок, на этот раз с мясом, но сытости не чувствовала – наоборот, в животе только громче урчало. Тем более рядом был волк – запах псины от его шкур, от которого раньше свербело в носу, теперь казался ужасно аппетитным. Слава богу, сам волк аппетитным не выглядел.

Служанка проводила нас в покои Василисы, светлые и просторные. Под потолком тускло светились магические шары: крошечные огоньки танцевали за толстым матовым стеклом. На спокойный приглушенный свет мои глаза реагировали не так болезненно, как на солнечный, но щуриться все равно приходилось.

Василиса все еще вышивала, сидя у окна. На ткани расцветали алые маки, огромные, похожие на расплывшиеся пятна крови, и от вышивки веяло такой силой, что даже у меня начало покалывать кожу, волк же болезненно морщился и старался держаться позади.

Сделав последний стежок, царица отложила рукоделие и внимательно всмотрелась в меня.

– Вовремя. Некоторые изменения в твоем теле уже необратимы, – спокойно заметила она, словно говорила о чем-то незначительном, вроде перемены погоды. Я едва сдержалась, чтобы не зашипеть. В конце концов, она вовсе не обязана нам помогать.

– Ложись, – велела Василиса, указав на широкую лавку. – Чтобы спасти тебя, мне придется сначала убить – только так можно остановить действие яда в твоей крови. Но мне нужна плата.

Волк дернулся на этих словах, едва слышно зарычал. Я чувствовала его желание вцепиться в горло царицы, как свое, и, прежде чем покорно лечь, чуть крепче сжала его пальцы. Нам все равно больше никому верить и не на кого надеяться.

Василиса встретила горящий взгляд волка и на удивление спокойно и серьезно ответила на kloкотавшие в его глотке вопросы:

– Клянусь своей силой, я собираюсь помочь, а не навредить.

Волка это не успокоило, но он шагнул назад, к дверям, чтобы не мешать.

– Какая плата? – Лежать на лавке было жестко и неудобно. Я подозревала, что одним глотком живой воды дело не обойдется, но и такого кошмара не ожидала. Царица так обыденно говорила о моем убийстве, словно речь шла о стрижке ногтей, но ее умиротворенность не успокаивала, отнюдь. Я смотрела на ее молодое безразличное лицо, похожее сейчас на лицо маньяка, и едва сдерживала дрожь. Хотелось вскочить с лавки и с воплями унести прочь – желательно не только из терема, но и из золотого царства.

– Расскажи, – медленно сказала Василиса, поигрывая деревянным стилетом в руке, – что вы сделали с моей средней сестрой? Признаться, я была удивлена, когда она прекратила чинить козни.

– Она убивала нечисть и выпивала их кровь. Она забирала их силу, светилась серебряным светом, и этот свет ее и убил. Она хотела подчинить моего спутника, посчитала его, принявшего волчье обличье, за волшебного зверя. Меня же, – тут я фыркнула от смеха, – посчитала волшебницей сильнее тебя. Предлагала уничтожить твое царство...

– Даже так? – на лице Василисы мелькнула заинтересованность. – Зареслава всегда была глупа, самолюбива и неразборчива в средствах. Даже жаль, что она не смогла остановиться вовремя. Я сама хотела убить ее.

Я поежилась, радуясь, что не проговорила о вкладе волка в смерть серебряной княгини. Что-то мне подсказывает, что не стоит царице знать, что мой друг – шаман-недоучка.

– Ты принесла хорошую весть, Соколица, – ласково улыбнулась Василиса, и от ее улыбки меня мороз продрал по коже.

Она шагнула ко мне и одним ударом вогнала стилет прямо в сердце.

Боли не было. Скорее – недоумение. Я ожидала тьмы и мучений, но вместо этого из-за спины царицы смотрела на свое тело. Смерть заострила и без того худые черты моего лица, вокруг глаз залегли глубокие тени, губы посерели, став почти одного цвета с кожей. Светло-русые волосы поблекли, сухой и ломкой паклей рассыпались вокруг лица. Зрачки сузились в точку, открывая зеленоватую радужку, уже начавшую мутнеть.

Василиса осторожно закрыла моему телу глаза, отстранив волка к двери.

– Следи, чтобы мне не помешали, – велела она, даже не взглянув в его сторону. Волк заворчал, но покорно привалился к двери спиной, не сводя мрачного взгляда с царицы. Ей он тоже не доверял, как и любой твари Навьего царства, и постоянно ожидал подвоха.

Самым неприятным в моем положении было то, что я не могла пошевелиться. Я оказалась заключена в одной точке пространства, и даже голову повернуть, чтобы посмотреть в другую сторону, не могла! Только наблюдать за Василисой, и то со спины.

Но и тут она меня разочаровала. Никаких сложных манипуляций и ритуалов не было. Царица взяла со стола два крошечных пузырька, воду из одного вылила в рану, из второго – в рот.

– Выживет она или нет, мы узнаем через три ночи, в полнолуние, когда яд нежити должен набрать максимальную силу. И либо ее кровь, смешанная с живой и мертвой водой, пересилит его, либо Соколица все-таки станет лесной нежитью.

– Ты же обещала помочь! – выкрикнул волк, метнувшись к царице и схватив ее за плечи.

– Я помогла, – она мягко отстранила его от себя одним легким прикосновением, но руки волка безвольно упали вдоль тела, и сам он кулем осел на пол. – Все, что можно было сделать, я сделала. Остается ждать. А теперь уходи отсюда. Больше ты ей не нужен.

Волк зарычал, но так и не пошевелился. Когда царица вышла из комнаты и ее чары спали, волк сел на пол рядом со мной, начал вполголоса напевать мелодию на незнакомом языке, проигнорировав приказ Василисы.

Было невыносимо скучно. За окном стемнело, вошла рогатая луна, белесая, цветом похожая на бельмо. Магические шары погасли, в полумраке сверкали только глаза волка. Он боролся со сном, постоянно проверял мое дыхание, надеясь, что я очнусь раньше. Я тоскливо наблюдала за ним, чувствуя себя зрителем безумно унылого фильма – ни сделать что-то, ни точку обзора сменить. Сиди и смотри, что тебе показывают.

Волк все-таки задремал, и мне оставалось только наблюдать за моим телом. Кожа светлела, став молочно-белой, волосы перестали

выглядеть скомканной паклей. Теперь я выглядела как спящая глубоким сном девушка... если бы не распахнула светящиеся глаза.

Я попыталась крикнуть, разбудить волка, но ничего не вышло. Он продолжал дремать, уперев лоб в сгиб локтя, и не замечал, как мое тело неуклюже садится, потерянно озираясь. Глаза у твари светились бледным зеленоватым светом, как гнилушки на болотах, лицо оставалось спокойным и неподвижным, но главное – моим, не спеша превращаться в безносую зубастую морду.

Волка она пока игнорировала, хромала, ходила по комнате, слепо водя перед собой руками. Задев что-то из мебели или смахнув и разбив пузырек, тварь замирала, чутко прислушиваясь. Она еще не освоилась с моим телом, пару раз споткнулась о собственные ноги, запутавшись в длинном сарафане.

Вряд ли царица предвидела такой исход – иначе не оставила бы мое тело в окружении хрупких и явно нужных ей вещей. Когда тварь столкнула локтем магический светильник, и матовое стекло, казавшееся монолитно прочным, с хрустальным звоном разлетелось в крошево осколков, тревожно вскинулся волк. Спросонья он никак не мог понять, что происходит.

– Соколица? Ты в порядке?

Стоило ему заговорить, как тварь пронзительно завизжала (я и не знала, что у меня настолько мощный голос!) и, выставив вперед скрюченные пальцы, рванулась к шее волка. Каким-то чудом ему удалось увернуться.

– Сестрица, это же я! Что с тобой?!

Он никак не мог понять, что в моем теле уже угнездилась нежить. Вместо того чтобы бить на поражение, он уворачивался и взывал к разуму, не пытаясь хотя бы убежать. Тварь же становилась сильнее, привыкая к телу. Она перестала путаться в конечностях, одним резким движением разодрала подол сарафана, чтобы облегчить себе движение.

Я все же была привязана к телу. Пока двигалось оно, двигалась и моя точка обзора, словно я, как фея в бутылке, была подвешена точно перед левым плечом твари. И когда она повалила волка, прижав его к полу, каким-то чудом мне удалось сдержать ее, обездвигить.

– Соколица! Прекрати это! – прохрипел волк, с надеждой вглядываясь в светящиеся глаза твари. Та только щелкала зубами, словно между ними вдруг выросла стеклянная стена, в которую тварь

уперлась лбом. Волк, наконец, сообразил, что в моем теле хозяйничает постороннее существо, и, поднадужившись, выкрикнул несколько слов на гортанном наречии.

Наконец-то я смогла двигаться самостоятельно, что-то делать, а не только наблюдать! Я ветром бросилась в лицо твари, сшибла ее с волка, швырнула к столу. Конечно, мне было безумно жаль свое тело, но его спасти уже было нельзя, а волка – можно! И когда тварь поднялась, перевернув стол и с грохотом обрушив все бутылки, ларцы и горшки, стоявшие на нем, я повисла на ней, удерживая на месте. Я ощущала даже не собственное тело, нет, а такого же нематериального, как и я, духа. И пока я держала его, он не мог управлять моим телом.

Даже обездвиженная, тварь шипела, не чувствуя ни боли, ни страха. Не знаю, хватило бы у меня сил удерживать ее и дальше – все-таки сражение с ней выматывало так, словно я ощущала всю усталость и боль моего тела, – но тут хлопнула дверь, и в комнату словно жар-птицу внесли.

На этот раз свет меня не слепил. У меня не было глаз, для которых настолько яркое полыхание пламени было бы губительным, и я могла сквозь яростный сияющий ореол разглядеть высокий статный силуэт царицы. А вот тварь взвыла и притихла, закрывая лицо руками, даже все еще распластанный на полу волк прикрыл глаза.

Василиса оглядела разгромленные покои и удрученно вздохнула:

– Что ж, могло быть и хуже.

Волк тяжело поднялся с пола, растер шею и уставился на нее тяжелым звериным взглядом.

– Ты знала? Знала и не предупредила? И ничего не сделала?

Она только устало вздохнула.

– Нет. Такое предсказать невозможно. Лес полон духов, голодных до живого тепла. И пустое тело для них – и одежда, и угощение. Мое царство надежно защищено от них, ни один не проникнет сквозь границу... Но вы не пересекали ее, пришли водяными путями, и мое чародейство не смогло уничтожить того, кто следовал за вами след в след. – Василиса поморщилась и взмахом руки усыпила визжащую тварь. Тело обмякло, черты лица разгладились, перестав напоминать маску демона. – Теперь придется изгонять дух из ее тела до полнолуния, иначе душа Соколицы не сможет вернуться и погибнет.

Царица обращалась к волку, но смотрела на меня – не на тело, нет, на мой дух. И я чувствовала ее сияющий взгляд, способный согреть, словно солнце. Или испепелить.

– Но изгонять его придется тебе. Я могу только убить духа – но вместе с телом.

– Но я не могу, – хрипло выдохнул волк, сжимая кулаки.

– Не можешь? Я вижу ясно: ты способен говорить с духами, ты... как это называет твой народ... шаман. Духи слушают тебя и танцуют под твой бубен.

– Я не шаман! – вызверился волк, сжимаясь, словно в ожидании удара. – И бубна у меня нет!

– Разве? – усмехнулась Василиса, прикладывая ладонь к груди волка. – Ты можешь думать что угодно, но я вижу, что древнее таинство уже прорастает в тебе и скоро вырвется на волю.

– Я. Не. Шаман, – волк упрямо мотнул головой, отшатываясь от царицы.

– Значит, придется стать, если хочешь спасти Соколицу. Духи – не по моей части, – отрезала она, выходя из разгромленных покоев. Крикнула уже слугам: – Мамки-няньки, приберитесь здесь! Да, и отнесите тело в гостевые покои!

Бледные безмолвные служанки поспешили исполнить волю золотой царицы, засуетились, сгребая осколки в кучу. Волк беспомощно смотрел, как худая девочка-тростиночка с волосами, прикрытыми длинным платком, взваливает мое тело на плечи и уносит в темноту коридора.

Царица ушла, потухло ее золотое пламя, ослепляющее, но не обжигающее. После него темнота навалилась плотным покрывалом, очертания вещей смазались, только лунные блики скользили по пузатым бокам уцелевших бутылей. Волк бессильно вздохнул и еле поплелся за служанкой, унесшей мое тело. Он шел тяжело, постоянно покашливая и опираясь о стену: ему бой с тварью дался не так легко, как показалось мне со стороны. Я парила рядом с ним, желая сбегать и поддержать, поделиться силами. От моего сочувствия даже воздух потрескивал.

Наша горница была обставлена гораздо беднее царских покоев, но и духу громить тут нечего. На одной из кроватей лежало мое тело, бережно связанное по рукам и ногам.

– Прости, – тихо прошептал волк, устраиваясь в изножье кровати. – Я не смогу помочь. Не смогу. Я не шаман, я не справлюсь.

– Справишься, – шепнула я, даже не надеясь, что он услышит, но волк дернулся, завертел головой по сторонам, словно пытаюсь определить, откуда исходил звук.

– Сестрица? – с надеждой шепнул он, сжимая трясущиеся кулаки. – Ты здесь, сестрица?

– Да, – на этот раз я старалась говорить громче, и волк просиял, повернувшись ко мне.

– Я даже вижу тебя... но как?

Выражать эмоции, толком не имея ни голоса, ни мимики, сложно, но я справилась.

– Не знаю, но это не важно, – я постаралась донести до волка свою веру в него. – Ты уже призывал духов, вспомни! Когда птицы растерзали серебряную княгиню, разве не на твой зов пришли духи?

– Разве не на мой зов, – медленно и горько выдохнул волк, едва сдерживая слезы, – духи не пришли на болото?

– Хуже уже не будет.

– Я все равно не справлюсь. Лучше искать другой путь. Утром я уговорю царицу.

Я обернулась к своему телу. Сейчас, когда злобный дух внутри усыплен, мое тело выглядело... милым. Милым и беззащитным, безвольно раскинувшимся на кровати. Сквозь прореху в рубаше просвечивала белая кожа – мертвая вода заживила рану, оставленную деревянным стилетом.

– Может, все же попробуешь?

Волк только упрямо головой покачал, отводя взгляд:

– Я не справлюсь.

Я ощутила его страх, как свой собственный. Страх подвести и страх оказаться самым обычным человеком, утратившим благоволение духов. Страх потерять друга из-за своей нерешительности. Страх потерять себя, помогая другу.

– Это только твой выбор.

Мне было сложно это сказать – я как наяву видела смертный приговор, который себе подписываю. Но давить на волка было бесполезно: если он и рискнет обратиться к своему дару, то должен будет это сделать по собственной воле.

Утром я следовала за ним, желая наблюдать за объяснением с Василисой. Чем черт не шутит, может, я и сама с ней поговорить смогу? Но царицу мы так и не нашли. Служанки только вежливо кивали, заученно твердили, что царица занята, и спешили испариться в лабиринте коридоров. Последней каплей стала девушка в саду, завернувшая за высокий куст и сквозь землю провалившаяся. Мы сразу же рванули за ней, причем я – напрямик сквозь густые колючки, но разочарованно остановились. В тупике у частокола только березка тоненькими веточками покачивала.

Несолоно хлебавши вернулись в наши покои. За время нашего отсутствия служанки уже успели омыть мое тело и накормить его густой жижей. Тварь сопротивлялась – капли супа блестели даже на стенах. С затаенной тревогой я смотрела на нее, так небрежно обращающуюся с моим телом, безжалостно выкручивающую запястья из веревок. Даже если волк сможет меня вернуть – а будет ли после твари куда возвращаться?

Но странные служанки оказались сильны и бережны, не позволяли твари вредить ни им, ни моему телу. Их нечеловечески сильные пальцы не оставляли синяков, но удерживали тварь на месте, и она могла только сверкать зеленоватым из-под полуприкрытых век да изредка шипеть.

Она ждала ночи.

Как только в окно заглянула округлившаяся луна, тварь легко разорвала путы и по-паучьи вскочила на кровати. На этот раз мои удары не причиняли ей вреда, словно она стала сильнее, и теперь я для нее – назойливый комар. Она и отмахнулась от меня, как от комара.

Оставалось только злиться на собственное бессилие и молиться всем богам, чтобы тварь не добралась до волка. Молиться... а это идея!

– Отче наш, – тихо зашептала я, стараясь припомнить слова молитвы, – иже еси на небеси...

Тварь резко развернулась, уставилась на меня широко распахнутыми глазами, словно поверить не могла в мою наглость. Венец, чутко реагируя на нарушения запрета Яги, начал светиться, причиняя боль моему телу – и духу, засевшему в нем.

– Да святится имя Твое, да придет царство Твое, – уже уверенней и громче продолжила я, не отводя от твари торжествующего взгляда.

Меня не волновало, что я путаю слова и перескакиваю через строки – в конце концов, разве молитва не должна исходить от сердца?

И что ты сделаешь, тварь? У меня нет тела, меня нельзя заткнуть или убить, я так и буду читать молитву, пока ты не взвоешь и не обессилишь от бешенства, пока не опустишься безвольным телом на пол с первыми лучами солнца.

– Хлеб наш насущный дай нам, прости долги наши, как и мы прощаем...

Тварь завизжала от боли, попробовав заглушить и перекричать меня. От резкого, расходящегося кругами вопля на пол свалился волк, зажимая уши и со стоном проклиная чуткий звериный слух. Я рассмеялась и продолжила, сама повышая голос:

– Как и мы прощаем должников наших! Не введи во искушение, но избавь от лукавого! И ныне, и присно, и во веки веков, аминь!

Последнее слово я выкрикнула уже в лицо твари – в свое лицо, искаженное такой темной и всепоглощающей злобой, что страшно становилось. Больше я ничего сказать не успела. Тварь закончила вопить и ударила меня. Скрюченные пальцы – мои пальцы – легко прошли насквозь, не задев, не ощутив сопротивления, а следом от когтей духа пришла боль. Боль огненной агонией прокатилась по сознанию. Какое говорить, я думать не могла! Мне казалось, что меня разорвали на несколько частей, и как только утихнет боль, они сами исчезнут, растают туманом.

После первого удара последовал еще один. И еще. И еще. Огонь пожирал меня, не успокаиваясь. В сознании огромными черными буквами горела только одна мысль: лишь бы это закончилось, как угодно, но пусть это закончится.

И оно закончилось. Следующий удар твари не достиг цели. Когда разум прояснился, а пелена боли перестала застилать зрение, я увидела впавшего в ярость волка. Он стоял, протянув к твари одну руку, тихо рычал слова на незнакомом языке, и мое тело, вернее, дух, захвативший его, подчинился. Тварь сжималась, куталась в обрывки сарафана, пыталась заслониться от шамана руками. Совсем как вчера от царицы. Наконец, всхлипнув, тело с глухим стуком упало на пол, словно дух спешно покинул его.

Волк опустил руку и попытался отдышаться. В груди у него хрипело и клекотало, глаза налились кровью, губы тряслись, словно

перед истерикой. Волк слепо нащупал за спиной лавку и тяжело опустил на нее, переводя дыхание.

– Кажется, получилось, – с трудом выдохнул он, все еще не в силах восстановить дыхание. – Теперь я знаю этого духа. Завтра ночью я изгоню его, – он поднял на меня больные глаза, слабо улыбнулся. – Прости, я должен был раньше... Но теперь я знаю, что смогу, что точно тебя спасу.

Я с трудом приблизилась к нему. У меня не было тела, не было рук, но я коснулась волос волка, мыслью, эмоцией – неважно.

– Мы справимся.

– Да, – кивнул он, не открывая глаз. – Скажи, чтобы не будили, чтобы я не успел передумать. Я буду спать до заката.

Теперь уже моя очередь была сидеть в изножье кровати и без слов напевать колыбельную. Тело не шевелилось, словно дух уже навсегда покинул его, но я чувствовала, что он жаждет реванша всем своим яростным существом.

Служанки, сунувшиеся днем с тарелками супа, ощутили мое присутствие. Стоило мне беззвучно зашипеть в их сторону, как они догадливо шагнули назад, за порог, унося никому не нужную еду.

Весь день я настороженно прислушивалась к дыханию волка. Как бы он сам, с непривычки, не стал жертвой для другой твари. Но спал он глубоко и спокойно.

На закате он открыл глаза, как по будильнику.

– Мне понравились твои колыбельные, – улыбнулся шаман, садясь на кровати. Я с легким недоумением всмотрелась в его лицо: мне упорно казалось, что оно изменилось, стало неуловимо другим, хотя черты и остались те же. Только немного отстранившись, я поняла: он повзрослел. За один день угрюмый мальчишка превратился в серьезного молодого мужчину. Мелкие морщинки залегли в уголках глаз и между бровей, нос стал острее, а губы тоньше. Но главное отличие было в выражении глаз. Так не смотрят дети, уверенные в своей избранности, нетаковости и гордящиеся ею. Так смотрят взрослые, осознающие свой долг и достойно несущие его.

Волк встал, нервно почесывая костяшки пальцев, сосредоточенно осмотрелся. Солнце только-только скрылось за высоким частоколом, его последние лучи еще высвечивали брюхо далекой грозовой тучи. Но

над теремом еще было ясно, на бархатном небе посверкивали далекие звезды, а луна только-только поднималась над лесом.

Дух снова вернулся в мое тело, но пока едва шевелился, заново привыкая к нему. Волк без усилий подхватил его на руки, не обратив внимания на слабые попытки сопротивления.

– Этот дух связан луною и черпает из нее силы, – пояснил он мне. – Сегодня пик его силы, но и изгнать его можно только сегодня.

Мы вышли в сад. Ночью он производил угнетающее впечатление, словно его вечное лето длилось только в светлое время суток. Сейчас деревья стояли голые, только на дубах еще оставались сухие сморщенные листья. Из-под ног раскатывались мелкие полусгнившие яблоки. Ночью здесь царила осень, как и во всем лесу, словно солнечная магия царицы покорно отступала. Интересно, огромные цветы и спелые яблоки были иллюзией?

Шаман остановился у небольшого озера, идеально круглого, с темной неподвижной водой. Осторожно опустив мое тело на землю, он шагнул в воду, зашел по пояс, и когда исчезли расходящиеся круги, прямо перед ним серебряным блюдом замерло отражение полной луны. Тварь вяло шевелилась, словно опутанная цепями, пыталась уползти от воды. Я следила за ней, как и раньше, со стороны, но уже чувствовала и холодную землю под руками, и колючие травинки, впивающиеся в кожу, и ткань сарафана, спутавшую ноги. Жаль, поделаться все равно ничего не могла – дух все еще был слишком силен.

Волк заговорил. Мне все казалось, что вот-вот я пойму его язык, узнаю слова и разберу их, но чем сильнее я вслушивалась, тем больше они сливались в неразборчивый гул, в котором угадывались и шум волн, разбивающихся об изрезанный фьордами берег, и шепот столетних сосен, и вой зверя. Я не могла понять, просит шаман или приказывает. И кому, если тварь лежит за его спиной, бессильно царапая землю?

Луна на глади озера вздрогнула, поднялась огромным пузырем и лопнула, оставив в воздухе сияющую сферу, похожую на шаровую молнию. Шаман требовательно протянул к нему ладонь, и свет покорно опустился ему в руку.

И тут мое тело выгнулось дугой в беззвучном вопле – откуда только силы взялись! Дальнейшее напоминало экзорцизм, как его принято представлять в христианстве. Дух не желал оставлять уже

полюбившееся ему тело, цеплялся за землю, сдирая ногти до крови, был и выгибался так, что мне жалко себя становилось – как же у меня потом все тело болеть и ломить будет!

Шаман вышел из воды, поднял над телом светящийся шар, чтобы его мягкое сияние коснулось мучительно искаженного лица.

– Ну и чего ты упрямишься? – устало вздохнул волк, с жалостью глядя на мое тело. – Все равно ведь выгоню, убирайся лучше сам, пока по-хорошему просят.

Яростное рычание было ему ответом.

Чем ярче разгорался свет в руке шамана, тем отчетливее я ощущала свое тело. В глазах начало двоиться и темнеть – это я видела мир с двух точек: с земли, своими глазами, деля тело с яростным духом, и со стороны, откуда я привыкла наблюдать за миром в последние три дня.

Это была и моя битва. Глупо надеяться, что шаман попляшет с лунным шаром вместо бубна вокруг моего извивающегося тела, и все сразу станет хорошо: дух изойдет прочь, раны заживут, а я тотчас встану целая, невредимая и полная сил. Нет, я должна была сама сражаться за свое тело, за свою жизнь, не надеясь ни на кого другого.

Я сражалась, вытесняла захватчика, как вода вытесняет воздух. Да, в полнолуние дух обрел свою максимальную силу – и стал осязаем для меня, чтобы мои смешные удары смогли достичь его, растерзать, а не пройти насквозь.

– Уходи, – выло тело на два голоса, – убирайся!

Вот только я слабела, а у духа силы не убывали. Я панически пыталась найти другие варианты, действовать не грубым напором, а хитростью, но ничего не выходило. Я почти плакала от бессилия, пыталась вспомнить хоть что-то, что могло бы помочь, спасти... Но в голове засело одно воспоминание: как я несколько дней стараюсь пробегать мимо университетской столовой, откуда вкусно пахнет едой, потому что зарплату задержали, и важнее заплатить репетиторам Марьи, чем пообедать.

Погруженная в старые переживания, я едва не пропустила следующую атаку духа. «Это мое тело! – хотелось крикнуть, срывая голос, но я даже утратила ощущения тела, перестала чувствовать боль. – Как бы я с ним ни обращалась, оно – мое!» Память подкинула воспоминание о птице на запястье, моем маленьком бунте против себя самой.

Я вцепилась в это воспоминание, в образ птицы, раскинувшей крылья на коже, в образ свободы. Сразу стало легче, словно дух испугался этого воспоминания. Он поспешил отвлечь меня – болью и кровью, вцепившись зубами в ладонь. Но я уже поняла, в чем слабость духа.

Я сражалась не только за тело. Я сражалась за саму себя.

Я вспоминала свои привычки и интересы, свои книги и увлечения. Вспоминала все, что было в моей жизни до смерти отца. Вспоминала все, что делало меня – мной. И чем ярче становились воспоминания, тем быстрее слабел дух, все больше терял контроль над моим телом.

И все это время перед глазами стоял огненный образ птицы, распахнувшей крылья.

Я так и не поняла, когда все закончилось. Просто исчезло дикое напряжение, исчезли все мысли до единой. Я лежала на холодной земле и наслаждалась собственными ощущениями, чувствуя, как текут слезы и кровоточат пальцы. О, еще никогда я так не радовалась боли!

– Ты в порядке?

– Да! – мой голос хрипел хуже, чем у волка, но как же я была рада его услышать!

Шаман осторожно помог мне подняться и промыть ранки на пальцах водой из озера. Он выглядел усталым, но довольным, словно до сих пор не мог поверить, что у нас получилось изгнать духа.

– Мои поздравления, – раздался за спиной спокойный ироничный голос.

Появление золотой царицы нас не удивило, даже наоборот – мы его подсознательно ждали. На этот раз вокруг нее не было пламенного ореола, и выглядела бы она как обычная смертная женщина, если бы не истинно царская осанка и не отблески золотого сияния в глазах.

– Даже не удивлюсь, если окажется, что это ты вселила в меня духа, – я обернулась к ней и криво ухмыльнулась. Василиса только сверкнула безмятежной улыбкой.

– Сделай это я, то озаботилась бы, чтобы мои покои не пострадали.

Она приблизилась к нам, не оставляя следов на земле, не тревожа шуршащие листья. Бесцеремонно вцепилась мне в подбородок, повернула мое лицо из стороны в сторону, с интересом меня разглядывая.

– Как я и говорила, некоторые изменения остались, – довольно хмыкнула она и отступила на шаг, словно любуясь своей работой.

– И какие же? – осторожно поинтересовалась я, облизывая губы. Если ранки затягиваться будут быстро – это не страшно, но вот если меня и дальше будет тянуть на человечину, то проще было бы уступить тело духу и не мучиться!

Василиса равнодушно пожала плечами, словно я стала вмиг для нее неинтересной:

– Изменились твои глаза – глаза всегда меняются первыми. Ты не сможешь выносить яркий свет. Точнее не скажу, ведь ты вряд ли дашь мне возможность слой за слоем снять с тебя кожу и мясо до самых костей, чтобы взглянуть, как изменилась суть.

Я поежилась от такого предложения.

– Нет уж, сама на практике выясню.

– Как хочешь, – Василиса отвернулась. Даже в простой рубахе до пят она выглядела настолько величественно, что перед ней хотелось склониться. – Полагаю, теперь вы покинете мое царство и...

– Нам все еще нужна твоя помощь, – я решительно перебила царицу, пока она нас не выкинула куда-нибудь за тридевять земель. – Мне нужно найти Финиста!

– Вот как?

Было в ее голосе что-то такое, что заставило меня поежиться, словно где-то слишком далеко для слуха ударил гром, но я все равно ощутила его по напряжению, повисшему в воздухе.

– Он украл мою сестру. Я должна ее найти.

– Вот как?

Гроза стала ближе. Уже темные, набухшие градом тучи стянулись над головой, словно готовясь прицельно поразить меня молнией, стоит только мне сказать еще хотя бы одно слово. Но я уже слишком далеко зашла, чтобы отступить.

– Именно так.

Василиса медленно обернулась, с наигранной задумчивостью постукивая пальцем по подбородку. Гроза действительно разразилась – где-то над лесом сверкнула молния, до нас долетел слабый запах озона.

– Хорошо, – милостиво кивнула золотая царица. От ее волос снова начало растекаться сияние, и казалось, что раньше урочного часа наступило утро. Земля, там, где ее касался золотой свет, оживала,

покрывалась травой и цветами, а сгнившие яблоки становились красными и спелыми, похожими на елочные шары. – Хорошо, я дам ответ на один твой вопрос. Но, – тут она улыбнулась так коварно, что стало ясно, что я сама скорее пожалею о том, что попросила царицу о помощи, чем эту самую помощь получу. – Сначала ты мне сослужишь службу...

18. Куда глаза глядят

После сусального и глянцевого золотого царства лес казался особенно мрачным и зловещим. Приближалось время Мары – время холода и снега. Слишком тоскливо скрипели голые деревья, редкие птицы, черные и облезлые, молча провожали нас стеклянными бусинками глаз. Волк недовольно порывивал сквозь зубы, но терпел, не переводил зазря стрелы.

После черных вод его лук пришел в негодность, но Василиса распорядилась выдать ему лучший из ее арсенала. Я от оружия отказалась – пользоваться я им не умею, так зачем зря лишний вес таскать? Сарафан я сменила на плотные темные штаны и подпоясанную рубаху с шерстяным жилетом. Служанки, даром что деревья оживленные, неодобрительно косились, мол, не подобает девице добрым молодцем рядиться.

Вместо оружия Василиса вручила мне оберег – осиновый посох с человеческим черепом. В глазницах тлел золотистый огонек, почти незаметный днем, но ярко освещающий дорогу ночью.

– Что поделать, – говорила царица, вручая мне посох, – обереги выходят только из детских черепов. Приходится заманивать девочек из чужих поселений... Не кривись, ради тебя никого убивать не стали. Черепа обережные – редкость, этому уже не одна сотня лет.

Засыпать, правда, под свет из глазниц и под щелканье челюстей было тяжеловато, но мы привыкли. Тем более знали: пока сквозь веки пробивается золотистое свечение солнечной магии Василисы – мы в безопасности.

– Круги ваши, – кривилась царица, – блажь и чушь для собственного успокоения, и не более. Любая хищная тварь пройдет насквозь и не заметит. Хотели бы под охраной спать, так шаман мог духов об этом попросить! Но шаман твой...

Шаман из волка пока действительно был слабый – друг только-только смирился со своим призванием, ушел в себя, пытаясь понять свои чувства, разобраться в желаниях. Он понимал, что если хочет вернуться в мир живых, то должен завершить свою инициацию, да вот беда – рядом с ним не было старшего шамана, который помог бы и

подсказал. Оставалось учиться у духов, но духи в Нави коварны, скорее съедят, чем обучат.

– А что становится с теми, кто умер в Навьем царстве? – спросила я Василису. Мне было немного интересно, что со мной стало бы, если бы я не победила духа.

– Умирают, – пожала плечами царица, явно не поняв моего вопроса. – Что еще с ними может случиться?

– Ну, мы же и так в царстве мертвых? Должны же души убитых куда-то уходить?

– В подземное царство, – царица поджала губы и отвернулась, закрывая тему. Похоже, ей не понравилось мое напоминание о том, что все они здесь мертвы.

Лес становился все гуще, колючий подлесок выглядел совсем уныло. Изредка на глаза попадались темные и червивые шапочки грибов. Хорошо хоть ни в еде, ни в воде мы не знали нужды. У каждого за поясом висела объемная фляга, у меня даже сохранились водоросли – подарок подводной хозяйки. Волк же, хоть и не ел ничего, тащил основной запас нашего провианта – тонкие лепешки и вяленое мясо.

Я пыталась расспросить его о черных водах, о том, что с ним произошло, когда веревка оборвалась, но он только головой качал. Говорил, что потерял сознание и очнулся уже в золотом городе. Интересно, только я оставалась в сознании и пыталась найти путь? И что бы с нами было, если б великая Змея не пожелала нам помочь?

Я даже расспросила Василису о Змее, думая, что столкнулась с древней водяной нечистью, но царица побледнела и, замявшись, рассказала мне легенду о сотворении мира – ту, в которую верила сама. О темных водах океана, не знавших берега, о Змее, сторожившем в толще вод золотое яйцо, и о герое, первом боге, сразившем Змея. Бог расколол яйцо на три части, и вышли из него три царства – небесное, земное и подземное. Только вот Змей, побежденный, но не убитый, остался в темных водах дожидаться своего часа, чтобы уничтожить царства, объединить три осколка в целое, чтобы не было в мире ничего, кроме бескрайней неподвижной воды и золотого яйца в ней.

Не знаю, верить этому или нет, ведь легенд о создании мира лишь немногим меньше, чем пророчеств о его конце, а Змея, для древней, предначальной хтони, оказалась довольно мила.

На первую ночевку мы остановились у обрыва, на высоком холме. Сюда нас завела тупиковая дорожка, и, хотя череп и освещал все вокруг не хуже солнца, новый путь мы решили поискать с утра на свежую голову.

Я свернулась клубочком, закутавшись в плащ. Свет оберега больно бил по глазам, да еще и не согревал, а осенние ночи уже были морозными – мелкие черные лужи поутру затягивало тонким ледком. Шаман сидел напротив, яростно расчесывая костяшки пальцев. Кожа на них вздувалась пузырями и слезала лохмотьями, как после ожога на солнце. Волк шипел, тряс руками, прикладывая к воспаленной коже холодные камни, но боль не унималась. Я сочувственно следила, даже не предлагая помощь – все равно ничего не могла поделать. Даже сорванные ногти быстро зажили – в наследство от яда нежити мне осталась непереносимость света и хорошая регенерация.

– Может, это аллергия на магию золотого царства? – неуверенно предположила я.

Волк процедил сквозь зубы, остервенело сдирая кожу:

– Тогда бы я чесался весь, а не частями...

Его кашель так и не прекратился, терзал его все сильнее и сильнее с каждым днем. Волк хватался за грудь, пытаясь расчесать, разодрать ее, вырвать то, что его мучило. Я вспоминала слова царицы о древнем таинстве и ежилась, как от холода. Я еще могла обманывать себя, но волк понимал, что это разбуженный шаманский дар ворочается в нем.

Я прищурилась, глядя на небо. Свет черепа слепил меня, и я не могла разглядеть звезды, далекие и мелкие, но выходить из освещенного круга ради такого сомнительного удовольствия не собиралась. Я вспоминала свою первую ночь в пути, когда впервые увидела странные и далекие звезды Навьего царства. Я не могла сосчитать, сколько же времени уже ищу сестру, сколько же времени ждет меня Марья. И ждет ли? Может, она уже мертва, а я гонюсь за химерой? Или она уже сама стала навьей тварью?

Я заставила себя откинуть пессимистичные мысли. Ответы на свои вопросы я найду, когда исполню задачу царицы: принесу ей перо жар-птицы. Правда, было у меня подозрение, что Василиса захотела таким хитрым образом от нас избавиться – потому что даже сама не сказала, где жар-птицу искать. Неизвестно, мол.

Печалило одно – даже спросить не у кого. Василиса считается самой сильной и мудрой чародейкой в Навьем царстве, ровней самой Яге. Не было ни мага в высокой башне, ни старухи в древней землянке, которые указали бы путь, дали сети и приманку, предостерегли и помогли.

– Может, духов расспросить? – осторожно предложила я, ожидая очередной вспышки злости волка. – Ну, как жар-птицу поймать?

– Можно, – задумчиво кивнул друг, даже не думая злиться и отрицать свой дар. Похоже, он смирился с ним, пытался научиться с ним жить. – Но это может быть опасно. Кто знает, какую плату затребуют себе духи за помощь?

Я только вздохнула. Волк вспоминал истории шаманов, байки, которыми длинными зимними ночами пугали ребятню, и пересказывал их мне, пытаясь вычленив из вороха придумок зерно истины. И после его рассказов мне очень не хотелось связываться с духами. Казалось, с нежитью – и то безопаснее.

– Давай спать, – наконец не выдержала я. – Утром посмотрим. Вдруг, – тут я усмехнулась, позволив себе раз мечтаться, – ночью жар-птица сама прилетит к нам?

Волк усмехнулся устало, наконец, оставив в покое руки. Кожа висела лоскутами, под ней что-то влажно блестело, и я решила не присматриваться.

– Спи. Я покараулю на этот случай.

Я с головой завернулась в плащ, но все равно мерзла. Мне выпадало предрассветное дежурство, когда огонь в глазницах черепа еле тлеет, только защищая, но не освещая. В эти сумрачные туманные часы я могла смотреть нормально, не боясь ослепнуть. Я даже видела в полумраке дальше и четче, чем раньше. Вряд ли бы нам это пригодилось, но подарку Василисы мы все равно не доверяли.

Я резко проснулась за два часа до рассвета, рывком села на месте, словно от кошмара. Крик, разбудивший меня, повторился.

– Лучше бы это был кошмар, – сквозь зубы процедила я, наблюдая, как огромный силуэт скользит над деревьями.

– Кошмар подстрелить нельзя, – ухмыльнулся шаман, целясь в небо. Когда птица сделала очередной круг над нашей поляной, он спустил тетиву. С тихим звоном стрела устремилась вверх, впилась в

бок сокола, не ожидавшего нападения. Коротко и яростно крикнув, он исчез за деревьями, уносясь прочь.

– Следит, сволочь, – прошипела я, едва удерживаясь от плевка под ноги. Волк, уже успевший кинуть на тетиву новую стрелу и прицелиться, только коротко кивнул. Но сокол не возвращался.

– Интересно, ты его убил?

– Вряд ли. Финиста так просто не убьешь... Тем более стрела его только задела, – волк снял тетиву, спрятал лук за спину и со вздохом повинулся: – Лучник из меня плохой, такой же почти, как шаман.

Я фыркнула, упрямо вздернула подбородок:

– А я все-таки надеюсь, что ты его насмерть пристрелил! Жаль, с тропы не сойти, тело не поискать...

И я, и волк понимали: даже если Финист сейчас лежит в чаще мертвый, мы за ним по бездорожью не полезем.

– Спи, – сказала напряженному шаману. – Мой черед караулить.

Волк кивнул, но прежде чем лечь, еще раз внимательным взглядом окинул сереющий клочок неба. На его фоне голые изломанные ветки деревьев выделялись особенно отчетливо, последние сморщенные листья едва трепыхались на слабом ветру.

Волк спал прямо под воткнутым в землю посохом, и свет ему не мешал. Я же старалась смотреть в туманный сумрак леса – он был приятнее для глаз. Медленно наступало утро, то самое, которое вечера мудренее, но никаких идей мне в голову так и не пришло. Было подспудно назревающее отчаяние, как в начале пути, когда я не знала, какая тропа приведет меня к Марье и приведет ли вообще.

Сейчас я ощущала такое же бессилие. Очень не хватало подсказок, как в какой-нибудь игрушке – куда идти, с кем говорить, что искать. Даже покопавшись в памяти, я вспомнила лишь сказку о Сером Волке, где тот помогал Ивану-царевичу (хотя, скорее всего, все-таки дураку) украсть то коня, то красну девицу. Вот только мне мой Серый Волк вряд ли поможет – сам голову ломает.

Когда я попросила у Василисы карту Навьего царства, она воззрилась на меня с таким непониманием, словно речь шла о смартфоне с GPS-навигатором. Вот и оставалось снова идти куда глаза глядят – на восток.

Честно говоря, мне не хватало охотника. Я уже успела привыкнуть к его манере ненавязчиво заботиться о своих спутниках, с усмешкой

рассказывать об опасностях леса, о самых чудовищных его местах. После его байки о грибных полянах, затягивающих неосторожных путников под землю, где их оплетала грибница и высасывала все соки, я с испугом и недоверием присматривалась к редким поганкам и опятам.

На лесные ягоды я начала подозрительно коситься после истории о селянке, набравшей в лесу отборной, крупной черники и приготовившей для домашних праздничный пирог. Вот только вся семья ночью слегла с судорогами и рвотой: лес заморочил девушку, затуманил ей взгляд, подсунув вместо черники вороний глаз. Охотник хмыкал, мол, дура-баба сама все спутала, а на лес валит, но потом серьезно добавлял, что жители лесных селений учатся различать ягоды раньше, чем ходить.

Я не знала, что из рассказов охотника правда, а что выдумка – под сенью узловатых старых деревьев легко верилось и в то, и в другое. Может, у охотника и о жар-птице была наготове подходящая сказка, только он не успел нам ее рассказать.

С рассветом мы двинулись дальше. На редких перекрестках приходилось останавливаться и сверяться со сторонами света: один раз дорога уже вильнула, едва не уведя нас обратно к золотому царству. Мне постоянно казалось, что мы и так ходим по кругу, я даже задумалась о том, чтобы оставлять на деревьях отметки. Только вот над тропой нависали такие зловещие гиганты, что у меня рука не поднималась даже царапнуть кору, не то что отодрать ее кусок.

Череп изредка пощелкивал челюстью – это из чащи к тропе подходили хищники, и тогда мы видели блеск их глаз в густой тени деревьев. Обычно лесные твари предпочитали с нами не связываться: то ли не были голодны, то ли чужили в шамане хищника, то ли в принципе не питались людьми. Если какая-то особо смелая или голодная тварь и пыталась выползти на тропу, череп пригвождал ее к земле горящим взглядом, а мы уходили оттуда чуть ли не бегом, стараясь оставить запах паленой плоти далеко за спиной.

Больше меня пугало, когда череп начинал так щелкать зубами, что чуть ли не спрыгивал с посоха, а вокруг не было ни одной твари, словно опасность окружала нас со всех сторон. Пару раз из-за этого нам приходилось спешно искать другую дорогу.

Постепенно тропа уводила в холмы, деревья-великаны сменялись чахлыми карликами, прижатыми к земле.

– По-моему, – не выдержала я, когда местность стала гористой и безжизненной, только мох и чахлая серая трава кое-где пробивались между камней, – мы идем на север.

– Похоже на то, – кивнул волк, принохиваясь. Его руки все еще чесались и кровоточили, и он, чтобы не смущать меня неприятным зрелищем, заматывал ладони в полу плаща.

– Но почему мы на севере, если шли на восток?!

Мое раздражение можно было понять. Мы столько сил тратили на то, чтобы выверить направление, а в итоге все равно сбились и отклонились в сторону.

– Какая разница, где искать жар-птицу? Если мы пришли на север, то почему бы не поискать на севере?

Мне было нечего ему возразить. Может, нас сюда действительно привела судьба, и жар-птица где-то совсем близко, но холодные безжизненные скалы, заросшие мхом и ягелем, никак не вязались у меня с представлением об огненной птице.

Череп снова задергался, неуверенно клацнул зубами.

– Ну что еще? – почти взвыла я. Мне нестерпимо хотелось выместить хоть на ком-то свою усталость и неуверенность. Если бы к нам рванула какая-нибудь хищная нежить, я бы ликовала, с темным удовольствием наблюдая, как будет шипеть и поджариваться ее плоть под огненным взглядом оберега.

С вершины одного из холмов посыпались мелкие камушки, спустя десяток секунд за их шорохом мы расслышали звук шагов, словно кто-то с трудом спускался, боясь скатиться с крутого склона. Я задрала голову и прищурилась, сморгнула выступившие слезы – меня слепил даже блеклый свет северного солнца, и разглядеть я смогла только черный силуэт на темно-сером камне.

Охотник соскользнул на тропу и с трудом выпрямился, опираясь на копьё водяницы.

– Что вас сюда завело? – сипло спросил он, пытаясь отдышаться. – Почему вы ушли из золотого царства?

Я смотрела и глазам своим не верила. Охотник, всегда спокойный и непоколебимый, легко проходящий над самой топью и сквозь самую темную чашу, не боящийся ни тварей лесных, ни навьих духов,

выглядел хуже мертвеца. Под глазами залегли черные тени, из-за чего бельма казались молочно-белыми, почти светящимися. Его лицо осунулось и заострилось, да и стоял охотник как-то неуверенно, почти весь свой вес перенося на копьё.

Я уже хотела броситься к нему, предложить помощь, но волк положил мне руку на плечо, удерживая на месте, покосился на череп, в глубине глазниц которого тлели искорки.

– Это ты ответь, – резко велел он, – почему бросил нас в городе, почему объявился сейчас и почему оберег царицы готов тебя испепелить.

– Я же тварь леса, – усмехнулся охотник, тяжело переступая с ноги на ногу, – я насквозь пропитан его чарами. А колдовство Василисы мне враждебно, впрочем, – тут он печально усмехнулся, – как и сама Василиса. У нас с ней некоторые непримиримые разногласия.

– Ты из-за этого ушел? – с облегчением уточнила я.

– Да. Не хотел, чтобы Василиса на вас ополчилась. Вас-то что сюда привело? В эти скалы даже нечисть не суется, ни живого, ни мертвого здесь не встретить.

Мы растерянно переглянулись. Похоже, север – это немножко не то, что нам нужно.

– Василиса пообещала помочь мне, только если отыщу для нее жар-птицу.

Охотник недоверчиво прищурился:

– В Навьем царстве лучше не шутить с чужими именами. Тем более с именем Василисы. Узнает, услышит на другом краю света, и ведь действительно пошлет огненную птицу искать...

– Я не шучу. Она действительно отправила нас за жар-птицей. Вернее, за ее пером. И не сказала, где и как ее поймать.

Охотник охнул, осел на землю. Похоже, такого коварства от Василисы он и сам не ожидал.

– Я всегда знал, что она сука, но чтоб настолько! – в сердцах выдохнул он сквозь зубы.

Шаман нахмурился, но все же помог ему подняться.

– В чем подвох? – спросил он, глядя в лицо охотнику. – Жар-птицы не существует?

– Хуже.

Охотник помог найти небольшую пещеру, где мы развели живой огонь, яркий и ласковый, согревающий озябшие ладони. Яростному пламени Василисы с ним было не тягаться. Шаман вскипятил воды и заварил травки, которые после долгого совещания с охотником признал не ядовитыми.

Пока мы устраивались, охотник вкратце рассказал, что с ним случилось после черных вод. Он успел затеряться в лесу до того, как слуги золотой царицы его заметили. Охотник хотел дожидаться нас за стенами города, где магия царицы ослабевала, но просчитался. Солнечные заклятия уловили его след, и огненные гончие Василисы бросились за ним. О битве с ними охотник рассказывал лаконично, с болезненной усмешкой, так нежно касаясь пальцами древка копья, словно бесконечно благодаря его за спасенную жизнь. Обсидиановый наконечник выглядел слегка закопченным... но тут не скажешь наверняка, камень и раньше был чернее ночного неба.

Шаман отмалчивался, так что о золотом царстве пришлось рассказывать мне. Об эпопее с духом я умолчала, пожаловалась только, что после исцеления слишком чутко реагирую на свет.

– Ну а что ты хотела, – удивился охотник. – Все еще хорошо обошлось. Поверь, у таких тварей есть много других, более... неприятных особенностей. Боязнь света по сравнению с ними – настоящее благословение.

Я недоверчиво хмыкнула, но промолчала.

Когда стемнело, разговор вернулся к жар-птице.

В Навьем царстве даже проклятие такое было: «чтоб тебе пойти жар-птицу искать!» Вспоминали его редко, проклинали так – еще реже, ведь путь к саду жар-птицы убивал всякого, кто осмелился на него ступить. Во всяком случае, история помнит имена смельчаков, рискнувших отправиться за ней на край света, но вот никто еще не слышал, чтобы кто-то из них вернулся.

– И зачем же тогда они так рискуют? – мрачно осведомилась я, оценивая открывшиеся передо мной перспективы.

– Говорят, перо жар-птицы способно осветить весь путь сквозь подземное царство и вывести погибшего к новой жизни. А сама жар-птица, если ее подчинить своей воле, может вынести из Навьего царства в мир живых, и даже Яга, вечная привратница, ее не остановит.

– Действительно, это соблазнительно звучит, – усмехнулся шаман, крепко сжимая руки, чтобы снова не начать сдирать кожу. – Если это правда. Никто ведь так и не добрался до птицы?

– Никто не вернулся, – мягко поправил охотник. – Хотя я и сам охотнее поверю, что смельчаки погибли, чем им удалось столкнуться с огненной птицей. Раз уж сама Василиса не рискует, хоть и освоила магию солнца, родственную силе жар-птицы, глупо верить, что деревенщина смог бы достичь большего.

– Угу, она рискует нами, – пробормотала я. – Какой смысл был посылать нас на смерть? Могла бы просто отказаться помогать.

– Да нет, смысл был, – задумчиво прищурился волк, глядя в пламя. – Ведь Василисе известно, что мы живые. Могла сделать ставку именно на это.

– Верно, – согласился охотник. – Шанс у вас есть. Можно рискнуть...

– Ради чего? – грубо перебила я. – Выбирая между долгими поисками Финиста и между гарантированной смертью на пути к жар-птице, я выберу первое! Потому что так есть хоть какой-то шанс спасти мою сестру!

– Возможно, – спокойно возразил охотник, стараясь не шевелиться, чтобы не растревожить рану. – Но если ты отыщешь жар-птицу, тебе и самой будет проще пересечь подземное царство и вывести сестру.

– Зачем? – насторожилась я. Честно говоря, мне и черных вод хватило, в подземную обитель спящих богов я не рвалась.

– А как еще ты собираешься возвращаться в срединный мир, мир живых? Яга не выпустит ни тебя, ни сестру.

Я кисло поморщилась, словно уксуса хлебнула.

– А без пера совсем никак?

– Я не знаю, – вздохнул охотник и осторожно потянулся подкинуть хвороста в огонь. – Знаю, что перо жар-птицы помогает, а вот как без него... не возвращался еще никто, чтобы рассказать.

Оставалось только зубами скрипеть. Хотелось спокойно дойти до клетки с огненной птицей, осторожно выдрать у нее несколько перьев – про запас – и так же спокойно вернуться к золотой царице. Но я понимала: спокойно ничего не будет.

– Хорошо, – наконец согласно вздохнула я. – Но раз это так опасно, то я пойду одна.

– Соколица, – не разжимая губ, усмехнулся волк, прекратив сдирать засохшую кожу. – Я пошел за тобой в черные воды. Неужели ты думаешь, что из-за какой-то огненной курицы я тебя оставляю?

– Еще пара дней, и я смогу сопроводить тебя даже на пути сквозь подземное царство, – усмехнулся охотник, осторожно потирая ребра.

Я покорно подняла руки, показывая, что не собираюсь спорить. Гораздо больше хотелось обнять их обоих, благодарить, что не бросили меня один на один со страхами и нерешительностью. И если в волке я не сомневалась, то решение охотника грело мое сердце.

– Где хоть ее искать-то?

– Есть в Ирии сад за оградой золотой, где не цветы, а камни под солнцем сверкают, – чуть нараспев заговорил охотник, словно рассказывал ребенку сказку на ночь. Голос у него сделался мягкий и бархатистый, у меня даже глаза начали слипаться. – Где не плоды, а живой огонь на ветвях висит. Ходит по тому саду огненная птица, с хвостом длинным. Где крылом махнет – яркие искры рассыплются, где хвостом поведет – радуга засияет. И даже ночью светло там как днем, и не смеет никто тот забор миновать да к жар-птице приблизиться. Ибо и свет дневной, и тьма ночная в душе смертной есть, да выжигает птица тьму безжалостно, половину от человека оставляет...

– Короче, – перебила я. Сказки меня сейчас интересовали меньше всего. Если мы приняли решение, то нужно действовать! – Где ее найти?!

– В Ирии, – фыркнул волк, тоже не одобрявший сказки.

– А Ирий у нас где?

– А вы и так в Ирии, – огорошил нас охотник. Полюбовался на наши вытянувшиеся лица и пояснил: – Вернее, в том, что от него осталось. Он давно стал тенью Нави, страшнее и коварнее ее самой. Пожалуй, даже подземное царство уютнее руин Ирия: подземный мир души перемалывает, в навий превращает, да Ирий и к тем беспощаден.

– Откуда, интересно, ты так хорошо Навь знаешь? И про Ирий, и про подземный мир? – прищурился волк.

Охотник одарил его мрачным взглядом:

– А как ты думаешь, когда я договор с лесом заключил, чтоб частью его сделаться? Чтоб человечье в себе сохранить, а не чудовищем безумным стать. Я знаю, что такое подземное царство, знаю его сводящий с ума голод. Но как пройти его – мне не ведомо.

Повисло тяжелое, почти предгрозовое молчание. От входа в пещерку тянуло холодом, с которым даже костер не мог справиться. Череп задумчиво пощелкивал зубами, все никак не мог определиться, считать ли охотника опасностью или нет.

– Что у тебя с руками? – я обернулась к волку, постаравшись замять прежнюю, неприятную тему. – Может, помочь чем-то?

Волк дернулся, пытаясь снова спрятать ладони под плащом, но сдержался, понимая, что это уже ничего не изменит. Он протянул мне руки тыльной стороной вверх, так, чтобы я могла видеть раны на костяшках. Среди глубоких расчесов и лохмотьев отходящей плоти блестела щетка кристаллов, мелких и колючих. По их гладким граням прокатывались теплые блики от огня, во впадинках темнела засохшая кровь, и камни казались красными, как рубины.

Я с трудом сглотнула, стараясь победить тошноту. Кристаллы вырастали прямо из костей, пробивая и разъедая кожу. Я не могла, не хотела представлять, что должен был испытывать шаман весь день, пока кристаллы формировались, уродуя кости.

– Может, хотя бы промыть? – слабым голосом предложила я, стараясь скосить глаза в сторону. Почему-то от влажного блеска камней мне становилось дурно. Волк покачал головой и снова закутал ладони в плащ.

– Я тоже не знаю, что это и почему, – предупреждая мой вопрос, тихо произнес он, пряча глаза. – Но я чувствую, оно не заразно. Оно как-то связано с духами, словно камни – это наказание за все мои сомнения.

– Тогда это слишком жестокое наказание.

Волк пожал плечами. Он снова замкнулся в себе и своих переживаниях. Охотник же разглядывал его с нездоровым любопытством, как уродца в кунсткамере. Меня так покорило его любопытство, что я резко спросила у охотника, стараясь отвлечь его от шамана:

– Сколько нам здесь еще сидеть? Когда ты сможешь идти?

Охотник выпрямился, попытался улыбнуться, но губы слабо дернулись.

– Неважно, когда смогу – уходить придется уже утром. И у вас время на счету, и я слишком долго в преддверьи подземного мира отлеживался.

– В преддверьи подземного мира? – охнула я, сообразив, почему такой серой и безжизненной здесь оказалась местность. – Что ты здесь забыл?

– Гончие Василисы не могут сюда попасть, как и она сама. Ее чародейство здесь теряет силу.

– Разве? Череп еще светится!

– К утру погаснет. Ночью здесь так сильна воля спящих под землей богов, что ни для какой иной силы места не остается.

– Значит, придется дежурить, – вздохнула я. Весть меня не сильно опечалила – я еще не успела привыкнуть к хорошему, то есть к постоянной защите чар.

Охотника от дежурства мы освободили – в его нынешнем состоянии пользы от него было мало, пусть лучше сил наберется. На мой взгляд, и волку лучше было бы выспаться, а не пялиться в темноту, раз за разом гоняя по кругу одни и те же мысли, но он настоял на своем дежурстве и отсидел половину ночи, чутко вслушиваясь в окружающую темноту.

Я проснулась в полночь, когда сквозь веки перестал пробиваться золотистый свет черепа – он просто мигнул и погас. Нижняя челюсть отвалилась и рассыпалась прахом, коснувшись камней. Теперь мы остались беззащитны и почти безоружны: охотник спал тяжелым сном, дышал резко и прерывисто, из волка сейчас стрелок тоже никакой, он пальцы даже согнуть не может.

Я сидела, не отрывая взгляда от входа в пещеру. В темном проеме мелькали смутные тени, словно низенькие твари, отдаленно напоминающие человека, шныряли туда-сюда у входа, не решаясь войти. Следить за ними было даже забавно – то, что осталось во мне от нежити, было уверено, что мелкие здешние твари не опасны: раз они боятся нас, нам бояться нечего.

Я только улыбалась этим циничным мыслям и крутила в пальцах серо-черное соколиное перо.

Оно снова появилось за пазухой, словно я его и не теряла.

19. Черная вилаьь дорога^[2].

– В сад жар-птицы ведет одна дорога, – серьезно заговорил охотник, когда мы вернулись под сень леса, к гигантским соснам. – Говорят, у нее нет начала, но ступить на нее может каждый, у кого хватит на это решимости.

– Дорогу называют черной, не так ли? – демонстративно не глядя в сторону охотника, спросил шаман.

– Да, – чуть растерянно кивнул охотник. – Откуда ты...

– Слышу.

Волк принюхивался к воздуху, словно собака, готовая встать на след смельчаков, рискнувших отправиться на поиски жар-птицы. Краем глаза я видела, как рядом с ним дрожит воздух, будто над раскаленной дорогой в степи.

Учуяв ведомое только ему одному, шаман требовательно махнул рукой и шагнул вперед. Я бросилась за ним, схватила за рукав:

– Ты уверен, что хочешь рискнуть? Я помню твои слова, но... что, если нам не повезет? Я никого не зову за собой.

Глаза волка потеплели, он улыбнулся и словно снова помолодел – передо мной вновь стоял нелюдимый мальчишка с упрямым взглядом.

– Поэтому, сестрица, я сам выбрал путь. Не могу же я оставить тебя на растерзание огненной птице?

От нахлынувшей благодарности у меня в уголках глаз выступили слезы. Я осторожно сдвинула его ладонь, стараясь не задеть камни и не причинить боль:

– Спасибо, братец.

Теперь я просто обязана справиться. Ведь иначе подведу не только Марью, но и моего волка.

Дорога к сказочному саду действительно оказалась черной. Утро только занималось, когда мы покинули пещеру, бросив там бесполезный уже посох с черепом, и двинулись к лесу. Редкие утренние птицы кричали протяжно и резко, и я по привычке вздрагивала каждый раз и вглядывалась в переплетение крон, страшась увидеть над ними гигантский хищный силуэт. Но светлеющее небо было чистым и ясным, и моя тревога временно унималась.

Стоило же нам сойти с дороги на черную тропу, как сам воздух потемнел, с каждым шагом становясь гуще, пока не превратился в кисель. Дышать им было не тяжело, но неприятно: казалось, он щупальцами заползает в гортань и легкие и обшаривает тебя изнутри. Я постоянно ежилась и пыталась откашляться, но добилась только того, что у меня действительно начало першить в горле.

Ничего зловещего или опасного в тропе не было, кроме постоянного сумрака – густого, как в холодные туманные вечера. Я даже расслабилась, решив, что нам, живым, действительно удастся спокойно дойти до сада и украсть перо.

А потом под ногами мелькнуло что-то белое. Грибы, почему-то решила я, и пару раз спокойно перешагнула, не присматриваясь. На третий я споткнулась о вздыбившийся корень, зацепила «гриб» носком сапога и вывернула из черной прелой листвы бедренную кость. Человеческую.

Шарить вокруг в поисках остального скелета не хотелось.

Дальше кости попадались чаще и чаще, я и хотела бы не присматриваться, отвести взгляд, продолжить считать их поганками, но не выходило. Предательское зрение, столь слабое в свете солнца, оказалось по-звериному острым в сумерках, и от меня не укрывалось ни малейшей детали. Я видела на костях и следы мелких острых зубов, словно полчища крыс грызли их, и оплавленные знаки, словно раскаленной спицей кто-то пытался оставить на них послания, и переломы такие, какие оставить могло только могучее чудище, способное разорвать человека пополам.

Охотник шел последним, выбивался из сил, чтобы не отстать, но все равно нам приходилось иногда останавливаться и дожидаться его. Во время одной из таких остановок дерево у тропинки – заморенный, выглядящий совершенно безопасным дуб – схватило меня за рукав узловатой веткой. Я завизжала, отпрыгнула назад, и часть дуба повалилась вслед за мной на тропу, и только тогда я смогла разглядеть, что за меня схватился иссохший до состояния мумии человек. Из одежды на нем остались только серые лохмотья, кожа плотно облепила кости, особенно череп; глаза слабо блестели в провалах глазниц.

Он – или она, уже не разобрать, – держался за меня мертвой хваткой и что-то едва слышно хрипел. Я скорее видела, как шевелятся высохшие в нитку губы, чем разбирала слова.

– Не ходи... Дорога... кольцо... не ходи!

Меня сковали омерзение и панический ужас, я только и могла, что стоять и беспомощно смотреть, как мумия, цепляясь за мою одежду, пытается подняться и тянется худой трясущейся рукой к моему лицу. Наверное, я бы так стояла и ждала невесть чего, если бы подбежавший волк не наступил на спину мумии, сломав ей хребет. С едва слышным стоном человек осел на землю бесформенной кучей тряпья.

– Похоже, один из смельчаков, – спокойно пояснил волк, отдирая от моей штанины руку мертвеца, так и не ослабившую хватки. – Не стой столбом – ему уже ничем не помочь.

Панический паралич, наконец, меня отпустил, я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы унять нервную трясучку. Было стыдно: испугалась не пойми чего, всего-то обычный человек. Мне его даже жалко не было.

Я постаралась побыстрее выбросить этот момент из головы, чтобы не задумываться, сколько же времени на тропе провел несчастный.

Вечные туманные сумерки давили на разум. Я оглядывалась, всматривалась в чащу, но не видела там ни малейшего движения: дерево не качало веткой, хитрая зверушка не шныряла вдоль тропы, посверкивая глазами.

Если бы не присутствие волка и охотника, я бы уже свихнулась от одиночества. Может, именно это и произошло с остальными? Мне очень не хотелось думать, что на тропе могло встретиться что-то опасное.

Мы в очередной раз остановились, поджидая отставшего охотника, я дожевывала запасы водорослей, чтобы утолить жажду. Волк щурился куда-то назад, в темноту.

– Сестрица, – тихонько шепнул он, – в сумраке ты зорче. Посмотри: мне кажется, или за спиной охотника что-то движется?

Я вздрогнула всем телом, успев представить воплощение всех моих страхов, вгляделась в силуэт охотника. Он шел тяжело, но уже не хромал и не падал без поддержки. Пожалуй, нам и правда стоило обождать с путешествием, дать ему отлежаться, но он сам настаивал на том, чтобы пуститься в путь безотлагательно.

За его спиной действительно что-то шевелилось, ворочалось, как огромный медведь, разбуженный от глубокого зимнего сна. Я не могла рассмотреть, что это за тварь, ее скрывали стволы деревьев, но чем

дольше всматривалась, тем страшнее мне становилось. Не выдержав, я крикнула во весь голос, разрушая глубокую, опутанную паутиной тишину:

– Охотник! Сзади!

Он, слава богу, не стал оглядываться, а из последних сил бросился вперед. Мы же, как два дурака, стояли и смотрели, как все ближе и быстрее мелькает тварь за его спиной, темная и огромная.

И только когда охотник добежал до нас и упал, хватая ртом воздух, а движение за его спиной замерло, словно было не более чем обманом зрения, я сообразила: это был лес. Все это время деревья медленно ползли за нашими спинами, съедая дорогу и наш шанс вернуться назад. Их корни арками поднимались над тропой, перегораживая ее, сухие, рухнувшие стволы путались в разлапистых кронах соседей, колючий кустарник прямо на глазах прорастал сквозь тропу.

– Дороги назад нет, – побелевшими губами шепнула я и резко обернулась, уже готовясь и впереди увидеть ту же картину. Но тропа ровно вела вперед, на ее обочине рос огромный разлапистый можжевельник – сквозь туман его очертания казались силуэтом огромного многорукого чудовища.

– Мы это с самого начала знали, – отдышавшись, сказал охотник. – Так что либо дойдем до сада жар-птицы, либо присоединимся к ним, – он махнул рукой в сторону костей.

Вот уж что меня не прельщало, так умирать здесь от голода и жажды. В который раз предложив охотнику помощь и в который же раз получив категорический отказ, я быстро пошла вперед.

Теперь деревья не скрывались, размахивали ветвями при полном безветрии. Они скрипели и шуршали, словно переговаривались и обсуждали нас. Моя мнительность достигла такой степени, что мне чудилось, что они делают ставки, как далеко мы заберемся. Честно говоря, это не лучшим образом сказывалось на боевом духе.

Кости под ногами попадались уже на каждом шагу, некоторые сразу же рассыпались в прах, другие откатывались в сторону, если мы о них спотыкались. Однажды попался почти целый скелет в истлевших обносках, в которых угадывалась богатая одежда, рядом лежал проржавевший насквозь кинжал. На грудной клетке тускло блестела подвеска – алый камень в почерневшей от времени оправе.

Впечатление портило только отсутствие черепа и части позвонков – словно его оторвали и унесли.

– Интересно, – я повертела в руках кинжал, но отбросила обратно на землю: перетянутая кожаными ремешками рукоять словно пропиталась чем-то липким. – Огромное чудище нападает на путников или приходит, когда они уже умрут?

– Не знаю, – охотник предпочел вообще обойти тело по дуге, насколько позволяла тропа, – не похоже, чтобы тела кто-то ел.

– О, это меня, конечно же, успокаивает! – Я пропустила спутников вперед, а сама, сделав вид, что поправляю сапог, сдернула со скелета подвеску. Старые кости тревожить негоже, но мне нестерпимо захотелось обладать этим простеньким камушком, словно ценнее его не было ничего на земле. Странно: раньше я всегда была равнодушна к безделушкам.

Охотник только пожал плечами. На черной тропе он был бессилен, ибо не простой лес окружал нас. Казалось, что каждый шаг выпивает из него жизнь, и вскоре он снова отстал. Я даже спросила, зачем же он пошел с нами на верную смерть, но он не ответил, только улыбнулся. Я старалась не смотреть в его лицо: меня пугали бельма, превращавшие глаза в пластмассовые шарики, неживые и невыразительные. Позже, через несколько десятков шагов он едва слышно сказал мне в спину, что у него не было выбора.

Я даже не была уверена, что мне не послышалось.

Чем дальше мы пробирались, тем агрессивнее становился лес. Деревья теперь не просто размахивали ветвями, а пытались хлестнуть по лицу и выбить глаза, корни постоянно подворачивались под ноги, приходилось внимательно смотреть, куда наступаешь, чтобы не полететь кувырком. Особенно доставалось охотнику: здешний лес его не любил. Нам с волком приходилось по очереди тащить его, взвалив на себя. Вернее, тащил его волк, умудряясь успешно уворачиваться от веток с ношей, я же могла только подставить охотнику плечо, а ковылять ему приходилось самостоятельно.

В постоянном скрипе ветвей и гулком шуме сухих крон мы не сразу расслышали посторонний звук. Охотник насторожился первым, попросил остановиться. Прижавшись ухом к земле, я расслышала всхлипывающий вой, доносящийся словно из подземной пещеры.

– Ты уверен, что нам нужно искать источник? – я встала, отряхиваясь, и едва не пропустила удар веткой по голове. Кряжистый дуб у самой тропы зловеще скрипел и качался, словно пытался упасть и раздавить нас.

– Уверен, – кивнул охотник и принялся разгребать листья. – Если не веришь, спроси у своего друга.

– Он прав, – согласно вздохнул шаман и принялся помогать разрывать землю. – Это рыдает заблудший дух, он просит покоя.

Я опустилась рядом с ними. Мерзлая земля плохо поддавалась, я обломала все ногти, прежде чем смогла разрыть хотя бы небольшую ямку. Хорошо хоть под тонким слоем промерзшей земли оказалась рыхлая почва, мягкая и комковатая.

– Как будто кто-то уже копал здесь, – удивленно проворчала я, сдувая со лба прилипшую прядь.

– Да, – тихо сказал охотник и запустил ладонь в землю. Плач оборвался. – Вытьянка. Кто-то постарался скрыть кости убитого, но крик непокоенной души не спрятать.

Он вытащил тонкую сероватую кость, кажется, лучевую. Через пару минут мы смогли очистить от земли и остальной скелет, тонкокостный и хрупкий.

– Девушка, – определил волк, все еще к чему-то прислушиваясь. Аккуратно взял из рук охотника лучевую кость, смахнул с нее крошки земли, чутко прошелся пальцами и поднес к лицу уже костяную флейту, совсем простенькую, но необъяснимо жуткую.

Первый звук, пробный и неловкий, был похож на скрип, второй на вскрик, а затем из флейты полилась тихая прерывистая мелодия, похожая на всхлипы плакальщицы. Ничего музыкального в этом не было, от звуков начала раскалываться голова и темнеть в глазах, словно кто-то упорно лез в мои мысли, с каждым звуком становясь сильнее и сильнее.

Я зажмурилась и сдавила виски, понимая, что еще немного, и от боли кричать буду уже я. Напряжение стало совсем невыносимым, гул крови в висках заглушил все звуки, а потом все стихло.

Я помотала головой, длинная коса стегнула по спине. Сестра уже ушла вперед, и я бросилась догонять ее, путаясь в подоле сарафана и чуть ли не выныривая из лаптей. Она оглянулась, поджидая меня, и ласково улыбнулась, когда я ее догнала.

– Устала? – сестрица ласково отвела с моего лица выбившиеся пряди, ободряюще сжала плечо. – Потерпи, еще чуть-чуть, и мы придем.

– Мне страшно, – почти шепотом призналась я, вцепляясь в рукав ее рубахи. – Это правда нужно для свадьбы?

– Конечно, милая, – рассмеялась она. – Раз уж сам княжич заслал сватов к тебе, младшей, в обход традиций и законов, то и приданое твое должно быть воистину сказочным, чтоб деды-баюны пели, не уставая, восхваляя невесту своего князя! А что может быть сказочней пера жар-птицы?

– Ох, – я бросилась к сестре и обняла ее в порыве благодарности. – Что со мной было бы, если не ты!

– Дольше просидела бы в девках, – хмыкнула старшая, осторожно отстраняясь.

– Ты правда-правда не в обиде, что я первой выйду замуж? Ведь по законам тебе бы вперед меня под венец идти, чтоб в одиночестве не остаться!

– Ох, глупая, – добродушно рассмеялась сестра, но на миг мне показалось, что лицо ее потемнело, словно густая тень над ней промелькнула. – Кто ж княжью свояченицу без пары оставит? Да ко мне его лучшие дружинники да советники сватов засылать будут! А уж если перо достану... достанем, то не меня выбирать, а я выбирать буду!

Я рассмеялась ей в унисон и с новыми силами бросилась вперед, окрыленная надеждами и своей любовью. Юный княжич был высок и строен, говорят, в наш двор он поначалу к сестре моей захаживал, на ее черные волосы любовался. Ах, сестра моя и впрямь была прекрасна: статная, с косой толстой и глазами ясными, неудивительно, что даже нелюдимый наследник старого князя в наш двор зачастил! Но стоило ему со мной взглядами столкнуться, как сразу он сватов заслал. Да не к сестрице, как все ожидали, а ко мне.

Отец согласился сразу, не раздумывая, даже закон древний позабыл: когда ж еще случай выпадет с князем породниться?! Только сестра лицом темнела с каждым днем, пока ко мне не пришла своей тревогой поделиться: роду мы простого, не благородного да не богатого, а что, если княжич потом этим попрекать меня станет? Надо

бы приданое себе найти сказочное, чтоб осознал княжий сын, что не простую девку замуж берет, а жар-птицей отмеченную и одаренную!

Черную тропу мы нашли быстро: побежали затемно, пока не спохватились в отчем доме, сестра только и успела, что кинжал отца прихватить, любимый его, удачу приносящий. С тех пор и шли по тропе, боялись, от каждого шороха вздрагивали. Уже сутки без малого маковой росинки во рту не было, пить нестерпимо хотелось, а в животе словно зверь огромный от голода рычал.

Сестра меня утешала, что немного осталось до благословенного сада, а там и яблоки сладкие, и ключи студены: ведь и жар-птице есть-пить надобно.

– Не беги так быстро, – предупредила меня сестрица, – из сил рано выбьешься.

– Любовь мне силы придаст!

Казалось, тропа сама бежала навстречу, легко ложилась под ноги, словно вот-вот впереди разгорится мягкое сияние волшебного сада, где вечно царит день. Мне даже показалось, что я уже вижу далекий огонечек, хотела указать на него сестре, обернулась...

...и увидела ее с занесенным кинжалом. Ни вскрикнуть, ни заслониться не успела, как сталь мне в горло вонзилась, и горячая кровь рубаху пропитала. Сестрица сдернула с моей шеи камушек алый в серебристой оправе, подарок жениха моего любимого. Я дернулась и затихла, только кожа ощущала холодную землю, что грудь сдавила, только голос сестры, довольный и мрачный, сквозь смертельную пелену пробивался:

– Вот и спи спокойно, змея-разлучница, негоже младшим поперек старших замуж идти да женихов отбивать! Здесь тебя никто не отыщет, да и искать не будут, когда скажу, что ты из-под венца с бродягой-любовником сбежала! Княжич был моим, моим впредь и останется!

Она ушла назад по черной тропе к свету и жизни, а мне только и осталось, что оплакивать свою любовь, свою жизнь и перо жар-птицы.

Я помотала головой, избавляясь от остатков видения, стерла капаящую из носа кровь. Судя по меловым лицам спутников, им пришлось не легче. Кажется, мы все пережили последние минуты бедной девушки.

– Что ж, – с трудом, преодолевая ком в горле, сказала я, вынимая из-за пазухи почерневшую цепочку с красным камнем. – Далеко ее

сестра не ушла, тут же, на дороге и погибла. Надеюсь, хоть это ей послужит утешением.

Шаман, все еще сжимающий в руке костяную флейту, задумчиво кивнул.

– Да... она рада, что смогла поведать хоть кому-то свою историю. И все равно она оплакивает свою сестру, чистая душа. Просит, чтобы мы отыскали княжича и рассказали ему, что она до последнего вздоха его любила.

Я фыркнула.

– А эта душа может видеть, что от нее осталось? Не первый год в земле лежит! Где мы ее княжича отыщем? Он же сам давно погиб!

Волк прислушался к чему-то, затем снова поднес флейту к губам. Звук на этот раз вышел приятный и мелодичный, хоть и едва слышимый.

– Она верит, что любовь их была так сильна, что судьба рано или поздно снова сведет их души, и она сможет рассказать ему о несправедливости, которую учинила старшая сестра. Она просит забрать с собой флейту, чтобы она могла сама встретить душу княжича...

– Нет, – отрезал охотник. – Не стоит ничего брать с черной тропы!

– Почему?

Моему удивлению не было границ. Насколько я помнила подобные сказки, неупокоенная душа девицы действительно хотела только рассказать свою историю, не более того. В тростниковой ли флейте, выросшей на костях, в арфе ли из костей и волос убитой всегда жила одна и та же мелодия, обличающая убийцу.

– Черная тропа просто так ничего не подбрасывает, это ловушка!

– Или испытание, – мягко поправил его волк, не выпуская флейту из рук.

– Уж не в том ли заключается испытание, чтобы разгадать обман и не поддаться жалости? – прищурился охотник и поднялся.

Я печально посмотрела на хрупкий девичий скелет. Я не сомневалась в правдивости видения, я не сомневалась в коварстве старшей сестры, хоть и не понимала ее. Как можно предать, обмануть младшую, которую ты обязана защищать и беречь? Кем же нужно быть, чтобы ради выгодного замужества предать самое родное существо?

Я аккуратно застегнула цепочку на шее скелета, камень сразу же провалился между ребер в грудную клетку, повис ровно там, где должно быть сердце. Мне даже показалось, что красный огонек в глубине начал пульсировать в такт сердцебиению.

Это всего лишь игра света и тени на туманной дороге, убедила себя я.

– Мы заберем флейту, – решительно сказала я в спину охотнику и подала руку волку, помогая ему встать. – Может, души действительно найдут друг друга.

– Мне не нравится эта идея! – мрачно отрезал охотник, но спорить не стал. Понимал, что это бесполезно.

Впереди действительно угадывался блеклый огонек, вот только вряд ли это был сад жар-птицы: холодное мертвенное свечение больше походило на болотное пламя. Я поежилась, вспомнив другой лес со скелетами и красными цветами и бесконечное болото с черной вонючей водой.

Идти вперед не хотелось.

Теперь замыкал цепочку шаман, постоянно тихо наигрывающий на флейте. За ним с шелестом переплетались ветви деревьев, разрастался терновник. Музыка была совсем не слышна, и видения больше не накатывали: что бы ни хотела сообщить душа девушки, она говорила это только шаману.

– А есть ли у тропы вообще конец? – тихо спросила я, когда мы прошли мимо приметной сломанной ели в третий раз. Против воли в голову лез стон последнего выжившего путника, про дорогу и кольцо.

Не думай про это, велела я себе, не думай.

Но тропа тянулась вперед, огонек не приближался, а деревья почти перестали размахивать ветвями, уже не пытаясь хлестнуть нас по лицу.

Только и оставалось – идти вперед и думать.

20. Хрупкие елочные шарик

На черной тропе не было ни дня, ни ночи – только вечные сумерки, густые и холодные, как в самую промозгую и унылую осень. Я не могла даже примерно определить, сколько мы шли: волк уверял, что не больше половины дня, охотник, вымотавшийся до предела, – что уже около суток. Ему верилось больше: ноги гудели от монотонной ходьбы, желудок сводило от голода, а глаза слипались сами по себе, словно я не спала второй день. Усталость казалась материальной: ее прохладные костистые руки тяжело опускались на плечи, острые коготки покалывали виски и переносицу, а низкий голос шипел прямо в ухо: «спи, спи, спи...» Каждый шаг давался с трудом, словно под ногами раскинулось болото, и незаметно для себя я отстала, оказалась последней в цепочке.

– Может, отдохнем? – не особо надеясь на успех, предложила я, пытаясь подавить зевок.

Шаман качнул головой, не оборачиваясь. Все его внимание занимала костяная флейта. Она трепетала в его пальцах, выдыхала тихие, тревожные звуки, томительные и свербящие, волей-неволей вызывающие слезы в уголках глаз. Шаман никому не позволял прикасаться к ней, только сам нежно гладил самыми кончиками пальцев, на ощупь изучая тонкую, искусную резьбу, словно слепец.

Он даже не заметил, что мимо все той же приметной сломанной елки мы прошли уже в пятый раз.

Я зевнула еще раз, привычно прикрывая лицо. В глазах мутилось от сонливости, мысли ползали медленно, как разбуженные среди зимы мухи. Я на пару мгновений прикрыла глаза, чтобы унять жжение под веками, но шага не замедлила. Дорога прямая, впереди идет мой волк – даже если споткнусь, он успеет меня подхватить, не даст упасть носом в хлюпающую под ногами грязь.

Открывать глаза не хотелось, веки стали тяжелыми, как у Вия. Легкая дрема, туманящая разум, рисовала уютные картины родной квартиры: книги на полках, лучи, рассыпающиеся солнечными зайчиками вокруг зеркала, пестрое одеяло со смешной лягушкой. Вспоминать о том, что за опущенными веками только сумрачная и

тоскливая тропа сквозь дикий и хищный лес, было невыносимо до ломоты в висках.

«Спи, спи, спи», – твердил тихий шепот в унисон вялым мыслям.

«Спи», – шелестела черная листва надо мной.

«Спи», – тихо плакала костяная флейта.

И я заснула.

Я чувствовала свое тело – оно шло куда-то, даже говорило, отвечало на вопросы, но сама я не слышала ни одного слова – они каплями крови срывались с губ, бусинами раскатывались вокруг меня, но в абсолютной, туманной тишине.

«Надеюсь, охотник и волк не заснут», – мелькнула ленивая, неповоротливая мысль и тут же исчезла, а я сквозь сонную одурь пыталась вспомнить: какой охотник? Что за волк?

«Мы же в лесу», – снова шепнуло что-то глубоко внутри, но я только отмахнулась: какой лес? Я точно помню, что сегодня день рождения мелкой и мне позарез нужно успеть закончить ей подарок... а меня тут коварно сморил сон!

Я сладко зевнула и потянулась до хруста в костях. Кончики пальцев болели после долгой работы: даже молодые веточки рябины далеко не так покорны, как ивовые прутья, и свить из них круг-основу для ловца снов долго и сложно. Я несколько ночей вымачивала ветви, бережно перевивала их и теперь медленно и аккуратно обматывала тонкой пряжей и плела паутинку. Вместо бусин я взяла высушенные ягоды рябины, и в переплетении нитей они смотрелись зловеще, словно сгустки крови. Вместо мягких совиных перьев я вплету соколиные – Марья почему-то грезилась именно о них. Достать их было сложно, но мне хотелось порадовать сестру, сделать для нее что-то особенное, что ни найти, ни повторить будет нельзя.

За стеной тихо позвякивала посуда: мама закончила нарезать салатки и уже сервировала праздничный стол. Значит, совсем скоро с прогулки вернется Марья с отцом, и мелкая первым делом бросится ко мне хвастаться подарками.

И увидит недоплетенный ловец снов. Мда, неприятная перспектива.

– Дорогая, не сможешь? – в комнату заглянула мать, на ходу вытирая руки. Я крикнула, не оборачиваясь:

– Мам, я тут немного не успеваю! Давай я после праздника возьму на себя мытье посуды?

Мама тихо подошла ко мне, склонилась над плечом, разглядывая, как я спешно нанизываю ягоды-бусины, боясь ошибиться с переплетением разноцветных нитей.

– Красиво, – улыбнулась она и ласково провела ладонью по моим волосам. – Спираль-солнцеворот? Очень похоже. Не буду тебя отвлекать.

– Ага, – буркнула я под нос, внимательно вплетая яркие бусины, – спасибо, ма.

Она невесомо чмокнула меня в затылок и оставила наедине с подарком Марье. Я торопилась, я безумно торопилась, хотя и понимала, что спешка сейчас – мой враг. Как я умудрилась задремать в такой момент? Да еще и гадость какая-то снилась: мрачный холодный лес, постоянный страх и горечь невозполнимой потери. Меня озноб прошиб от одних смазанных воспоминаний!

Нити покорно сплетались в паутину, и в чередовании черного и белого цвета проступал простенький узор-солнцеворот. Рябиновые ветви и ягоды для защиты от зла и обмана. Марья любит всякую мистику, древние поверья и тайны, она оценит.

Когда требовательно задребезжал дверной звонок, я заканчивала выплетать последний ряд. Закрепив нить двойным узлом, я устало и счастливо выдохнула и поспешила встретить именинницу.

Марья, даром что уже здоровая кобыла, почти с меня ростом, прыгала вокруг отца, как малый ребенок. В ее растрепанных волосах жизнерадостно желтел веночек из одуванчиков, а солнечные блики, казалось, до сих пор отражались в ее светлых глазах. Я залюбовалась сестрой, пока мать с оханьем осматривала ее сбитые коленки.

– Девочка-беда, – тихонько рассмеялась я, подойдя к Марье. Поправила веночек в волосах: – Как так умудрилась?

– Я котенка спасла! – и с радостным писком она повисла у меня на шее, едва не свалив.

– Героиня! – прохрипела я, аккуратно высвобождаясь из объятий. – Защитница сирых и убогих...

– Иди умываться, – немного резковато оборвала наше перешучивание мать и подтолкнула сестру к ванной. – Тебя подарки жждались.

Когда Марья вприпрыжку ускакала в ванную, я повернулась к отцу:
– Дай угадаю: спасенный котенок будет жить с нами?

Отец только с виноватой улыбкой развел одной рукой, другой прижимая к себе сверток из пиджака:

– Твоя прозорливость не имеет равных. Надеюсь, вы не лишите усатую-полосатую Марью-Марусю права на крышу и еду?

Мама всплеснула руками, но промолчала: она давно смирилась с тем, что отец во всем потакал нашим капризам и интересам. Разве не в этом и заключается любовь и поддержка: принимать и не осуждать интересы близких, даже если не понимаешь их?

Сверток на руках отца закопошился, из складок ткани высунулась остренькая синеглазая мордочка и требовательно мяукнула.

– На одного маленького тирана стало больше, – хмыкнула я и поспешила скрыться в комнате, пока на меня не повесили заботы о котенке. Нет, я, безусловно, люблю животных, но только когда их хозяин не я.

Застолье шло своим чередом, спокойно и размеренно, только Марья пару раз срывалась проверить свое хвостатое чудо. Когда сестра убежала искать котеночка в очередной раз («я только проверю, не проголодалась ли она!»), я задумчиво пересчитала свечки на торте и, переведя взгляд в потолок, ни к кому не обращаясь, произнесла:

– По-моему, на торте десять свечек лишние. Четыре как-то больше соответствуют ее поведению.

– Ты в ее возрасте была такой же, – мягко усмехнулся отец, подбирая хлебом подливку.

– Разве? – я демонстративно фыркнула. – Значит, после поступления в институт я сильно поумнела!

Мать поспешила уткнуться в бокал с вином, но я все равно заметила ее усмешку.

Когда пришло время разрезать торт, я занервничала. Мне почему-то пришло в голову, что Марья совсем не обрадуется моему подарку. Улыбнется, конечно, поблагодарит, но останется разочарована. Я же знаю, только от двух людей подарка она ждет с замиранием сердца, зная, что это будут самые правильные, самые нужные и самые волшебные вещи. И когда ты один из этих людей, чудотворец в чужих глазах, не оправдать ожидания становится особенно страшно, до липкого пота и похолодевших пальцев.

Я вручала свой подарок последней. Первым успел отец: он сурово нахмурил брови и напомнил, что котенок – это не игрушка, и раз Марья так возжелала завести себе зубастую тезку, то пусть сама за ней и ухаживает. Сестра серьезно кивнула и с ехидцей поинтересовалась у отца, не за дуру ли он ее держит, раз такие прописные истины повторяет.

Мать вручила пару книг – из тех, что так просто в магазине не найдешь. Наверное, ей отец тихонько шепнул о желаниях мелкой – мамина способность феерически не угадывать с подарками была уже притчей во языцех.

Наступила моя очередь. Я выдохнула, как перед прыжком в воду, и решительно потребовала, не позволив голосу задрожать:

– Закрой глаза и дай руки!

Марья тут же зажмурилась и протянула мне раскрытые ладони. Я только головой покачала и аккуратно опустила на ее руки ловец снов, едва задев ладони. В электрическом свете сухие бусины особенно сильно напоминали кровь, а соколиные перья покачивались, как на едва ощутимом ветру.

– Ух ты! – завопила Марья, разглядывая ловец со всех сторон. – Офигенно! Ни у кого такого нет!

В глазах немного помутилось, силуэты матери и отца начали расплываться, а звуки становились тише и отступали на второй план. Я вцепилась в край стола заледеневшими руками, до боли сжала пальцы, чтобы не лишиться чувств.

Я коснулась Марьи, но не ощутила прикосновения, словно она была призраком.

Сквозь пестрые праздничные цвета семейного застолья вспышками проступали другие: тяжелые, холодные, мрачные, напоминающие о безысходной тоске глубокой осени и одиноком запустении покинутого дома.

Рябина, сухие ягоды и тонкие веточки. Они действительно защищают от лжи, и яркий, завлекательный обман вокруг них растворяется, сгорает и обнажает отвратительную реальность.

Так мигает лампочка: мгновение света сменяется мгновением тьмы, и ты не знаешь, в какой момент видишь правду. Вернее, ты можешь сам выбрать то, что будешь считать правдой: яркий и светлый мираж или выстуженную реальность.

Я зажмурилась, безжалостно уничтожая светлый образ идеальной семьи. Отец мертв. Мать спилась. А Марья...

Марья...

Я не могла вспомнить, что с ней стало. Я сидела одна в темном, холодном зале, где ничего не напоминало о жизнерадостном празднике, который отмечала дружная и очень счастливая семья где-то в другой реальности. Блеклые потертые обои кое-где уже отошли от стен, пыль толстым слоем легла на пол и подоконник. Оконное стекло покрывали крупные капли дождя, в некоторых отражались блики от фар проезжающих машин.

Я лежала на диване, сжавшись в комочек и пытаюсь согреться. В тишине покинутой квартиры мое прерывистое дыхание звучало отвратительно громко.

Я не могла вспомнить, как выглядит моя сестра. Я пыталась воскресить в памяти картины миража, но перед глазами всплывали посторонние мелочи: то мордочка котенка, то спокойная, благодушная улыбка отца, то пристальный, ясный взгляд матери. Я вцепилась зубами в запястье, чтобы не разрыдаться от несправедливости. Я хотела себе ту жизнь, которой была так жестоко лишена.

Но мало ли, чего я хотела.

Мираж разлетелся на множество осколков, и в руках у меня остался только один, который я еще могла спасти.

Марья.

Но почему я не помню, куда она исчезла?

Что я помню о своей сестре? Взгляд исподлобья, поджатые губы, рубленые, резкие фразы.

– Слушай, – сказала она, даже не поворачиваясь в мою сторону. – Отстань от меня, а? Роди себе ребенка и его воспитывай, а я сама разберусь, что читать и что смотреть.

Я тогда только вздохнула и попыталась в который раз объяснить: пусть делает, что хочет, но после того, как подготовится к экзаменам. Но Марья только расфыркалась, как кошка, обрызганная из пульверизатора.

– Тебе просто хочется читать нотации, чтобы почувствовать власть хоть над кем-то. Мать тебя не слушает, перед остальными ты унижаешься сама, вот и отыгрываешься на мне.

Я задохнулась от возмущения, подбирая слова для очередной воспитательной отповеди, а Марья, пользуясь моментом, припечатала:

– Так всегда поступают ничтожества, и ты это сама понимаешь. Только смелости признаться себе не хватает!

– Слушай, – злым, свистящим шепотом ответила я, еле сдерживаясь, чтобы не опуститься до вульгарного рукоприкладства, – ты же помнишь, что я одна здесь зарабатываю! Я могу просто перестать тебя кормить!

– Старая угроза, – Марья все-таки обернулась и одарила меня насмешливым и глумливым взглядом. – Ты так часто это повторяешь, что уже не страшно. Придумай что-то новое!

Упрямства и хамства Марье хватало, чтобы переспорить кого угодно. Она даже с учителями не считалась и прямо в глаза им заявляла, если считала, что они не правы, а потом смеялась, когда те в бессильной злобе занижали ей оценки.

А выслушивать их истеричные претензии и краснеть приходилось мне.

– Трудная семья, – оправдывалась я, опустив взгляд, пряча след выматывающих бессонных ночей. – Сами понимаете, отец совсем недавно погиб, а Марья так сильно переживает его смерть! Я почти все время в университете, просто не успеваю с ней говорить. Вот она и прячется в книги. Вы понимаете, это всего лишь ее психологическая защита от горя!

Конечно, какое-то время ее жалели. Ровно до следующего хамства.

И все повторялось сначала.

– Неужели ты не понимаешь, – отчаянно пыталась я достучаться до ее разума, – что с обществом нужно нормально взаимодействовать? Да, где-то быть вежливой, наступив себе на горло, да, где-то придержать язык и промолчать, как бы ни хотелось высказаться! Может, хватит бодаться со всеми? Ты же только хуже себе делаешь!

Марья молчала, лениво переворачивая страницы очередной современной и кровавой сказки, в которую она погружалась с головой. Я еще пару минут постояла у нее за спиной, надеясь, что она снизойдет до ответа, но так и не дождалась. Вздохнув, поплелась на кухню: ужин сам себя не приготовит.

Уже в дверях меня догнал звонкий и злой голос Марьи, едва подрагивающий от напряжения:

– Уж лучше я буду нелюбимым изгоем, чем стану лебезить ради подачек!

Я вздрогнула всем телом. Будь у меня в руках чашка – непременно выпустила бы и разбила.

Однажды я сама так огрызнулась в очередном споре с отцом, а Марья, вечно крутящаяся поблизости Марья запомнила и вот сейчас швырнула мне в спину напоминание о том, что я сама забыла свои принципы и убеждения.

Я тихонько вздохнула, но отвечать не стала. Когда-нибудь она поймет, что такая принципиальность прощительна, когда тебе ни о ком, кроме себя, заботиться не надо. А как только ты взваливаешь на себя сизифов камень ответственности за другого человека, будь добр, запомни: сначала благополучие подопечного, и только потом – принципы.

Марья обязательно поняла бы меня. И простила.

Марь...

Светлые глаза, вечно растрепанные волосы, упрямо сжатые губы.

Я раздраженно хлопнула входной дверью, словно отрезая от себя все проблемы длинного, выматывающего дня. Сейчас я была дома, в своей крепости. Можно прислониться спиной к стене и, прикрыв глаза, медленно сползти на пол, переводя дыхание. Можно забраться с чаем и книгой в кресло, и ее страницы станут моим щитом от дамоклова меча грядущего дня.

Можно отдохнуть и набраться сил для очередной битвы с миром за благополучие моих родных.

– И чего расселась? – визгливо заблажила мать, выглянув из кухни. – Хочешь, чтоб об твои ноги все спотыкались?!

Я закрыла глаза, досчитала до десяти и медленно поднялась. Все в порядке. Сейчас я сделаю себе чай, закроюсь в комнате и отдохну. Нужно просто сделать еще одно усилие. Главное, не обращать внимание на мать, не ругаться с ней – ничем хорошим это не закончится, только сил потрачу столько, что уже только вечный отдых поможет.

Стоило мне упасть в кресло и расслабленно выдохнуть, чувствуя, как начинают ныть задубевшие мышцы, как мне на колени плюхнулась мелкая, жаждущая внимания.

– Чего тебе, пушистая? – не открывая глаз, поинтересовалась я замогильным голосом.

– А ты сегодня будешь шить? – Ее звонкий голос ввинчивался в голову, вызывая мигрень. – Можно, я помогу? Я умею! У нас уже был урок труда, и я выучила целых три стежка!

– Нет, пушистая, – я вздохнула, аккуратно спихивая назойливую младшую сестру с колен. – Не буду.

Она так удивилась, что покорно сползла на пол.

– А когда будешь? Ты же каждую осень кучу красивых платьев шьешь! Я тоже так хочу!

– Я больше не шью, – терпеливо принялась объяснять я, чуя, что иначе не знать мне покоя. – Я сейчас учусь и работаю, потому что маме плохо, а деньги у нас заканчиваются. А шить мне некогда.

Я постаралась подавить болезненный вдох. Объяснить то же самое ребятам в реконструкторском клубе оказалось сложно. Они смотрели на меня, как на предательницу.

– Слушай, – говорил, едва сдерживая крик, наш главный. – До фестиваля месяц. Без твоей помощи мы просто не успеем пошить все костюмы!

– Вадь, я все понимаю. Но я предупреждала, что уйду, предупреждала еще весной!

– Так помоги нам с костюмами и вали!

– Так заплатите мне за них, – огрызнулась я и тут же прикусила язык. Я не хотела говорить им, что дома уже которую неделю из еды пустые макароны, сестре к учебному году нужна новая форма, мать стремительно пропивает остатки денег, а студентам за работу платят копейки, даже если работать все свободное время, безжалостно выгрызая его у сна.

Мне было стыдно, невыносимо стыдно говорить о проблемах в семье, особенно о мамином алкоголизме. Я еще надеялась, что она успокоится, наконец, смирится со смертью отца и вспомнит, что в ее жизни еще есть мы.

Я не знаю, что должно было бы произойти, чтобы я вывалила грязное белье перед другими, пусть и считала их своими друзьями.

Чтобы как-то сгладить эффект от прошлой реплики, я уже мягче сказала:

– Вадим, поверь, я просто физически не успеваю вам помочь. Все что я могу, поискать кого-то другого.

Он только скривился и отмахнулся: иди, мол, без тебя найдем. Тогда было безумно обидно. Сейчас, невидящим взглядом пялясь в книгу и не разбирая ни строчки, я чувствовала себя виноватой и перед ними.

Из размышлений меня вывел очередной писк сестры, жаждущей внимания. Со вздохом я повернулась в ее сторону:

– Что случилось?

– Помоги мне с домашним заданием! – с улыбкой Марья протянула мне тетрадь с ровными рядами цифр. Я недовольно покосилась на часы: двенадцать минут из получаса, щедро оставленного на отдых, уже истекли.

– Ты сама не справишься? – безнадежно уточнила я, понимая, что общительная сестра не отстанет. Не к матери же ее посылать!

– Справлюсь! Но вдвоем веселее.

В последнем она ошиблась. Я старалась выгадать хоть пять минут перед очередным погружением в омут работы и объясняла примеры скупко, не отвлекаясь на шутки Марьи и щебечущую болтовню. Она быстро заскучала и, едва дождавшись, когда я решу ей задания, с обиженным вздохом заявила:

– Ты скучная!

– Я уставшая, – поправила ее я, глядя на часы. Читать уже не имело смысла, осталось только закрыть глаза и мысленно отсчитывать последние минуты отдыха.

Марья насупилась и отвернулась. Наверное, стоило обнять малышку и уверить, что я по-прежнему люблю ее и ценю, в конце концов, сестра у меня только одна. Но я просто не нашла в себе сил пошевелиться, пока требовательно не пропищал таймер.

Какие же у нее глаза? Светлые – серые или голубые?

Я тянулась от воспоминания к воспоминанию, они выцветали и рассыпались, как тонкая бумага от убийственного жара. Я перебирала их, как елочные шарики, когда-то разноцветные, но давно уже выцветшие, побелевшие. И они трескались под пальцами, рассыпались мелкими осколками, рая пальцы, ничего не оставляя после себя.

Ма...

Я всегда звала ее «пушистой» за волнистые волосы, окружающие круглое лицо темным одуванчиком. Расчесать малявку казалось подвигом: она ни минуты не могла просидеть на месте, постоянно вертелась и смеялась, а расческа намертво увязала в непослушных волосах. Некоторые проигрывали бой с прической Марьи с разгромным счетом, теряя в неравном бою зубцы.

Я возмущалась, когда родители, не спросив меня, решили обзавестись вторым ребенком. Я недовольно бурчала, когда младенец требовательно плакал по ночам. Но из сморщенного свертка странное существо, которое полагалось называть «сестра», превратилось в непоседливое и смешливое чудовище.

Она стала моей соратницей по играм и проказам, самой верной подругой и единственной хранительницей моих глупых детских тайн. Мы вместе нарушали запреты, исследовали заброшенные дома и играли в благородных разбойников. Я забывала, что Марья – младшая. Помнила только одно – сестра.

Я защищала ее, я учила ее, я вела ее.

А дуреху из соседнего двора, капризно заявившую, что якшаться с малолетками – глупо, мы оттащали за волосы вместе.

– Когда я вырасту, – нетерпеливо притоптывала ногой Марья, пока я заплетала непослушные лохмы в две косички, – я стану Марьей Искусницей, совсем-совсем как в сказках!

– Есть еще Марья Моревна.

– Не хочу быть Моревной! У нее муж дурак, раз Кощея выпустил. А у искусницы муж – царевич!

Я расфыркалась от едва сдерживаемого смеха.

– Рано тебе о мужьях думать, мелочь, – я затянула последнюю ленту и любя щелкнула сестру по затылку. – Нам сегодня еще Робин Гуда спасать, соседские пацаны без нас не справятся!

– Ура! – завопила мелкая и, вывернувшись у меня из рук, бросилась на улицу. Посмеиваясь, я шла за ней, насвистывая легкомысленную песенку.

Июльский полдень ослеплял, я щурилась, пытаюсь углядеть сестру в лабиринте дворов. Какое на ней было платье? Или она надела футболку?

От яркого света в уголках глаз выступили слезы, и зрение помутилось. Какого цвета ленты я вплела ей в косы?

Я сморгнула слезы, вытерла их кончиками пальцев, шершавыми и загрубевшими. Огляделась.

Ни двора, ни солнца, никого. Только густой, опутывающий туман, которым сложно и противно дышать. Он забивался в горло, как старый кисель, такой же липкий и тяжелый. Меня сразу начало потряхивать от холода.

С трудом поднявшись с земли, я сделала пару неуверенных шагов, покачиваясь, как пьяная. Тело плохо слушалось, словно окоченевшее. Сердце гулко бухало о ребра, пытаюсь разогреть, разогнать кровь, но обступающий туман подло крал даже крохи тепла.

Я не помнила, как заснула, и уж тем более не помнила, что мне снилось. Кажется, что-то приятное и светлое: после сна осталось легкое головокружение, ощущение ласки, воспоминание ребенка, которого нежно баюкает мать. Хотелось вернуться в этот сон, спрятаться в нем от промозглого холода и вездесущего тумана.

Я зажмурилась и сжала виски. Что-то волновало меня, беспокоило, щекотало разум, но я никак не могла сообразить, что же это, что меня берedit. Словно я забыла что-то безумно важное.

Я медленно шла сквозь туман, до боли в глазах вглядываясь в его мутные, зыбкие извивы, пытаюсь по силуэтам угадать, где я, как я оказалась в этом месте, что здесь ищу. Кажется, кого-то важного и родного. Кажется, я видела его во сне.

Но больше меня пугало четкое, отрезвляюще холодное осознание: кем бы он ни был, этот загадочный родной и близкий человек, я не хочу его находить.

Зачем я вообще пошла сюда его искать?

Что это за место?

Туман не рассеивался, только густел, он пах дымом и мокрой травой, грибами и отсыревшей древесиной. Хотелось закрыть глаза и представить, что я иду по лесу в пригороде, куда часто выбиралась на пикники (с кем? не помню). Вот еще пара шагов, и из-за деревьев, высоких, янтарных сосен, появится наша компания, теснящаяся у мангала. Я видела их как наяву, узнавала каждого, кроме одной девушки.

Девочки. Нескладного, хмурого подростка. Она почти все время сидела ко мне спиной, только оглянулась коротко и зло, когда я приблизилась с улыбкой и приветствием. Светлые глаза, пушистые,

спутанные волосы. Кто она? Почему мне нестерпимо хочется ее узнать?

Почему сердце начинает бешено колотиться, стоит мне нарисовать перед глазами ее образ?

– Ма... маррр... – я еле ворочала языком, подбирая звуки, как пароль к сейфу. Имя было знакомым, оно перекатывалось на языке, готовясь легко сорваться с него, прозвенеть и раствориться в воздухе. – Марррь... Марья!

Воспоминания накрыли меня лавиной, и я упала на землю, сдавливая голову, словно вес их был вполне ощутим. Я заставила себя думать только о дыхании, чтобы не свихнуться: вдох-выдох, горло дергается, словно от тошноты или подступающих рыданий, вдох-выдох. Когда унялась головная боль и перед глазами перестали расходиться цветные круги, я честно призналась себе: да, я действительно искренне не хочу найти Марью, не хочу, чтобы она вернулась в мою жизнь.

Но я должна: ведь она моя сестра.

В зародыше задавив подступающий истерический всхлип, я поднялась и шагнула вперед. Иллюзии и обиды осыпались с меня как шелуха, обнажая ядрышко, семя, забытое с детства, – привязанность к сестре. Мысли стали чисты и ясны, я больше не сомневалась ни в чувствах, ни в желаниях – впервые за долгое время. Я верила – еще не все потеряно, и темный лес – не более чем испытание и для меня, и для Марьи. Если мы выберемся отсюда, если я проведу ее сквозь мороки, туманы и трясины, то и с бедами и обидами мы справимся.

Мгла медленно светлела и расступалась, и чем сильнее становилась моя решимость пройти до конца путь через темный лес, тем ярче разгорался впереди свет, пока в огненном ореоле не проступил силуэт высокой девушки.

И у нее было мое лицо.

21. Очищающее пламя

– Я знаю, зачем ты пришла.

Ее голос был похож на потрескивание раскаленных углей или на птичий клекот, зарождающийся глубоко в груди. Звуки дрожали, дробились и не складывались в слова, но я все равно понимала ее.

Жар-птица не походила ни на птицу, ни на человека. Она была воплощенный огонь, яростный, ослепляющий, но здесь, в медленно погибающем осколке рая, он не мог ни осветить, ни согреть. Жар-птица полыхала, языки пламени – ее оперение – переливались багряным и золотым, но в паре метров от нее я не чувствовала ничего, кроме промозглого тумана и легкой мороси, оседающей на лице и одежде.

– И зачем же? – я скептически хмыкнула и скрестила руки, едва сдерживая желание с головой закутаться в плащ, скрыться от прожигающего взгляда жар-птицы.

– За путеводным светом.

На мгновение в огненном ореоле проступил человеческий силуэт, девушка, носящая мое лицо, как неподвижную маску из резного дерева, неумело повела плечами. В следующий миг снова огромная птица трепетала среди пламенного зарева.

Я только неопределенно хмыкнула. Огненная птица пугала меня, хотелось зажмуриться и с воплем бежать обратно, в густую черноту леса, к голодным скрипучим деревьям, тянущим к тебе узловатые ветки – только бы не оставаться здесь, лицом к лицу с жуткой птицей, воплощенным пламенем, в котором то и дело мелькает твое лицо.

– Ты всегда все знаешь? – Фраза прозвучала с неуместным вызовом и насмешкой, я снова за глупой бравадой пыталась скрыть пожирающий меня ужас.

Пламя отрицательно качнулось, снова затрещало.

– Мне ведомы лишь желания тех, кто ищет меня. Кто бы ни ступил на черную тропу в мой заброшенный сад, открывает мне свое сердце.

Я вспомнила скелет безымянной влюбленной девочки под комковатой землей и черными прелыми листьями, изувеченный костяк

ее сестры. Вспыхнул гнев, маленьким комочком пламени обжигая меня внутри, испепеляя страх, и дрожащим от злости голосом я выдохнула:

– Это ты решаешь, кому дойти до тебя, а кому сдохнуть и остаться гнить в лесу?

Огненная птица с большими печальными глазами чуть качнула головой, неуверенно шевельнула крыльями. Она сострадала каждому, кто решился шагнуть в черноту, кто мотыльком полетел к ее убийственному пламени. Она горевала и по девочке, чьи кости стали флейтой с горестным голосом, и по ее сестре, чье сердце оказалось чернее самого темного леса, и по тому безымянному, который кругами бродил по тропе, теряя силы, пока не опустился на листья иссушенной мумией. Она горевала и по мне, забывшей все и всех, продравшейся сквозь воспоминания и иллюзии – и, пожалуй, по мне она горевала больше.

Жар-птица оплакала бы нас всех, но огонь не умеет плакать.

Я поняла это, и гнев исчез, осыпался с меня пеплом, оставляя только усталость.

– Раз ты знаешь, что мне нужно твое перо, дай мне его.

Из пламени снова проступило мое лицо, отрешенное и безучастное.

– Оно нужно не тебе, – губы огненной девушки не шевелились, и мне все больше казалось, что я так и лежу на черной тропе, уже наполовину заметенная листьями, и мороки древнего леса сводят меня с ума. – Та, что отправила тебя за ним, все равно не извлечет из моего пера ни света, ни силы...

– Она обещала мне помощь взамен на него. Я принесу ей перо, а остальное – проблемы самой Василисы!

Жар-птица склонила голову, и на миг мне показалось, что в ее глазах мелькнула насмешка.

– Тогда ты его получишь.

Огненный силуэт взмахнул рукой, и из оперения птицы вырвался искристый язычок пламени, крошечный, как огонек свечи. Он опустился в лодочку моих ладоней коротким пером, красным, с золотистым окоемом, невыносимо ярким в густом и тяжелом сумраке сада.

– Спасибо, – зачарованно прошептала я, с трудом отводя глаза от чудесного перышка.

– Подожди. Чтобы пройти через подземное царство, его тени и обманы, одного пера будет мало.

«Да и то заберет Василиса», – мысленно продолжила я фразу, сразу мрачней. Ощущение чуда лопнуло, как слишком большой мыльный пузырь.

– Вряд ли ты согласишься сама проводить меня, – невесело пошутила я.

– Ты пришла за путеводным светом, – мое лицо в огненном ореоле неумело скопировало кривую усмешку. – И я дам его тебе.

– Вот так просто? – сразу насторожилась я. – Не попросишь ничего взамен, не отправишь к черту на рога за какой-нибудь неведомой безделушкой, не назначишь испытание?

Пламя взвыло и выросло до неба, ослепляя буйством света, и я успела проклясть себя за длинный и острый язык, прежде чем сообразила – жар-птица смеется.

Она метнулась ко мне и зависла перед лицом, глаза в глаза – и я, наконец, ощутила исходящий от нее жар, окутывающий, пробирающий насквозь, расплавляющий и создающий заново.

– Ты уже прошла его, – свистящий голос вплелся в мои мысли, став их частью, и я с ужасом осознала, что не могу уже разделить свои мысли и слова жар-птицы.

Я вскрикнула и отшатнулась, щуря глаза. Птица ждала, завернувшись в крылья, как в полыхающий плащ.

– Неужели ты надеялась не обжечься, схватившись за огонь?

Я с трудом перевела дыхание. Путеводный свет я понимала как нечто метафоричное и точно не материальное. Меньше всего мне хотелось, чтобы этот свет меня испепелил.

Я заставила себя вспомнить Марью, вспомнить весь путь по лесу, все испытания, все ужасы. Я слишком далеко зашла, чтобы потакать страху.

Так что я выпрямилась и улыбнулась жар-птице:

– Я готова.

Ко мне потянулась огненная девушка с моим лицом, тонкие пальцы поднялись к моей шее, но ямки между ключицами коснулся уже острый загнутый птичий коготь.

И пламя объяло весь мир.

Я была этим пламенем, я горела в нем, смотрела сквозь него, рассыпалась пеплом и восставала из пепла, каждой клеточкой, каждой мыслью проживая испепеляющую боль, выжигающую и очищающую.

Эта пытка длилась, и длилась, и длилась, вечность свернулась кольцом вокруг меня, закусила хвост и мудрыми, терпеливыми глазами змеи смотрела, как умирает прежняя личность со всеми страхами и обидами, как от нее остается только звенящая, трепещущая суть, древко стрелы, и как эта стрела заново обрастает зазубренным наконечником и ярким, огненно-алым оперением.

Ведь единственное пламя, способное очистить, – это пламя стыда.

Я лежала на земле, прижавшись щекой к мерзлой, покрытой иголочками инея траве. С трудом сфокусировав взгляд, я увидела над собой жар-птицу, потускневшую, как потухающее пламя.

Она просто перестала меня ослеплять.

Сумрак стал прозрачнее и светлее, словно близился рассвет, туман редел, легкой дымкой поднимался к небу. Я осторожно, с трудом поднялась, прислушиваясь к своему состоянию, чувствуя, что во мне изменилось что-то значимое, но так и не понимая что. Словно, наконец, исчез болезненный надлом, о котором я узнала, только когда он исцелился.

Внутри меня словно включили свет, и я видела все темные уголки, в которых копились черные мысли, усталость и озлобленность, все свои темные, тайные даже для меня самой стороны.

– Это и есть свет путеводный? – хрипло спросила я, сжимая и разжимая кулаки. Меня потряхивало. Перед глазами все двоилось, словно на мир бросили покрывало с рисунком, и очертания не совпали. Я знала, что вижу лес и его тень – Ирий, руины прекрасного сада, но не могла понять, откуда во мне это знание.

Может, мысли жар-птицы все еще были продолжением моих мыслей.

А может, только ее мысли во мне и остались.

– Да, – прошелестела она, щуря глаза-бусинки. – Мое перо – глупость, для тех, кто остался в Нави, оно ничем не отличается от гусяного. Оно не осветит ни ночной лес, ни царство мертвых. Путеводный свет нельзя вложить в чужую грудь, как в сосуд. Его можно только разбудить.

Я медленно вдохнула холодный кислородный воздух, понимая и принимая изменения в себе, свыкаясь с новой собой. Было волнительно и немного страшно.

– Где мои спутники? Если ты знаешь о каждом, кто ступил на черную тропу, то должна знать, что я пришла не одна.

– Спутники? – неуверенно повторила за мной жар-птица. – Ты пришла не одна, это верно. Молодой волк шел с тобой, и его судьба раздирала его изнутри. Он пришел ко мне и склонился предо мной, это верно.

– Когда это было? – взволнованно вскрикнула я. Я же понятия не имею, сколько времени блуждала в тумане, перебирая свои воспоминания, сколько времени меня жгло пламя жар-птицы. Вдруг шаман решил, что я погибла?

– Когда? Возможно, то было давно. Возможно, скоро случится, – жар-птица обернулась ко мне, улыбнулась, и на этот раз ее улыбка на моем лице не выглядела чужеродной. – Здесь нет времени. Когда бы вы ни покинули Ирий, вы сделаете это вместе.

Я облегченно перевела дух, едва удержавшись от неуместного «слава богу».

– А третий, охотник?

– С тобой не было третьего, – терпеливо повторила жар-птица. – Больше никто не шел по твоим следам.

– Но... – я вцепилась в волосы, снова чувствуя, как уходит земля из-под ног. – Но он же всегда был с нами?..

Жар-птица молчала.

Кто же шел позади меня по черной тропе, кто спорил с шаманом из-за костяной флейты? Кто спасал нас раньше, вел обходными путями, указывал тропы и давал подсказки? Исчез ли охотник только перед черной тропой или его вообще никогда не было?

Черт.

Это Ирий, сказала я себе. Здесь все – туманы, морок и сумрак, тени и обманы. Я и так уже слишком загостилась в погибшем саду жар-птицы, от которого остались только камни да пыль. Пора возвращаться.

Мне больше не нужны проводники – я сама знала путь, видела тонкую ниточку, тянущуюся из-под ног. Я видела, где туман

колеблется, как оборванная паутина на ветру, где сумрак светлеет и расступается, а деревья теряют зыбкие очертания.

Уже готовясь шагнуть в лес, к воротам золотого царства, я оглянулась на жар-птицу, погруженную в одиночество, словно в сон.

– Если ты знаешь все пути, если твое пламя способно провести через земли мертвых, через их пещеры и реки, почему ты все еще здесь? Почему тебе самой не восстать из пепла?

С гулом и шипением пламя снова рассмеялось.

– Потому что извечно я была здесь и останусь здесь, в своем саду, что бы ни случилось с миром за его стенами.

– Даже если никогда больше никто не придет?

– Здесь нет времени, а значит, нет и «никогда».

Она запела мне в спину, когда очертания Ирия уже стали истончаться и исчезать, и никто не мог бы сказать, была ли та песня радостной или печальной.

Я шагала и шагала, пока тихая мелодия не превратилась из песни огненной птицы в прерывистый плач флейты. С замиранием сердца я прибавила шаг. Шаман! Жар-птица не обманула, он рядом! Едва сдерживая глупую улыбку, я сорвалась на бег, желая заключить друга (брата!) в объятия.

Музыка не приближалась.

Я бежала до тех пор, пока в груди не закололо, а дыхание не начало вырываться из груди с хрипом. «Это лес, – гулко стучало у меня в висках вместе с кровью, – это все лес, это его обман, я же слышу, я чувствую, мой волк рядом, и это его флейта плачет о загубленной любви».

Я уперлась кулаками в колени, пытаюсь перевести дыхание. Тропа под ногами двоилась и петляла, но я различала тонкую поблескивающую нить, единственный верный путь среди паутины призрачных и ложных. Я чувствовала, что могу подцепить ее, уложить петель, свить в узор и заставить привести меня куда угодно. И, покорная моей воле, нить затрепетала, как паутина в искусных лапах паука, и повлекла меня вперед – к дворцу Василисы, где ярко сияло солнце, цвели алые маки и золотые яблоки тянули ветви деревьев к земле.

Лес покорно расступался передо мной, и я почти летела, чувствуя присутствие волка – совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Краем глаза я замечала его сторбленный силуэт, размытый и темный, словно отделенный от меня матовым толстым стеклом. Мой шаман возвращался из Ирия, лелея свою боль и свою судьбу, и слова, которые он не мог найти, звучали в тоскливой песне флейты.

В сад Василисы мы шагнули одновременно, когда стихла последняя нота песни, и, не глядя друг на друга, взяли за руки. Солнечная магия окутывала и согревала, но пламя в груди, разожженное жар-птицей, было сильнее. Буйство ярких цветов, от вызывающе красных маков до нежных небесных незабудок, ошеломляло, но после ослепляющих пламенных перьев жар-птицы казалось дымкой, обманом и сном.

Солнечная магия расползлась перед нами, как ветхая ткань под пальцами. Знала ли Василиса, на какую беду нас посылает? Знала ли золотая царица, с какой бедой мы вернемся?

Она встретила нас на пороге терема, взгляд ее был спокоен, а улыбка на холеном лице безмятежна. Коротким кивком она поприветствовала нас и молча посторонилась, пропуская в обеденную залу. Ее блеклые служанки жалась к стенам, словно пытаюсь врасти в них, снова стать деревьями и травой.

От предложенной трапезы я отмахнулась – меня потряхивало от волнения и нетерпения, хотелось вручить уже перо Василисе и потребовать свою плату. Сейчас, в шаге от своей цели, любая задержка казалась мне преступлением.

– Ты просила перо, царица, – отчеканила я, пристально глядя ей в глаза, словно бросая вызов. – И я достала его!

Я несла перо в сжатом кулаке, и мне казалось, что теплый нездешний свет пробивается между пальцев, словно просвечивает их насквозь. Я медленно разжала ладонь, успев испугаться на долю секунды – а вдруг все было лихорадочным бредом, и нет у меня пера?! – но оно лежало в руке, жесткое, колючее, яркое.

Маска безмятежности слетела с Василисы, с алчным огнем в глазах она подалась вперед, уже в самый последний момент сдержав себя. Хищно согнутые пальцы замерли, подрагивая, в паре сантиметров от моей ладони.

– Что ж, – медленно произнесла она, не отводя сосредоточенного взгляда от пера и пытаюсь восстановить самоконтроль, приличествующий царице, – я в тебе не разочаровалась. Ты смогла

совершить то, что считалось невозможным. Ты смогла сделать старую полузабытую небылицу былью.

– Мы смогли, – с нажимом поправила ее я, бросив теплый взгляд на шамана. Его состояние меня тревожило: после возвращения из Ирия он еще не сказал ни слова, сутулился и не поднимал голову, так что самые длинные пряди скрыли лицо. Его пальцы в моей руке были горячими, сухими и тонкими, такими тонкими, что я боялась сильнее сжать ладонь и ненароком сломать их.

«Я помогу ему, – пообещала я себе, привычным ударом по хребту умиряя поднявшую змеиную голову совесть, – потом. Сначала Марья».

– Да, – уже спокойно, с прежней выводящей из себя насмешкой, согласилась Василиса. – Вы смогли. Даже странно, что вы, богоподобные герои, живые в царстве мертвых тоскующих душ, просите моей помощи в пустяковом деле. Но слово мое крепко, я помогу вам. Пусть видят все: золотая царица не отказывается от обещаний.

Двумя пальчиками она аккуратно подцепила перо и, прежде чем я успела опомниться и понять, что она делает, проглотила его.

Что ж, приятного аппетита, Василиса. Боюсь, вместо путеводного света ты получишь только несварение.

– Моя книга ответит на три ваших вопроса, – с трудом сглотнув, хриловато произнесла Василиса, даже не поморщившись, пока перо царапало ей горло, проваливаясь в желудок. – Выбирайте их осторожно, другой попытки я вам не дам.

Я вздохнула – вот она, ловушка, которую я все ждала, подозревала на каждом шагу, копила силы, чтобы вырваться из нее и перехитрить всех, и все равно оказалась не готова.

Пока она вела нас в свои покои, я напряженно прокручивала разные варианты вопросов, пытаюсь угадать, где именно книга сможет меня подловить и дать правильный, но совершенно бессмысленный ответ. Сдавшись, я шепнула волку:

– Три ответа у нас на двоих. Может, хочешь спросить о чем-то?

Он как-то странно, судорожно дернул головой и, кажется, только крепче сжал губы – я не была уверена, что верно разглядела его гримасу сквозь завесу волос.

Я могла поклясться, что мы ни на ступеньку не спустились, но стены постепенно из деревянных сделались каменными, влажными и холодными, а в спертom воздухе появился тонкий запах плесени и гнили. Я поежилась: могильный холод покалывал ступни даже сквозь плотную подошву. Меня охватил страх, всеобъемлющий и необъяснимый, как когда-то в капище, в которое я провалилась в самом начале пути. Я думала, что уже забыла этот эпизод, случившийся целую жизнь назад, но нет, тело помнило этот всеобъятный ужас, и меня трясло так, что я даже самой себе не могла соврать, что это от холода.

Шаман нежно сжал мои пальцы, подбадривая и утешая. Это слабо помогло: свет обжигал меня изнутри и тянул вперед, как бусину по нити, заставляя отрешиться от страха, игнорировать его, как я всегда игнорировала свою усталость, боль, слабость.

В круглой крипте, похожей одновременно и на храм забытому богу, и на могилу проклятого чудовища, Василиса остановилась. Меньше всего это место походило на святая святых золотой царицы, подчинившей себе солнечный свет. Здесь, в могильном холоде могла бы найти источник силы средняя из сестер, серебряная княгиня, жадная до чужой крови и смерти.

Василиса потушила сияющий шар в руке и отступила в густую тьму, плотную и дышащую.

– Спрашивай, – ее голос звучал отчужденно и неестественно, словно ей больше не принадлежал.

Я нервно облизнула губы, набрала в грудь воздуха. Для меня не было непроглядной тьмы – путеводный свет, что обжигающим шаром ворочался рядом с сердцем, с беспощадным равнодушием высвечивал все детали. Я видела каждый камень, каждую трепещущую паутинку. Я видела книгу: огромные каменные глыбы с угловатыми знаками, от одного взгляда на которые начинала пульсировать кровь в висках, истрепанная береста, мелко исписанная неровными строками, мелкие дощечки со спиральными узорами. Знания, место которым – в могильном холоде, в густой темноте забвения.

И Василиса добровольно отдалась им в прямом смысле этого слова: сейчас она вручила им свое тело, как марионетку, громкоговоритель для бесплотного эха тех, кто когда-то оставил жуткие письма.

Сглотнув, я решительно спросила, пока не успела одуматься:

– Где моя сестра?

Распахнутые глаза золотой царицы неподвижно смотрели в точку над моей головой, рот конвульсивно дергался, и звуки, которые из него издавались, меньше всего походили на речь всегда самоуверенной и жесткой Василисы.

– Она спит подо льдом среди камней и небес, в прозрачном кристалле, в милосердном покое.

Я скрипнула зубами, понимая, что как бы я ни составляла вопросы, как бы ни пыталась избежать двусмысленных ответов, меня все равно перехитрили.

А может, те твари, что шевелили сейчас языком Василисы, просто не могли изъясняться иначе.

Я вздохнула и попыталась еще раз:

– Как мне ее найти?

– Огонь, охвативший перо, высветит след на земле.

Я едва не застонала от злости. Нет, книга действительно отвечала так не со зла – да и вряд ли у нее вообще было желание обмануть меня и насмеяться надо мной! Просто она говорила, как могла, облакала свои странные знания, чудовищные образы в слова, которые хранились в разуме Василисы. Может, сама она после транса сможет истолковать их вернее.

Оставался последний вопрос, последняя ниточка, а я так ничего толком и не узнала. Я оглянулась на шамана в поисках поддержки, но он все так же горбился и смотрел в пол. Я зажмурилась, надеясь, что меня озарит, что верный вопрос сам сорвется с кончика языка, но ничего не происходило. В голове по-прежнему царила звенящая пустота, смешанная с паникой и отчаянием.

Неосознанно я оглянулась за левое плечо, где раньше всегда стоял охотник. Не знаю, зачем я это сделала – подсказчик из него тоже так себе. Может, мне просто не хватало его ироничной улыбки перед шагом в пропасть. Может, мне не хватало, чтобы он меня в эту пропасть толкнул.

Я закрыла глаза, досчитала до десяти, снова облизала губы. В голове вертелся всего один вопрос, глупый и неуместный, даже не связанный с сестрой. Спросить бы, как мне заново заслужить ее

доверие, как склеить из крошева подобие семьи, как исцелить ее от той боли, которую во мне самой выжег путеводный свет.

Но я выпалила на едином дыхании, уже не осознавая, что нарушаю правила:

– Где охотник, как он исчез и кто он такой?!

Ответа не было.

Василиса подергивалась, как кукла на ниточках, дышала неровно и с натугой, словно силам, которые ею овладели, приходилось управлять легкими так же, как ртом царицы, сознательно заставляя ее вбирать воздух. Интересно, если они отвлекутся и забудут, что человеческому телу нужно дышать, она задохнется?

Я уже не надеялась, что книга ответит на эти вопросы или хотя бы на один из них, когда Василиса медленно заговорила, еле двигая губами:

– Он ходит по тропам, запретным другим, на земле и в небесах, рядом с тобой и рядом с твоей сестрой.

Когда прозвучало последнее слово, Василиса, закатив глаза, мешком осела на камни. Я бросилась к ней и помогла подняться, пока она кашляла и терла слезящиеся покрасневшие глаза. Ее потряхивало сильнее, чем меня на пути сюда, и до меня, наконец, дошло: золотая царица боялась ничуть не меньше, только, в отличие от меня, ее страх не был неосознанным и беспочвенным. Она прекрасно знала, на что идет и чем рискует.

Восстановив дыхание, она почти бегом бросилась к выходу из святилища, даже не глядя, идем ли мы за ней. Только покинув каменную чашу крипты, она зажгла колдовской огонек, тусклый и мигающий, как перегорающая лампочка.

– Надеюсь, ответы тебя устроили.

Несмотря на истязания, сказано это было таким беспрекословным тоном, что становилось ясно – отрицательного ответа она не потерпит. Но я все же рискнула:

– Ответы я получила. Но теперь бы хотелось расшифровать их. Честно признаться, я не совсем поняла, что книга имела в виду.

– Это только твоя беда, – отрезала царица, не оборачиваясь. – Я предупреждала, что с вопросами стоит быть осторожнее, не моя вина, что теперь ты не можешь понять то, что книга тебе ответила.

Я только зашипела сквозь зубы.

Из терема нас выставили сразу, на этот раз не предложив ни трапезы, ни ночлега. Я чувствовала себя обманутой и использованной: ответы книги только еще больше все запутали. С другой стороны, я Василису тоже не предупредила, что перо абсолютно бесполезно.

И, пожалуй, когда она сама это узнает, нам лучше оказаться как можно дальше.

22. Открой глаза

Пока мы спешно уходили от ворот золотого города, почти бежали, я еще ломала голову над ответами книги, но на привале мне стало не до них. Шаман все чаще спотыкался, брел, подволакивая ноги, как старик или зомби, дышал тяжело и медленно. Я решила не ждать, когда он свалится, и на первой же полянке, где золотая нить тропы свивалась в плотный клубок, усадила его на землю.

Волк так и не поднял головы, даже сгорбился еще сильнее, словно пытался свернуться, как ежик: мягким беззащитным брюхом внутрь и иголками – наружу. Даже ладони прижал к животу, но я успела заметить, как потемнела на них кожа, высохла и покрылась пигментными пятнами, как у древнего старца.

– Не бойся, – произнесла с нажимом, – что бы с тобой ни случилось, я тебя не оставлю. Но как я смогу помочь, если ты просто не говоришь мне, что именно с тобой стряслось?

– Хотел бы я знать, – невесело вздохнул волк. По спине словно ток пробежал: его голос, как и прежде, звучал низко и хрипло, но звериные, рычащие нотки из него исчезли. Не узнать голос нареченного брата я не могла, но теперь даже в мыслях язык не поворачивался назвать его волком.

– Что... – едва слышно выдохнула я, холодея от жуткого осознания, – что ты попросил у жар-птицы?

Он откинул волосы с лица и, наконец, поднял глаза, слезящиеся, в красных прожилках, с потемневшими тяжелыми веками и с сеточкой морщин в уголках:

– Себя.

Я смогла подавить крик, колючкой застрявший в горле, но совладать с лицом – уже нет. Прижав ладони ко рту и жалко заломив брови, я беспомощно разглядывала постаревшее лицо шамана, покрытое глубокими морщинами, словно бороздами. И, как в насмешку над проступившим возрастом, его волосы оставались черными, всего с парой серебристых нитей седины.

Впрочем, внезапно подкравшейся старостью можно шокировать, но не напугать.

Мой шаман даже стариком остался бы статным мужчиной, если бы не пробившиеся сквозь кожу кристаллы камней, ассиметричным рисунком уродовавшие лицо. Друзы крошечных колючих кристаллов выростали над бровями, сроски длинных, мутных игл прорвали кожу на скулах, и вокруг них неопытным околом запеклась кровь. Его кости, его внутренности покрывались каменной коркой, стремительно разрастающейся, разрывающей плоть и причиняющей дикую боль.

Каково чувствовать себя слабым и бесполезным стариком?

Каково чувствовать, как сквозь тебя прорастают кристаллы кварца и раухтопаза, мориона и аметиста, сковывая движения, ослабляя и без того предавший тебя организм?

Господи, подумала я, но сказала совсем другое, вымещая панику и беспомощность в паре крепких выражений, которые слышала когда-то от собутыльников матери.

Господи, подумала я, успокоившись, что же мне делать? И можно ли что-то поделать? И...

Надо ли?

– Это и есть ты? – осторожно подбирая слова, спросила я севшим голосом. – Это и есть твоя судьба?

– Да.

Он едва шевелил губами, чтобы не разодрать кожу об острые кристаллы.

– Это я. Это то, от чего я отмахивался и отрекался, теперь берет свою плату. Это мои песочные часы: когда кристаллы в груди выростут и пробьют сердце, выйдут наружу...

Он захлебнулся словами, замолчал и отвел глаза, чтобы не пугать меня безнадежным «тогда я умру». Я всхлипнула, переживая его ужас, как свой собственный.

– Но возраст?

– Это мой возраст. Мой настоящий. Жар-птица показала мне меня. Показала истощенное тело в паутине каких-то трубок. Я старик, сестрица, – он резко замолчал, успокаиваясь, затем заговорил отрывисто и быстро, выплескивая на меня свой страх, отчаяние и неверие: – Я же помню себя, помню молодым, я думал, вся жизнь передо мной. Духи не прощают, они отомстили. Они просто отобрали у меня жизнь. Отобрали все: и семью, и знакомый мир, и будущее. Они же знали, знали, что все равно я приду к ним. Я же... шаман, –

последнее слово он выплюнул с ненавистью и обхватил себя руками, стараясь согреться, удержать себя, не потерять себя от всепоглощающего отчаяния.

А я осторожно обнимала его, опасаясь причинить боль, шептала что-то утешающее, чуть ли не качала, как ребенка, остро чувствуя его одиночество. Наконец, шаман вздохнул:

– Духи правы. Они всегда правы. Я сам виноват: я променял призвание на символическую любовь отца. Я отшвырнул великий дар, как жалкую подачку. Я струсил, когда меня поставили перед испытанием. Есть вещи, которые не прощают, есть вещи, которые не исправить. И я их совершил.

Он замолчал, и тишина улеглась тяжелая и неподвижная, она опустилась на нас плотной подушкой, забила в рот и нос свалывшейся ватой так, что дышать приходилось с трудом. Даже лес замолчал, замер, слушая исповедь шамана, принимая его покаяние, ожидая его искупления.

Когда напряжение стало ощутимым и завязло на зубах смолой, шаман встряхнулся и скинул мои руки.

– У меня мало времени, сестрица, – сказал он, глядя мне в глаза. – Я не знаю, в чем мое испытание, и умру, не успев этого узнать. И если я могу помочь тебе в поисках сестры, то давай сделаем так, чтобы мы успели это. Тогда хоть что-то согреет меня перед смертью.

Я коротко кивнула, с усилием проводя по глазам и стирая пелену сводящего с ума отчаяния. Пора сосредоточиться, вспомнить о Марье и разгадать эти чертовы загадки книги, которые она выдала за ответы.

– Ты вместе со мной слышал ответы книги, – с трудом переключилась я на деловой тон, голос хрипел и подрагивал, – есть предположения, что это может быть?

– Спит подо льдом в кристалле, – задумчиво принялся вспоминать шаман, веточкой чертя на земле треугольники и спирали. – Среди камней и небес.

– Мне приходит в голову только спящая красавица в хрустальном гробу. Но, боюсь, до ее пещеры придется долго карабкаться.

– Если это где-то высоко в горах, то, возможно, книга имела в виду гнездо Финиста.

Я поморщилась, как от зубной боли, услышав ненавистное имя.

– Ну и как же тогда найти его гнездо? Желательно, чтоб его самого там не было. Я, конечно, жажду выщипать ему все перья и свернуть тощую облезлую шею, но я почти абсолютно уверена, что скорее это он свернет шею мне.

– Перо, – напомнил шаман. – Она сказала сжечь перо.

В который раз прокляв свою дырявую голову, я полезла за пазуху. Ведь еще Яга наставляла: не потеряй перо, дура, оно приведет тебя к Марье. Но я посеяла перо в черных водах, в водовороте и тугих объятиях великой змеи. А после золотого царства оно снова оказалось у меня, кололось и щекотало кожу, навязчиво напоминая о себе. Вряд ли оно вернулось само – в такие чудеса и подарки судьбы я не верю. Скорее, некая сила, жаждущая, чтобы я нашла путь к Марье, подбросила его обратно, пока я спала.

Но кто, кто мог это быть? Великая змея, загадочная и снисходительная? Василиса, которая послала нас на смерть? Яга, запершаяся на самой границе и не желающая ничего, кроме этой границы, видеть? Охотник, который всегда появлялся вовремя и знал гораздо больше, чем говорил?

– Нет, я все-таки дура, – безнадежно вздохнула я, закрывая глаза и откидываясь на ствол дерева. В шелесте листьев, в поскрипывании ветвей слышалось что-то насмешливое и злобное.

Жар-птица разожгла во мне свет, и теперь я сама себе фонарь, огонь путеводный, и мне не нужны ни проводники, ни подсказки. Навь покорно стелется под ноги, твари ее бегут прочь от испепеляющего света, а я только на золотые нити троп люблюсь, чтобы с пути не сбиться, тьфу! Я похожа на прозревшего слепца, который так и ходит с черной повязкой на глазах, из страха, косности и неверия не желая стянуть ее и увидеть мир.

Похолодевшими, негнушимися пальцами я полезла за пазуху. Надеюсь, я не потеряла перо на черной тропе. Надеюсь, его не испепелило пламя жар-птицы. Надеюсь, я права в своем озарении.

Ведь, кроме надежды, у меня ничего нет, но под сенью дикого леса, мертвого леса, где ядовитые ягоды сами катятся в руки, а ловчие лозы так и норовят удавкой захлестнуть шею, надежды более чем достаточно, чтобы выжить и не сойти с ума, не присоединиться к скрипучим соснам с проступающими на коре лицами, измученными нескончаемой болью.

– Никто не приведет меня к Марье, если это не сделаю я сама, – отчетливо произнесла я, не открывая глаз.

Соколиное черно-серое перо на моей ладони осыпалось пеплом, мелкими бесцветными крупинками просочилось сквозь пальцы и упало в землю, в переплетение золотых нитей, в их клубок.

Я больше не доверяла зрению и не спешила открывать глаза, и не знала, как это выглядело в реальности. Я видела сквозь веки, как золото пути жадно впитало в себя эти крохи, мертвую, коварную суть пера, вобрало в себя, вплело в себя, на глазах изменяясь. Теперь не тонкая нить убегала вперед, теряясь в густой тени деревьев, а толстая веревка, надежная, ослепительно-золотая, тянула меня за собой, прокладывая верный путь там, где раньше чернел бурелом.

Я схватила шамана за руку и потянула за собой, спеша шагнуть на новую дорогу, пока она не исчезла. Страх – единственное, что мне не удавалось изжить, выжечь светом.

Наверное, последнее я ляпнула вслух, потому что шаман из-за спины тихо ответил:

– Там, где есть свет, сестрица, всегда будет тень. И пока ты надеешься, ты всегда будешь бояться, что надежда твоя лжива.

Я только согласно всхлипнула – от волнения грудь сдавило так, что воздуха не хватало.

Кажется, где-то далеко снова кричал Финист, но теперь я не ощутила паники: под ногами звенела золотая нить, и ее песня заглушала прочие звуки.

Большого труда стоило не сорваться на бег. Но буду честна перед собой: не из сострадания к возрасту шамана, к его боли я подстраивалась под его неторопливый шаг, о нет! Если бы бег мог приблизить встречу с сестрой, то я бежала бы, не чуя ног, не жалея себя, задыхаясь и едва касаясь земли пальцами! Но у золотой дороги были свои законы.

Когда я все-таки открыла глаза, поверив, что путеводная нить никуда не исчезнет, мы уже шли по лугу, где травы в человеческий рост покачивали сухими соцветиями. Пейзаж менялся так быстро и плавно, что я даже не замечала этого: вот снова мы вошли в сосновый бор, светлый и голый, белый песок хрустывал под ногами, а выбеленные стволы поднимались к небу изогнутыми ребрами неведомого великана. Вот дорога снова стала кривой и каменистой, ощерилась обрывами, а

деревья вокруг все ниже и ниже сгибались к земле, пока не сменились ползучим кустарником, сухим и цепко хранящим среди веточек и колочек мелкие черепа и кости. Похолодало, изо рта вырывался густой белый пар, он принимал причудливые фантазмагорические очертания, а на камнях сверкали иголки изморози.

Теперь я видела Навь без всех ее мороков, такой, какая она есть: голой, мертвой, голодной. И как шаману хватило сил не сойти с ума, не вырвать себе глаза, если он никак не мог отгородиться от этой мертвой, мерзлой жути?

Огромных сил мне стоило идти дальше и не закрывать глаза.

Я сорвала звездочку эдельвейса, обернулась и улыбнулась шаману, словно пьяная:

– Мы уже рядом.

– Не спеши так.

С оглушающим звоном песня золотой дороги оборвалась.

Передо мной стоял охотник, ветер сорвал с него капюшон, и волосы, черные с проседью, сероватые, словно присыпанные пеплом, хлестали его по лицу. Белые неподвижные глаза смотрели на меня, я в этом не сомневалась.

– Охотник? – испуганно прошептала я, не веря своим глазам и отмахиваясь от панических, жутких догадок. – Что ты здесь делаешь?

Вопрос был так банален и глуп, что я поспешила исправиться:

– Как ты выбрался с черной тропы? Ты же был с нами! Но жар-птица сказала...

Он едва заметно поморщился, и я тут же замолчала. От былой уверенности не осталось и следа. Шаман, даром что полностью утратил волчью сущность, с угрозой зарычал из-за спины.

– Я так и знал, что эта пестрая курица распутит язык, – недовольно фыркнул охотник, вызываясь, с издевкой, улыбаясь.

Я только беспомощно моргала, отказываясь понимать, что происходит.

– Тебе лучше объясниться, тварь леса, – рыкнул шаман, оттесняя меня к себе за спину. – Или убраться с нашего пути!

Охотник пропустил мимо ушей его слова, не отводя от меня жуткого невидящего взгляда.

– Неужели ты еще не догадалась? – насмехался он. – Забралась так далеко, а головоломку не сложила. Ну же, девочка, думай! Не

вынуждай меня в тебе разочароваться!

Я выдохнула сквозь зубы. Когда мне намекали практически прямым текстом, глупо было и дальше цепляться за неведение, с усилием натягивать обратно на глаза черную повязку, когда уже ясно видишь ответ.

Я сглотнула, пытаюсь совладать с голосом, и спокойно, очень холодно (холоднее были только вечные льды да дыхание космоса) произнесла:

– Здравствуй, Финист.

Он издевательски поклонился, словно не замечая угрожающий взгляд шамана, а я кусала губы и спрашивала себя, почему раньше не замечала, что у охотника – слепые глаза огромной птицы, моего ночного кошмара? Почему отказывалась замечать?

– И что теперь? – тихо спросила я, сжимая кулаки и чувствуя, как ногти вдавливаются в кожу. – Скинешь нас вниз, в пропасть? Рассмеешься и унесешь Марию в другую пещеру?

– О нет, – Финист улыбнулся. Лицо прежнее и улыбка прежняя, как у охотника. Но охотнику я улыбнулась бы в ответ, чувствуя его поддержку и защиту, а в ответ на улыбку сокола еще сильнее заледенела внутри. – Я даже провожу тебя к твоей сестрице, а по пути отвечу на вопросы. Я уверен, у тебя накопилось их много.

Он сделал приглашающий жест, поманил за собой. Я скрипнула зубами: золотая нить вела вперед, и не было другого пути без лицемерного Финиста.

– Это может быть ловушка, – шепнул шаман, но покорно отступил с дороги, не удерживая меня.

– Даже если так, там слишком ценная для меня приманка, – я криво улыбнулась и ровным шагом двинулась за Финистом.

Мы шли в молчании, только камушки с шорохом катились из-под ног да скрипела наледь. Горы вокруг нас тянулись выше и выше, пока не скрыли своими черными безжизненными телами небо. Ни снега, ни травы не было на них, только глубокие трещины рассекали черный, точно опаленным яростным пламенем камень.

Воздух горчил, словно здесь еще витал запах гари. Я сморщилась и потерла нос тыльной стороной ладони, тщетно уверяя себя, что это всего лишь разыгравшееся воображение.

У зева пещеры, черного даже на фоне оплавившегося камня, Финист остановился.

– Неужели тебе совсем нечего спросить у меня?

– Как ты выбрался с черной тропы? – отчеканила я, пристально глядя в его лицо и мечтая ногтями содрать его издевательскую ухмылку.

– Я же тварь леса, моя дорогая, ты забыла? Я позвал, и Лес вытащил меня, вытянул к своим корням и папоротникам.

Я обхватила себя за плечи, пытаюсь сдержать нервную дрожь.

– Но зачем ты тогда напросился со мной, если не собирался идти до конца?

– Хотел быть уверенным, что ты доберешься до жар-птицы и раздобудешь свет, который проведет сквозь подземное царство, вотчину Кощея.

Кощея? Я запретила себе думать об этом.

– А Василиса? – требовательно продолжила я, пытаюсь разобраться во лжи, опутавшей охотника плотным коконом.

Финист пожал плечами:

– Не одобряет мои методы со всей силой своего огненного характера.

– Подводная хозяйка?..

– Моя давняя должница и просто умная женщина. Сразу разгадала мой замысел и подыграла мне.

Я плотно сжала губы, пытаюсь на кончике языка удержать последний рвущийся вопрос. Что-то мне подсказывало, что ответ мне лучше не знать.

Финист неторопливо пошарил за камнями у входа в пещеру, из тайника вытащил факел и огниво.

– Ну? – усмехнулся сокол, чиркая кресалом. – Спрашивай уже.

– Зачем... – я облизала губы, тут же заледеневшие на ветру. Слова ворочались в голове, но никак не выстраивались в осмысленный вопрос. – Ты все время был рядом, все время помогал и спасал... Почему ты раньше не сказал, кто ты? Почему сразу не отвел к Марье, зачем она тебе?!

На последних словах я почти кричала в его спокойное лицо. Шаман, пытаюсь меня успокоить, положил ладони мне на плечи, согревая и удерживая на месте.

– А ты бы поверила? – невесело усмехнулся Финист, и странная, непонятная злоба на мгновение исказила его черты. Но злился он словно не на меня. – А поверив, пошла бы за мной? Не за охотником – за Финистом, злобной тварью, похитителем сестры? Мне было необходимо, чтобы ты живой добралась до своей драгоценной Марьи, прошла через темный лес, его испытания и обманы, и я обеспечил это, хоть и пришлось сопровождать тебя почти неотступно. Ты же, как нарочно, шла через самые темные места, лезла в пасть к самым опасным тварям! – Он говорил яростно, иступленно, словно убеждал самого себя, пытался улыбаться, и меж тонких губ то и дело мелькали мелкие и острые зубы. – Я даже заподозрил, что ты разгадала мой замысел и пытаешься разрушить его, убив себя самым замысловатым способом.

Я скрипнула зубами на такое предположение.

– Я искала Марью. Как могла. Как умела. Если тебе что-то не нравилось, то что тебе мешало сразу дать мне подсказку? Сразу отправить меня к жар-птице?

Финист довольно расхохотался. Он шагнул ко мне, кончиками пальцев нежно коснулся щеки. Я едва сдержалась, чтобы не отшатнуться или не ударить его.

– Моя милая, моя глупая, ты до сих пор думаешь, что по всему Навьему царству, по всему темному лесу ты искала свою сестру? Нет, моя дорогая, ты искала себя.

Он поднял факел и поманил нас к зеву пещеры.

– Не хочешь побыстрее встретиться со своей сестрицей?

Финист излучал дружелюбие, убийственное, как радиация.

Я медленно пошла за ним, пытаюсь успокоиться. В конце концов, нужно иметь смелость признаться: до бешенства и кровавой пелены в глазах меня довел не Финист, а осознание, что меня обманывали и использовали, а я, дура такая, и не заметила бы, если б меня носом не ткнули.

Своды пещеры были гладкие, словно отполированные чешуйчатými боками огромной рептилии. Сквозь серый камень змеились тонкие жилы минералов, отражающих неподвижное пламя факела. С каждым шагом становилось холоднее и страшнее, будто я приближалась к чему-то жуткому и хищному, а все инстинкты требовали развернуться и дать деру. Но позади шел шаман, мой шаман,

отдающий свое истекающее время ради спасения Марьи, и я просто не имела права сдать его и подвести его.

– Ты не ответил на один из вопросов, – тихо напомнила я Финисту, когда от страха и пронизывающего холода начали стучать зубы. – Зачем вообще тебе потребовалось похищать Марью? Почему именно ее?

Раздался короткий смешок.

– Я ответил. Ты, живая, должна была прийти за ней, забрать ее и вывести обратно, в мир живых. А вместе с ней и меня. Мы, мертвые, знаешь ли, – он тихо фыркнул, – только о том и думаем, как бы выбраться отсюда. Зачем, по-твоему, Василиса просила перо?

– Оно все равно ей не поможет.

– О, дорогая, знала бы ты, как веселит мое птичье сердце эта радостная весть!

– Почему же ты не использовал меня? – недобро спросил шаман. – Приманки не нашлось?

– Глупый юнец, состарившийся под подолом у Яги, – пренебрежительно отозвался Финист, передергивая плечами. Пламя факела колыхнулось, отбросило на стены гротескные тени. – Ты трусил в дверь нос высунуть, не то что пройти через лес. Честно говоря, я ожидал, что ты и сгниешь там же.

– Почему ты так уверен, что я захочу куда-то тебя выводить? – выверилась я, сжимая кулаки. В голове все настойчивее крутилось, что Финист так доверчиво повернулся ко мне спиной, что будет достаточно всего одного удара...

– Потому что у тебя нет выбора, дорогая. И не смотри так алчно в мою спину, навредить мне ты все равно не сможешь.

– Как же ты тогда прилетал к нам, тварь леса? – припомнила я. – Ты же и без меня можешь выбраться в наш мир!

Он обернулся, приподнял факел, чтобы свет падал на его лицо.

– Нет, – серьезно сказал он, и в этот раз в его голосе не было ни злобы, ни насмешки. – Твоя сестра нашла мои перья и призвала меня. Не знаю, как у нее это получилось, но я безумно благодарен ей, что она смогла. Я тварь леса и его пленник, но иногда мне удается договориться с ветром. Я раз за разом выдираю перья – ты помнишь, как их мало на моих крыльях? – раз за разом отпускаю их в мир живых. Каждый раз боюсь, что лес почует мой обман и сожрет мою

суть. Каждый раз жду неизвестно чего, хоть и понимаю, что надеяться глупо. А когда надежда сменилась отчаянием, твоя сестра позвала меня, и я пришел.

Он выдохнул и прикрыл глаза, словно эта короткая речь вымотала его.

– Ты же понимаешь, – продолжил он, криво улыбаясь, – я не мог не воспользоваться шансом. Особенно когда увидел, что у Марьи есть сестра, самоотверженно умирающая ради ее призрачного блага. И я подумал: если она так хочет умереть, пусть умирает во имя моей цели. Ведь если все удастся (а все почти удалось!), то ей самой же будет лучше. – Взгляд затянутых бельмами глаз булавками впился в мое лицо. – *Разве не так?*

Я молча покачала головой. Сейчас я ощущала, словно из меня рывком выдернули стержень. Вроде еще стою на ногах, но через пару минут скомканной тряпкой осяду на пол.

– Хватит, – всхлипнула я и оттолкнула Финиста с дороги. Тьма, густая и холодная, мне не мешала. Меня все еще вела золотая нить, и как наяву я видела впереди сияющий образ Марьи.

Чуть посветлело, и последние метры я почти бежала. Дыхание вырывалось изо рта паром, от мороза начало ломить пальцы. Свод пещеры поднимался все выше и выше, пока не раскололся, обнажив блеклую полосу неба, затянутого серыми тучами. На голову падали редкие крупные снежинки.

Обвал скосил своды пещеры, крупные валуны раскатились во все стороны. Среди них слабо мерцал огромный кусок то ли льда, то ли горного хрусталя, отражая блеклый рассеянный свет. Снежинки не таяли на его гранях.

Я едва не споткнулась и дальше пошла медленно, до боли в глазах вглядываясь в мутную глубь кристалла. Там что-то темнело: может, просто кусок породы, а может...

Марья.

Я провела по гладкой, отполированной до стеклянного блеска грани кристалла, словно стирая наледь с окна, но он все равно остался мутным. Я не могла разглядеть детали, только размытый, скованный туманом силуэт.

Сестра спала, как дома, раскинувшись внутри кристалла как на самой мягкой кровати, волосы разметались вокруг бледного лица. Она

не дышала.

– Не волнуйся, – с жалостью сказал Финист, глядя, как с тихим отчаянным воем я пытаюсь царапать ледяные грани. – Она жива. Я умею быть благодарным. Я просто не мог допустить, чтобы с ней что-то случилось, чтобы ненасытный лес до нее добрался.

– Да, – тихо подтвердил шаман, – она жива. Я вижу, дух ее не покинул тело. Тебе нужно только разбудить ее.

– Как жаль, что я не прекрасный принц, – с сарказмом всхлипнула я, утирая слезы. Пояс Яги предупреждающе покалывал, но я игнорировала робкие и слабые иглы боли.

– Вытащи ее, – попросила я Финиста, но он только головой покачал.

– Если б эти чары так легко можно было снять, они не уберегли бы твою сестру от леса и его навий. Но ты живая. Тебе это будет под силу.

В этот момент в нем больше было от охотника, чем от мертвой птицы, но я запретила себе это замечать.

Прижавшись лбом ко льду, я закрыла глаза, чтобы не видеть застывший силуэт сестры. Как мне спасти ее? Как вытащить из этой то ли ледяной, то ли каменной тюрьмы? Вряд ли тут поможет обычный поцелуй.

– Девичьи слезы горячи, – так же тихо сказал шаман. В задумчивости он водил ладонью по хрустальной грани, и мерцающий свет отбрасывал на его лицо пугающие отблески, и он казался совсем стариком, уставшим и седым.

– Вот только на девицу тут только Марья и тянет, – снова огрызнулась я, мысленно проклиная Финиста. Как заставить спящую красавицу плакать? Что пробьется сквозь толщу камня, что ее разбудит?

Озаренная глупой идеей, я всем телом повернулась к шаману. Меня снова начало потряхивать от нервного напряжения.

– Дай мне флейту!

Он замер на мгновение, словно сомневаясь, словно не находя в себе сил хоть на мгновение с ней расстаться, но все же доверчиво вложил ее в мои пальцы. Зажмурившись, я робко выдохнула первый трепещущий звук, едва слышимый, как сдерживаемый всхлип.

А затем заиграла.

Конечно, я не умела обращаться с флейтами, да что там, я никогда даже гитару в руки не брала, что уж говорить об инструментах сложнее! Но мелодия сама подхватила меня и начала управлять мной, говорить за меня. Душа мертвой девушки плакала, повторяя свою историю, увлекая всех нас в водоворот своего отчаяния. Я дала ей выговориться и выплакаться, вместе с ней заново переживая предательство, а затем заставила рассказать мою историю.

Мелодия взвилась к сводам пещеры, превратилась в тонкую нить и скользнула в крошечную, незаметную трещинку в кристалле. Теперь флейта плакала о моих ошибках, о моем беспросветном отчаянии, когда я не могла представить, как, как мне тянуть сестру, спасти ее от той ответственности, что обрушилась на меня лавиной. Флейта плакала о разрушенной дружбе, о забытом доверии, о холоде, разделившем меня и Марию вернее граней кристалла. Флейта плакала о моей усталости, о ее усталости, о ее страхе, когда единственный маяк в ее жизни погас, и она осталась в темноте.

Флейта плакала о том, что нельзя вернуть прошлое и потерянное, но можно создать новое, разжечь новый огонь, что осветит путь и обогреет.

Флейта плакала, и я плакала вместе с ней, ледяные слезы, совсем не горячие, текли по моим щекам, и исходящий от кристалла мороз превращал их в крошечные льдинки. Они падали, разбивались с тихим звоном, который нельзя было услышать и нельзя было не ощутить всем телом, и этот звон вплетался в рыдание флейты, в ее шемящую мелодию.

Когда легкие начали гореть с непривычки, я выдохнула последний звук и замерла. Костяная флейта тихо хрупнула в дрожащих пальцах и рассыпалась на крошечные частички: вместе с последней нотой ее покинула и мятущаяся душа девочки. Наверное, она тоже решила забыть прошлое и разжечь для себя новый огонь.

Кристалл стал прозрачным, словно от него осталась одна оболочка, тонкая, только тронь – и она разлетится на осколки. Мария шевельнулась, словно перекатилась по кровати, на ее щеке блеснула слезинка.

– Удалось! – одними губами выдохнула я, прижимая ладони к груди.

Очертания ледяной глыбы размылись и растаяли.

И когда от кристалла остался только холод и несколько блестящих кусочков на земле, Марья открыла глаза.

23. Начистоту

Я ждала ее первых слов и боялась их. Вот сейчас она ляпнет привычную грубость, и зыбкая радость встречи исчезнет, вернется тяжесть ярма на шее, тяжесть долга и ответственности. Но Марья молчала, тряслась и переводила взгляд с меня на Финиста и обратно. Когда пауза затянулась до неприличия, она порывисто бросилась ко мне и уткнулась лбом в грудь.

– Тише, милая, – дрогнувшим голосом прошептала я, осторожно обнимая ее за плечи. – Все хорошо. Я тебя нашла, сейчас мы пойдем домой...

Она тряслась в моих объятьях не то от запоздалого страха, не то от беззвучных рыданий.

– Ты уверена, что это настоящая твоя сестра? – тихо спросил шаман из-за спины. – Уверена, что не очередная тварь под личиной?

Я хотела рывкнуть на него, мол, как смеет он сомневаться, что после всех испытаний и мороков я снова могла обмануться. Но я смолчала. В конце концов, он прав, а мне могло глаза застит бездумное облегчение. Да и Яга предупреждала, что вместо сестры я могу найти пустое тело.

Словно почуяв мои сомнения, Марья подняла на меня глаза, испуганные, усталые и отчаявшиеся, повзрослевшие. Она не проспала все это время в камне, нет. Она ждала, не смея надеяться.

Я сглотнула ком в горле и, стискивая пальцы на ее плечах, тихо выдохнула:

– Я... я верю.

Не размыкая объятий, я осторожно повела ее к выходу из пещеры, прочь из темноты ее темницы.

– Не так быстро, дорогая моя, – Финист с улыбкой преградил нам путь. Марья сильнее прижалась ко мне, пытаюсь спрятаться, защититься от мертвого взгляда. – Напоминаю, тебе все еще нужно мое общество. Не лишай же себя его.

– С чего бы?

Финист с хрустом размял шею, и на секунду мне почудилось, что это огромная гниющая птица взъерошила перья.

– Во-первых, вспомни, что в твоей сестре живая, вкусная кровь, и сотни навих духов в клочья растерзают любого, чтобы впиться в ее тело, высосать ее досуха, а потом натянуть его на себя, как платье не по размеру... – Он резко повернулся в сторону, даже до того, как я услышала мягкие шаги шамана. – И не думай, что твой амулет ее спасет. Ты же не можешь не знать, – тут Финист растянул губы в неприятной улыбке, – он уже растерял почти всю силу. Да и что с тобой-то станется, если хоть такой – хлипкой да ненадежной – защиты лишишься? И в тебе лакомство для навий найдется!

Шаман замер, нерешительно поглаживая веревочку амулета. Мой верный друг смотрел только на меня, готовый пожертвовать собой ради шанса для меня и Марьи. Но я не могла принять такую жертву.

Отрицательно качнув головой, я тихо спросила у Финиста:

– А во-вторых? Тоже какая-нибудь гадость?

– Ты поразительно догадлива, хотя я и не стал бы называть это гадостью... Видишь ли, у меня было достаточно времени, чтобы твою сестру... скажем так, узнать получше, – он отвесил Марье глумливый поклон, и та со всхлипом отвернулась. На мгновение он сморщился, но все так же ядовито продолжил: – Конечно же, я не мог упустить случай и не отблагодарить твою сестрицу... самым подходящим образом.

В глазах потемнело. Как со стороны я услышала низкий хриплый рык, пальцы обожгло, словно кислотой, и в следующий миг, когда зрение ко мне возвратилось, я обнаружила, что сижу сверху на Финисте, вцепившись в его шею, пытаюсь душить, но его плоть под моими ладонями расходится, тронутая разложением. Я ни на йоту не усомнилась в грязных намеках сокола, и даже пузырящийся под ладонями гной не мог заставить меня разжать пальцы.

– Если ты, мр-р-разь, если ты ее хоть пальцем тронул, – сквозь зубы процедила я, все пытаюсь сдавить его горло посильнее, – я тебя уничтожу, я оциплю тебя, как курицу!

Я обтерла ладони об его же плащ и встала, нервно поводя плечами. Вспышка звериной ярости напугала и меня саму, но я старалась этого не показывать. Финист с трудом поднялся, широко разевая рот, как рыба, выброшенная на сушу. Тронутая разложением плоть медленно восстанавливалась, дыры среди истлевших мышц закрывала новая, чуть розоватая кожа.

– Ты слишком плохо обо мне думаешь, дорогая, – сипло произнес Финист, криво улыбаясь и потирая горло. Кажется, его тоже напугала моя ярость. Кажется, он сам уже был не рад своим словам.

– Он только меня порезал, – сдавленным шепотом выдавила Марья из-за спины шамана. Голос ее звучал чуть хрипловато, как после долгой простуды, и она растирала шею, всю в красных пятнах, словно не Финиста я душила, а ее. – Вот, чуть выше запястья, и крови собрал, – сестра расправила плечи и уже громче, со злой насмешкой произнесла, на мгновение став похожей на себя прежнюю: – И если я не ошибаюсь, то лучше бы он и вправду меня изнасиловал – ты ведь об этом подумала, так?

– Всего пара капель, – довольно улыбнулся Финист, блеснув мелкими зубами. – Для братания больше и не требуется.

– Зачем?! – с бессильной злобой выдохнула я.

– А ты разве не догадалась еще, моя дорогая? Или снова не хочешь замечать очевидные вещи? Теперь мы связаны, и, если тебе дорога сестра, будь добра, обращай со мной помягче. Разве я этого не заслужил? Разве не помогал тебе, не спасал тебя, не подсказывал верный путь? Может, – он с хитрым прищуром наклонил голову, – я заслужил поцелуй прекрасной девы? О, будь смелее, представь, что всего лишь целуешь сестру! Уверяю тебя, его она ощутит так же ясно, как и твои руки на шее!

Выдержав паузу и насладившись моим молчаливым отчаянием, он продолжил вкрадчиво:

– О, и не стоит забывать о стреле, пожалованной твоим дружком. Ее она тоже ощутила... хоть и не так ярко и полно, как я – кристалл, видишь ли, ее и от этого уберег. А ведь много ли надо девочке, чтоб умереть? Интересно, – он прищурился и склонил голову к плечу, – что бы ты сделала со своим трусливым приятелем, узнав, что, стреляя в ненавистного Финиста, он прикончил твою драгоценную сестрицу?

Со свистом втянув воздух, я размахнулась, чтобы отвесить ему оплеуху, но все-таки сдержала себя. Поддаваться на провокации – самое гиблое дело, особенно если это может причинить боль близким.

– Не поцелуешь? Какая жалость! К тому же, – из голоса Финиста исчезли глумливые нотки, теперь он говорил отрывисто и серьезно, – пока мы не покинем царство мертвых, ей стоит держаться со мной рядом. Никто не сможет защитить ее от навий лучше меня. Видишь ли,

наша связь имеет и обратную сторону: если что-то случится с твоей сестрой, то мне тоже не поздоровится. Да, вплоть до смерти, – он поймал мой взгляд и снова растянул губы в неприятной усмешке. – Рискнешь избавиться от меня таким способом?

– Да пошел ты!

Я отвернулась, не желая смотреть ни на Финиста, ни на Марью.

– Позволь еще напомнить, моя милая, наше время ограничено. Ты не слышишь, как шуршат камешки под гнилыми лапами навий, не слышишь, как под их когтями скрипит лед. Но позволь уверить тебя, они близко. И вместе с сестрой ты не сможешь пройти мимо них.

Финист лениво потянулся, прошелся по пещере, словно раздумывая о чем-то. Шаман нервно потирал костяшки, пристально следя за каждым движением сокола. Марья мелкими шажками перебиралась ко мне. Мрачный, завернутый в пованивающие шкуры волк ее пугал.

– Через избушку Яги ты вернуться не сможешь, – деловито произнес Финист, когда напряжение стало почти ощутимым. – Уверен, старуха тебя предупредила. Так что дальше твой путь – а вернее, *наш* путь – лежит к воротам в подземное царство. Ты, огонек наш путеводный, сможешь провести нас. Нас всех, я имею в виду. Сестру твою к воротам я отнесу, благо воздух – единственное место, где лес и его навьи не властны. А ты дорогу сама найдешь, не слепая уже.

Он шагнул к Марье, протянул ей руку:

– Прошу, сударыня.

Сестра затравленно оглянулась. Я не находила сил смотреть ей в глаза, я чувствовала себя предательницей и готовилась услышать справедливые упреки в свой адрес. Но Марья только сжала губы и вцепилась в ладонь Финиста.

– Чтоб ты сдох! – коротко выплюнула она ему в лицо.

Сокол рассмеялся. Второй рукой он охватил Марью за плечи, и их силуэты размылись, слившись в один. Я вскинула руку к глазам, защищая их от взметнувшейся пыли, и успела заметить только, как огромная облезлая птица выскользнула в трещину в своде пещеры.

Мы снова остались с волком вдвоем среди черных холодных камней.

– Что я наделала, – обессиленно выдохнула я, опускаясь на землю, – что же я наделала...

– Он встретит нас, где обещал, – постарался приободрить меня шаман, присаживаясь рядом. – Сейчас ему нет нужды лгать тебе.

«Ты и так сделаешь все, что он скажет», – непрозвучавшая фраза повисла в воздухе, очевидная нам обоим.

К выходу из пещеры я брела как в тумане, с трудом переставляя ноги, глядя на мелкие камни, раскатывающиеся из-под сапог. Кажется, шаман придерживал меня, направлял, не давал замереть, слепо уставившись в стену. Я же ничего не замечала, с упоением погружившись в черные мысли, раз за разом проклиная Финиста – за то, что обманул, и себя – за то, что позволила себе обмануться.

Слишком резко, слишком внезапно отзывчивый и благородный охотник превратился в хитрую глумливую тварь, и я задавалась вопросом, какое же лицо у него – истинное? Хотелось верить, что первое, что весь яд и насмешки нарочиты, наигранны, что ему самому неприятно играть выбранную роль до конца...

Но нельзя в это верить. Нельзя.

К моменту, когда мы вышли из-под каменных сводов, я уже успела взять себя в руки. Бесконечные «как я могла» и «да будь он проклят» поблекли и отступили вглубь разума, оставив меня усталой, опустошенной, но четко осознающей, что я должна делать.

За то время, что мы провели в пещере, небо успело посереть, словно что-то выпило из него все краски, оставив только мутно-белую, на которой даже тяжелые тучи терялись и казались не более чем разводами. Мир посерел, как присыпанный пеплом, и запах горечи в воздухе стал только сильнее. Но даже такой тусклый свет заставил сощуриться, на глазах выступили слезы.

Тропа уводила вниз, мимо оледеневших камней и мхов к согбенным сухим деревцам, стелющимся кустарникам и дальше, к лесу. Я с содроганием и тошнотой вспоминала его тяжелый прелый запах, папоротники, путающиеся в ногах, вечную тень от кряжистых деревьев, где холод мгновенно пробирал до костей. Попыталась было снова развернуть путеводную нить, протянуть тропу напрямую к воротам, к Финисту да Марье, но под веками беспомощно вспыхивали и гасли искорки, не спеша указать мне путь. Я запретила себе паниковать и пробовала снова и снова, пока в ушах не начало шуметь и кровь не потекла из носа крупными горячими каплями. От былой уверенности в своих силах не осталось и следа.

Шаман придержал меня за локоть, когда нога предательски подвернулась, и я едва кубарем не покатила вниз.

– Не спеши. Нас и так уже... поджидают.

Я сморгнула слезы и прищурилась, но ничего не увидела. Все та же круто уходящая вниз тропа, подступающий к ней лес, черные стволы, бурая, местами красноватая опавшая листва, зеленые мазки папоротника, черные полосы теней. Но, уже оборачиваясь к шаману, краем глаза я уловила мелкое движение, словно дерево веткой качнуло.

Вот только ветра не было.

Теперь я знала, куда смотреть и как смотреть, и видела их, медленных, длинноруких, ссутуленных, похожих на изможденных стариков, которые и рады бы умереть, да земля к себе не зовет. Они шли от леса, так же плавно и неторопливо, как туман подползает к окнам: иногда поднимали к небу гладкие, словно болванки, лица, то ли принюхиваясь, то ли прислушиваясь. Мы замерли, вцепившись в руки друг друга, не сговариваясь задержали дыхание, хотя и понимали: это бесполезно, нас уже заметили.

– Сестрица, – от волнения в сиплом голосе шамана снова прорезалось раскатистое рычание, – сможешь нас увести?

Я покачала головой и утерла с лица подсохшую кровь. На середине движения рука дернулась и плетью повисла вдоль тела. Пока не отдохну, я не то что путь искать или дорогу сплести, я просто идти не смогу!

Впрочем, подступающие навьи очень хорошо бодрили, прямо как пол-литровая чашка крепкого кофе с перцем. Позволить каким-то тварям высосать силы и натянуть на себя опустошенное тело в мои планы не входило.

Шаман шагнул вперед, чтобы стоять рядом, а не позади меня, тревожно перебрал узловатыми пальцами по истончившейся нитке амулета:

– Я мог бы...

– Нет.

Я тоже помнила слова Финиста о том, что амулет теряет свою силу и уже не может укрыть от тварей леса. Но Финист – лжец, а шамана я добровольно назвала братом, и биться теперь буду за него так же, как и за Марию.

Я должна защищать свою семью.

Я хочу их спасти.

Я уверенно двинулась вперед, не выпуская ладони шамана. Он покорно следовал за мной, подстраиваясь под мой шаг, доверяясь моим решениям. Он отказался от ритуала Яги, но я-то его прошла, я стала плоть от плоти леса, подобием его тварей. Меня не должны тронуть. Я – своя.

Когда до навий оставалось несколько шагов, шаман так крепко сжал мои пальцы, что я ощутила колючую щетку кристаллов, еще не успевшую прорвать тонкую кожу. Я осторожно, большим пальцем погладила его ладонь, успокаивая и утешая. Нет, брат мой, не на смерть я тебя веду, слишком велика твоя жертва, чтобы я могла принять ее.

Передо мной навьи вздрогнули и отступили, туманными языками растеклись по сторонам от тропы, все так же оставаясь на расстоянии в пару шагов. На меня они не обращали внимания, но головы их дружно повернулись в сторону шамана. Будь они змеями – высунули бы языки, чтобы попробовать на вкус воздух, чтобы ощутить волнение и страх жертвы, горячий запах живой плоти. Интересно, как они ощущают меня? Как равного себе? Или как что-то холодное, окостенелое: лист, прихваченный ледком, камень, покрытый сажей? Или не ощущают вовсе?

Я их чувствовала: их жажду и зависть, тлеющую угольками в пустой оболочке, тоску по забытым – и потому прекрасным – ощущениям живого тела. И убийственную, фанатичную веру, что капля тепла, пусть украденного, вырванного в междоусобной грызне, вернет и память, и жизнь, и солнце.

На какой-то миг я ощутила их чувства как свои собственные, и рот наполнился слюной, а сердце пропустило удар, забилось быстрее, разгоняя адреналин по телу. Пальцы дрогнули от нестерпимого желания впиться в мягкое, сочное, еще живое и дергающееся мясо, окунуться в горячую кровь, влезть в теплое нутро, отгородиться от снедающего холода и одиночества чужой кожей. Наваждение схлынуло, оставив после себя лишь тошноту. Я сплюнула вязкую и горькую слюну и громко сказала, глядя на темную громаду леса над головами навий:

– Он мой. Моя добыча, моя жертва. Ищите другую.

Не знаю, поняли они меня или нет, но они не напали. Навьи дали нам дойти до леса и скрыться среди черных стволов с перекрученной корой. Шорох и поскрипывание сухой хвои под ногами разорвали напряженную, гулкую тишину, и в мертвый лес вернулось подобие жизни. Налетевший ветер сорвал с веток горсть сморщенных листьев и швырнул мне в лицо, поземкой прошелся у нас под ногами. Где-то скрипели и вздыхали деревья. Птицы с мертвыми мутными глазами беззвучно разевали клювы. Где-то далеко очень знакомо всхлипнуло эхо, но прежде, чем я успела испугаться за Марию, вспомнила этот голос, плачущий и заманивающий путников в чащу.

– Как ты догадалась?

Я прикусила губу и смущенно опустила взгляд, но все же призналась:

– Я ощутила их голод. Навьи – не хищники, а стая гиен, им бы падаль подбирать или разрывать слабую добычу... и одинокую. А Яга сделала меня тварью леса, наверное, ничем не лучше Финиста. Одна разница, что временно.

Шаман шагал рядом со мной, благо тропа позволяла, пальцы все также сжимали ниточку амулета. Кристаллы уже почти полностью скрыли тыльную часть его ладоней. Из губ вырывалось облачко пара.

– Не жалею, что отказался. – И сразу, без перехода: – Они все равно идут за нами.

Я кивнула. Навьи ползли следом, сливаясь с тенями деревьев, шли, не тревожа толстый ковер сухой листвы, не издавая ни звука, не выдавая себя неосторожным движением. Но как жертва ощущает холодок в присутствии своего убийцы, так и мы знали: навьи не отстают.

– Гиены, – невесело оскалилась я.

За ними шел холод, а может – просто к ночи крепчал морозец, щипал за нос. Мы шагали быстрее и быстрее, но не могли согреться. Ледяной воздух обжигал гортань при дыхании, резал глаза. Пальцы быстро побелели, но я так и не решилась отпустить ладонь шамана.

Удивительно, но я не испытывала страха – только раздражение и злость. Так не вовремя! Когда я уже почти спасла Марию! Конечно, я помнила, что подземье, самая гнетущая часть пути еще не пройдена, но за ней маяком горело возвращение в родной, живой мир, не

идеальный, не любимый, но безопасный и теплый, и сейчас любое промедление вызывало злую и веселую ярость берсерка.

Да гори оно все огнем, и навьи, и Финист, и Яга со своими правилами! Я все равно смогу, вытащу и себя, и Марию, и даже шамана, выведу к свету, и под первыми лучами солнца, хоть зимнего и холодного, все ужасы растают и исчезнут, останутся мертвыми и далекими. А мы, живые, будем праздновать, радоваться и пить горячее, и нас ничто уже не тронет и не испугает, и лес навсегда останется где-то далеко, смутный и бессильный, как воспоминание о предрассветном кошмаре.

Нужно развести костер, думала я, и мысли путались. Сейчас развести, чтобы хоть как-то согреться и разогнать кровь? Или потом, мороз не страшен, пусть себе бушует, мы живые, в нас и так пламя, никакому холоду не потушить и не сковать!

Глаза слипались, хотя меня и трясло от озноба, и только ярость не давала мне сдаться и опуститься на колкую, покрытую инеем траву. Она гнала меня вперед, застила глаза белесой пеленой, и очертания леса двоились, сдвигались, и там, где только одна тропа петляла меж черных скрюченных деревьев, я видела развилку.

Не было ни путеводной нити, ни золотистых искр, но я все равно без колебаний свернула на зыбкую, словно морок, тропку. Шаман пытался удержать, остановить меня, но я не слышала его и тянула за собой. Мир расступался перед нами, как ткань под остро наточенными ножницами.

Главное, не останавливаться, повторяла я себе, не останавливаться. Кажется, в какой-то момент мы перешли на бег, и, хоть шаман прихрамывал и едва поспевал за мной, деревья вокруг мелькали все быстрее и быстрее, пока не слились в черные размытые стены, словно мы оказались в ущелье. Воздух, мертвый и сухой, царапал горло, но идти становилось все легче, и сковывающий, усыпляющий холод отступал, оставался за спиной – надеюсь, вместе с навьями.

Дневной свет впереди разгорался все ярче, пока не начал ослеплять. Я прищурилась и заслонила глаза от солнца, пытаюсь определить, куда же я нас завела. Лес темнел позади, голый и уродливый, от него веяло жутью и опасностью, словно он смотрел на нас сотней сотен жадных и злых глаз. Мы остановились среди

каменистых холмов, покрытых мхом и стелющимися кустарниками, частые обрывы и осыпи язвами испещрили дорогу.

– Мы уже были здесь, – шаман настороженно оглядывался, все не выпускающая амулет из пальцев.

– Да. Когда искали жар-птицу.

Я облизнула пересохшие губы, и на языке остался солоноватый железистый привкус. Шмыгнув носом, попыталась утереть текущую из него кровь, но только размазала по лицу.

Преддверие подземного царства навевало не жуть, а уныние, но мне уже не было дела до безжизненного и тоскливого пейзажа. В густой и неподвижной, как застывшая смола, тишине раздавался звук только наших шагов. Иногда мы переговаривались, но тихо, вполголоса.

Дорога оборвалась внезапно. Мы обогнули обрывистый холм, и я, шедшая на пару шагов впереди, едва не свалилась в пропасть. Вскрикнув, я отшатнулась назад, прижалась спиной к шаману, боясь потерять равновесие. Из-под ног вниз полетели мелкие камни.

Широкая расщелина разрезала мир на две части, она простиралась в обе стороны, докуда хватало глаз. Дна не было видно, его скрывала темнота, только размеренный шум поднимался из глубины, словно где-то внизу текла пенная, стремительная река. Или это воображение дорисовало звуки, не в силах выносить давящую на уши тишину. До противоположного края было не так уж и далеко – метров двести или триста, я даже видела, как на солнце ярко зеленеет трава между камней. Но как туда перебраться?

За спиной раздался хриплый смешок:

– Что же ты застыла? Прыгай, моя милая!

24. Шаг в пропасть

– Это дурацкая шутка, Финист.

– Это не шутка. Это, – он встал рядом со мной, у самого края, и широким, театральным жестом указал под ноги, – вход в подземное царство. Или – его пасть, тут с какой стороны посмотреть.

Марья подошла ко мне и, вцепившись в плечо, осторожно заглянула вниз. Я ощутила, как она вздрогнула всем телом.

– Не знаю, что вы там решили, но я не самоубийца, чтобы туда прыгать!

– Ты вполне можешь остаться на этом, без сомнения, уютном обрыве, моя дорогая Марья! Но тогда, боюсь, и твоя упрямая сестрица с места не сдвинется, а мне – вот незадача! – нужно, чтобы она вывела нас в мир живых! Так что, – он нагнулся к лицу Марьи и понизил голос, – ты шагнешь туда, моя милая. И пройдешь весь путь до конца.

Сестра спокойно его выслушала, а потом с силой ущипнула себя за правое предплечье. Финист скривился и прижал ладонь к не до конца зажившей ране.

– Умная девочка, – через силу он улыбнулся и, как ни в чем не бывало, продолжил: – Впрочем, я не предлагаю вам шагать в неизвестность сразу, без подготовки. Возможно, кому-то нужно победить страх высоты, а кому-то помолиться перед смертью – если сгинете под землей, точно попрощаться с жизнью не успеете!

На этих словах он так пристально и красноречиво смотрел на шамана, что у меня руки зачесались разбить ему лицо. Но я не стала поддаваться на такую топорную провокацию.

– Идемте, – я потянула за собой Марью и шамана. – Хотя бы отдохнем перед финишной прямой.

В тени холма мы развели костер, разделили последние горбушки зачерствевшего хлеба. Финист остался у края пропасти, не докучая нам своим обществом. Вскоре в сторону отошел и шаман, оставляя меня наедине с сестрой. Наконец, я нормально смогла поговорить с Марьей – впервые после ее спасения.

Сестра старалась держаться поближе к огню, сидела так близко, что при неосторожном повороте головы могла бы опалить волосы.

Хлеб над языками пламени она держала до тех пор, пока он не начал дымиться и обугливаться.

– После моего... сна, – тихонько сказала она, не поднимая глаз от мерцающих угольков, – я все время мерзну. Кажется, что вот-вот снова начну инеем покрываться!

– Ты все время спала?

– Ну... почти. Я все равно слышала, что этот... – она замялась, покосилась в мою сторону, но все-таки с ожесточением продолжила: – Этот мудака рассказывал! Он приходил иногда, уже после того раза, как кровь взял, ну и болтал. Говорил, это его долг, типа, свою спасительницу развлекать! Ага, как же, глумился он просто. Рассказывал, что ты меня ищешь, что в лесу заблудилась, что к какой-то царице попала... Не помню точно.

Она нахмурилась, подобрала мелкий камень и кинула в угли. Сноп ярких искорок брызнул вверх.

– Я не хотела, чтобы ты приходила, – с неохотой продолжила Марья. – Урод этот слепой постоянно твердил, что за мной-то ты точно придешь, прямо к нему в руки. Я сама виновата, что попала на его дурацкую уловку, я... я не хотела и тебя подставить.

Хотелось сказать, что раньше по ее поведению незаметно было, что она вообще обо мне думает, но я сдержалась. Не стоит припоминать старые обиды – на их костях не построить будущего.

С грустной улыбкой я взъерошила ее волосы:

– Я не могла не прийти за тобой. Ты же моя сестра.

Она вздрогнула, глянула исподлобья зло и диковато, огрызнулась не раздумывая:

– Ну еще бы! Это еще и потому, что ты тоже виновата! Виновата, что я вообще схватилась за эти перья!

– Да, я тоже виновата.

Я лгала, и мы знали это, как знали и то, что нам обеим нужна эта ложь. Марье – чтоб не похоронить себя под неподъемным грузом вины. Мне – чтоб верить, что от меня хоть что-то зависело, что я могла что-то изменить.

Ее глупая злость тихо и быстро исчезла. Марья понурилась, устыдившись своей вспышки, срывающимся голосом пробормотала:

– Когда он оставлял меня одну, я спала... или бредила. Было очень-очень холодно и стыдно. Как будто все эмоции заморозили, и я со

стороны на себя смотрела. Я б себя убила на твоём месте, вот правда! Или стукнула... Я знаю, тебе было бы лучше без меня! От меня вечно одни проблемы, ты сама говорила!

Нет судьи более сурового, чем ты сам. Когда Марья не могла оправдать себя, она переходила к иступленным обвинениям, надеясь, что слова утешения для нее найдутся у других. Со вздохом я прижала ее к себе.

– Я все равно тебя люблю. Правильную, неправильную – неважно. Любую. Ты моя семья.

Она всхлипнула и прижалась ко мне плотнее. Так мы и сидели, пока не начали сгущаться сумерки. Когда тень от холма удлинилась и накрыла нас с головой, а угли полностью остыли, к нам подошел Финист.

– Пора, – он был на удивление спокоен и сосредоточен, на время оставив паясничество. – Вам лучше не знать, какие твари сюда сползутся, когда окончательно стемнеет.

Идея шагнуть в пропасть мне все еще не нравилась.

– Что мне нужно делать? – Я напомнила себе, что впереди меня ждет возвращение в мир живых, и это помогло смириться с неизбежным.

Финист пожал плечами.

– Вряд ли мой опыт тебе чем-то поможет – учитывая, как все для меня закончилось. Могу только предположить: идти куда глаза глядят или ноги несут – только ты сможешь найти правильный путь... или сотворить его. Нельзя останавливаться. Нельзя сворачивать с пути. И трогать тоже лучше ничего не надо.

– Дай угадаю – оглядываться тоже нельзя?

Финист снова театрально развел руками:

– Видишь, моя дорогая, ты лучше меня знаешь законы подземного царства! Так веди нас навстречу свету!

Я только устало закатила глаза, а Марья скривилась и снова ущипнула себя за руку. Финист на этот раз только вздрогнул и недовольно заметил:

– Знаешь, маленькая сестричка, повторенная шутка вместе с новизной теряет всю свою прелесть.

Марья снова себя ущипнула и огрызнулась:

– А ты побольше молчи и не заставишь меня снова ее повторять!

Финист раздраженно отмахнулся и размашисто зашагал к пропасти.

Я с трудом встала, разминая затекшие ноги. Снова холодало, в сумерках белесый пар, вырывающийся изо рта, был виден особенно отчетливо.

– Ну что, Эвридика, ты готова?

Марья кисло улыбнулась, но встала рядом со мной. Если ей и захотелось снова съязвить, она сдержалась. Шаман словно тень возник у меня за спиной. Хотя шаги его были почти беззвучны, я все равно могла слышать, как он приближается – как скрипят друг об друга мелкие кристаллы, вспоровшие его кожу.

Над пропастью я остановилась. Первобытный страх перед высотой удерживал меня, я чувствовала, как немеют ноги и холодеют кончики пальцев.

– Увы, не могу подать тебе личный пример, – Финист встал за моей спиной, положил горячую ладонь между лопаток. Но если раньше этот жест успокаивал, то теперь я только сильнее напряглась. – Но могу помочь сделать первый шаг.

Сердце глухо бухало, и сквозь шум крови в ушах я едва расслышала свой голос:

– Не надо. Я сама.

Глубокий вдох. Выдох. Первый шаг в пустоту дался тяжело, но под ногами оказалась твердая поверхность. Еще шаг. И еще.

Мир перевернулся. Отвесная скала, уходящая в темноту, в подземную глубину, теперь оказалась под моими ногами, незыблемая, как сама твердь. Далеко над головой темнел каменный свод – противоположная стена расщелины. Из-за спины еще струился тусклый свет умирающего дня. Захотелось обернуться, посмотреть – как же теперь выглядит мир? Пустота позади? Небо с далекими каплями звезд? Но я запретила себе это делать, сжала кулаки и медленно пошла дальше, считая шаги.

На десятом окликнула:

– Эй? Вы здесь?

– Не переживай, моя дорогая, – хриплый голос Финиста раздался гораздо ближе, чем я ожидала, – конечно же, мы все здесь, следуем за тобой неотступно, о светоч наш!

– Заткнись уже, а? – это уже Марья. Я улыбнулась, уловив в ее недовольном голосе привычные злобные нотки.

– Да, мы идем за тобой. Не бойся. – Шаман. Теперь я спокойна.

Голоса звучали совсем рядом, словно друзья стояли за моей спиной и едва ли не в затылок дышали, но ни их шагов, ни дыхания я не слышала. Только свои шаги, осторожные и размеренные, тихое шлепанье кожаной подошвы по камню. И шум. Незаметно нарастающий, как далекая лавина, грохот водяных валов, разбивающихся о валуны, звон капель, с огромной высоты падающих на камни. Я почти поверила в это, почти почувствовала холодный и свежий запах подземных источников, когда поняла: это не вода шумит впереди.

Что-то огромное с трудом дышало и хрипело, как в тяжелом кошмарном сне. Я запретила себе думать о том, что это может быть за чудовище, сосредоточилась на шагах, но теперь звук чужого дыхания стал невыносим – казалось, он заглушал даже мои мысли.

Я попыталась заткнуть уши, но это не помогло. И тогда я взмолилась:

– Говорите, пожалуйста! Хоть о чем-нибудь!

– Я бы с радостью развлек тебя беседой, моя дорогая, – совсем как раньше! – но твоя юная сестра так настойчиво просила меня молчать, что я не мог не исполнить ее просьбу!

Кажется, кто-то попытался ударить Финиста (и я даже догадываюсь, кто), но он только рассмеялся.

– Пожалуй, я расскажу тебе о том, что сам слышал в шепоте леса, что узнал у мелкой нечисти и голодных навий. Никто из них и близко не подходит к подземному царству – им, мертвым, лишенным света, никогда не выбраться из здешней тьмы, вечно плутать в ней и стать ее частью. – Тихий смешок. – Тут я с ними согласен, уж лучше с лесом договор заключить, чем совсем себя потерять. Поговаривают – тех, кто рискнул к миру живых прорваться, сожрало что-то, переварило и тьмой, навьями изрыгнуло. Вернее, *кто-то*. Марья, прекрасная моя, может, знаешь, о ком я речь веду? – И не дожидаясь ни ответа, ни разъяренного шипения подростка, Финист продолжил: – Кощей, царь и пленник подземного царства, способный пожрать и Навь, и Ирий, да и мир живых надкусить тоже – и бессильный выбраться из своей каменной темницы, дотянуться хоть до кого-то...

Голос Финиста, как и раньше бывало, стал глубоким и звучным, как у сказителя, погрузившегося в свою историю. Он заглушил тяжелое дыхание подземного чудища, и я сосредоточилась на его словах.

– Говорят, изъеденный собственной злобой, ненавидящий собственный голод, он уснул глубоко под землей и ворочается, когда сны становятся слишком беспокойными... или, – Финист тихонько рассмеялся, – или когда новые безумцы приходят попытать удачу. Кто знает, может, именно его дыхание мы сейчас слышим?

– Ты завел нас в ловушку! – голос Марьи дрожал от ненависти.

– Ты разбиваешь мне сердце такими серьезными обвинениями, маленькая сестрица! Но посмотри: ведет нас твоя сестра, а не я! И даже если это ловушка – то я в ней вместе с вами.

Больше всего я боялась, что голоса эти – или морок подземного мира, или изощренный самообман, а ни Марьи, ни шамана, ни Финиста за моей спиной нет, и я снова одна иду в крошечной тьме навстречу неизвестности.

Нельзя оборачиваться, повторила я себе, нельзя проявлять слабость. Но все же не выдержала, протянула назад ладонь (хотя кто увидит мой жест в темноте?!). Моих пальцев коснулась чья-то грубая и сухая рука, я ощутила холодные грани кристаллов. Шаман.

Его голос звучал тихо, и говорил он через силу, с хрипом.

– У нас верили, что на границе между миром людей и миром духов стоит страж и бдит неусыпно. И не подкупить его, и не запугать, и не договориться. И если идешь ты в мир духов с нечистыми мыслями да дурными намерениями, если возвращаешься в мир людей запятанный и оскверненный, то бросит он твою душу наземь и разрубит на десятки кусков, и разбросает те куски по всем трем мирам, чтоб никогда они не собрались воедино. И каждый кусок переродится и вернется, и будет ощущать свою ущербность, нецелостность, и будет тосковать и искать остальные свои части...

– А что будет, если найдет?

– Нашим старым шаманам то было неведомо: никто еще не находил, не встречал свои потерянные части, не собирал их воедино. Но оно и к лучшему. Если страж осудит душу, то не стоит идти против его воли. Не стоит идти против воли духов.

Я тихонько вздохнула: да уж, мои друзья, как никто, умеют поддержать в сложной ситуации!

– А у меня нет сказки, – после продолжительного молчанья заявила Марья. – Потому что мы еще не выбрались, значит, сказка не закончена. Черт ее знает, какой там еще конец у нее будет!

– Хороший, – шепнула я, – обязательно хороший.

Темнота была такой же густой и кромешной, как в черных водах, но меня она больше не пугала. Я не видела ничего вокруг себя, но знала – по сторонам возвышаются сросшиеся сталактиты и сталагмиты, изогнутые неведомой силой до такой степени, что больше напоминают огромные ребра. Или это и есть окаменевшие ребра, но этот вариант мне не нравился, и я старалась о нем не думать.

Иногда я была уверена, что иду по тонкому мосту над пустотой, и радовалась, что не вижу его – иначе сохранить равновесие, да и спокойствие, было бы гораздо труднее. Воздух начал горчить, словно где-то далеко впереди полыхали огромные костры, перед лицом парили хлопья пепла – невидимые, но осязаемые. Их прикосновение было так же противно, как и прикосновение крылышек ночных мотыльков.

Талисманы Яги с каждым шагом наливались тяжестью и тянули вниз, словно оковы с гирями. Когда я не смогла поднять руку, чтобы отмахнуться от пепла, я сорвала кольцо с пальца, сдирая кожу. Тяжелым и холодным камнем оно осталось в моей ладони. Незачем нести с собой кусочек Нави. Мысленно поблагодарив Ягу (вслух – никаких «спасибо»!), я позволила кольцу скатиться вниз. Беззвучно оно кануло в темноту, а следом за ним последовали оба браслета, пояс и обруч. Мне даже дышать стало легче.

Запах дыма и гари стал сильнее, впереди мелькнуло красноватое зарево. Я прищурилась и ускорила шаг.

– Вы тоже это видите?

– Мы видим тебя, – пальцы шамана легко мазнули меня по плечу.

– Угу, – буркнула Марья, шмыгнула носом. – А еще воняет здесь. Словно кто-то разбил сотню тухлых яиц!

Обоняние у сестры всегда было лучше. Только через несколько шагов я сама ощутила удушающий серный смрад. Жар становился невыносим, по виску щекотно скатилась капелька пота.

– Вот только не говорите мне, что мы дошли до ада, и нас сейчас черти с вилами встретят!

Дышать приходилось тяжело и медленно, и я жалела, что не прихватила сюда флягу с водой. Горло пересохло, и горячий воздух при каждом вдохе наждачкой проходил по нутру.

Всполохи становились все ближе, раскаленный воздух дрожал перед глазами, размывая языки пламени впереди, и они казались сплошным бурым потоком.

Это и был поток. Река темного гудящего пламени неслась сквозь темноту подземного мира, отрезая нас от выхода в мир живых. Языки огня вздымались волнами, захлестывали тонкий, докрасна раскаленный мост. В мареве, в пляске теней и алого пламени невозможно было разглядеть, что же по ту сторону реки.

Когда жар стал совершенно нестерпимым, я все-таки остановилась.

– Река Смородина и Калинов мост, – с мрачным удовлетворением произнес Финист и встал рядом со мной. – Признаться, я так и не верил, что мы сможем сюда добраться.

Марья высунулась вперед, но сразу же отшатнулась обратно, мне за спину, морщась и потирая нос.

– Отлично, – я скрестила руки на груди. – Мы дошли. Что твой план предусматривает на этот счет?

– А что тебе говорит твоя интуиция, о свет наш путеводный?

Пока мы вяло пререкались, шаман, как зачарованный, шел вперед, словно не чувствуя обжигающего дыхания реки. Шкуры на нем уже начали дымиться и тлеть, но он продолжал механически шагать, пока не подошел к мосту. Я кинулась за ним, чтобы остановить и оттащить прочь, но не успела. Мареве дрогнуло, размыло очертания пышущего жаром моста, и он изогнулся, как огромная змея. Поднялся на хвосте, гигантский, ужасающий, полыхающий алой и рыжей чешуей, такой яркой, что огненная река рядом с ним казалась его тенью, не более. Открыл глаза, белые-белые, как раскаленный металл. Уставился на нас.

– О боже, – выдохнула я, забыв все правила и запреты. Но здесь они уже не имели силы, как и законы леса. Рядом с огромным пылающим змеем не было места для иных законов, кроме его собственных.

– Надо же, – голос его потрескивал, как костер, облизывающий крупные смолистые поленья, – новые глупцы на обед пожаловали! Давно, давно никто не приходил, меня не будил! Я даже имя храбреца запомнил. Они, храбрецы, любят перед смертью представиться, имя свое прокричать погромче! Воспитанные, не иначе!

Змей расхохотался, довольный своей шуткой, огромным языком обмахнул морду. Прищурился, разглядывая наши фигурки, мелкие и жалкие рядом с ним.

– А вы, маленькие человечки, вы воспитанные? Будете свои имена называть, моей смертью себя величать?

– Молчи! – едва разжимая губы, взмолился Финист, сжимая кулаки и что-то пристально высматривая за спиной огненного змея.

– Я не для того в Навьем царстве хранила имя в тайне, чтобы в подземном мире выболтать его первому, кто спросит!

Змей склонился над нами, пристальнее меня разглядывая. Обжигающий воздух хлестнул по лицу, я зажмурилась, защищая глаза, чувствуя, как кожа покрывается волдырями ожогов.

– Смело, – наконец выдохнул змей, – хоть и бессмысленно. Я все равно проглочу вас всех, с именем или без.

Я нервно закусил губу, пытаюсь быстро что-то сообразить, придумать, найти выход из этой ситуации. Уйти? Обмануть? Торговаться? Но что я могла предложить ему?

– Если хочешь сожрать нас, начни с меня.

Голос шамана прозвучал резко и неожиданно, как удар хлыстом по воде, он перекрыл и гудение пламени в реке, и свистящее дыхание змея.

– Вот как? – Змей удивленно прищурился, сжался в тугую спираль так, что его острая морда оказалась на одном уровне с лицом шамана. – Ну как я могу отказать смельчаку в такой просьбе?

– *Что?! Шаман, нет! Не надо!*

Он обернулся, грустно и виновато развел руками:

– Это и есть мое испытание. Прости.

Змей торжествующе распахнул пасть и стрелой рванулся вперед. Я зажмурилась и вцепилась в плечи Марьи, не желая видеть смерть друга.

Он даже не вскрикнул.

Что-то вцепилось мне в плечи, поволокло вверх. Прежде, чем я успела испугаться, услышала отчаянное:

– Держитесь крепче!

Финист обернулся мертвым соколом, огромной птицей, его желтоватые острые когти бережно сжали меня и Марию. Пока змей отвлекся, заглывая шамана, Финист на огромной скорости рванулся над ним, на ту сторону огненной реки.

Бесполезно. Пламя взметнулось, обьяло нас ослепляющим коконом, сдирая одежду с тела, а плоть с костей, выжигая мысли, воспоминания и эмоции, пожирая саму нашу суть и оставляя вместо нее белое-белое пламя. И в этом пламени остались только два чувства: бескрайняя боль о погибшем брате и иступленное желание уберечь сестру.

Я жмурилась и кричала, и пока чувствовала тело – прижимала к себе Марию, не желая перед неминуемой смертью выпускать ее, только обретенную, из рук. Мы все еще летели: когда пеплом осыпались перья, кажется, одни только злоба и воля Финиста несли нас вперед.

Но, в конце концов, иссякли и они.

Когда затихли свист воздуха и вой пламени, гневный рев змея и мой крик, когда пропали все звуки, словно их просто отключили, я успела подумать «вот и все». Сейчас исчезнет боль, словно стертая ластиком, растворятся страхи и сомнения, останется только Мария в моих руках – единственно важное, единственно ценное. И лес, и Финист останутся позади, останутся жутким сном, пусть этот сон и превратится в бесконечную тишину смерти.

Сердце еще успело пару раз заполошно стукнуть, а потом я услышала глухие подвывания матери из-за стены, гул автомобилей с улицы и прерывистое, сквозь зубы, дыхание Марии. До последнего боясь верить, я открыла глаза.

Вернулись.

Все-таки мы вернулись.

Эпилог

Я поправила оградку на могиле отца и выпрямилась, потирая поясницу. Марья, закончив убирать мусор, положила рядом с надгробием две гвоздики. На черной земле, едва прикрытой первым снегом, они смотрелись двумя кровавыми пятнами.

– Кажется, все? – Марья неуверенно посмотрела на меня.

Я кивнула, все еще погруженная в свои мысли.

Что бы ни произошло пару месяцев назад, это нас сблизило. Помогло забыть свои предубеждения и обиды, откровенно поговорить, обсудить. Марья обуздала свой характер и, хотя все еще временами вредничала, помогала мне заботиться о матери – и о себе, конечно. Она перестала мне мешать выполнять мой долг – и за это я была признательна ей больше всего.

Может, пройдет время, и мы снова сблизимся, как раньше, снова станем сестрами без деления на старшую и младшую. Но для этого нужно повзрослеть и измениться нам обоим – прошлую, разрушенную дружбу не вернуть даже самой сильной магией.

Впрочем, о магии, о лесе с его тварями мы старались не вспоминать, старательно делали вид, что ничего не было, просто слегли обе с жуткой простудой на неделю, бредили страшно. А что бред одинаковый, так мало ли чего в мире не бывает?

Впрочем, именем Финиста Марья иногда ругается, в сердцах поминает его вместо черта. Кажется, она верит, что он сгорел, пытаясь прорваться мимо змея, или просто мир живых его не принял, отторг, отшвырнул обратно, в змиеву пасть, в белое пламя. Я не знаю, что и думать. Финист не из тех, кто способен потерпеть поражение в самом конце затеи и уж тем более смириться с ним. Если он не дает о себе знать, то оно и к лучшему.

Как бы мы ни старались, нам все равно не удавалось делать вид, что ничего не было. Марья полюбила теплые вещи, постоянно куталась в свитера и пледы, ни на минуту не оставалась в тишине. Но это пустяки: мало ли как могут измениться вкусы в переходном возрасте.

Я же... я все чаще замечала за собой странности, которые на вкусы не спишешь. Синяки и царапины затягивались за считанные часы, а яркий свет – неважно, дневной ли, электрический – вызывал резь в глазах. И постоянно хотелось спать, жутко, до одури, но выспаться я не могла. Сны, темные, глубокие, муторные, не отпускали меня. Я видела странные места, заброшенные храмы, скрытые песком города. Мне снилось, как ветшает и погибает наш мир, медленно и неотвратно, как время заканчивается и наступает темнота. Я чувствовала нетерпение и предвкушение, я ждала этого, как самого желанного подарка на Новый год, но это были не мои чувства.

Иногда, после пробуждения, темная пелена еще долго стояла перед моими глазами, и мне казалось, что в моих мыслях есть еще кто-то. Кто-то, кроме меня.

По сделкам с древними божествами всегда приходится платить в стократном объеме.

– Эй? – Марья дернула меня за рукав. Я вздрогнула, возвращаясь в здесь и сейчас.

Огляделась, проверила, все ли мы собрали. Уверенно кивнула:

– Все хорошо. Идем домой.

Ветер легко касался редких неопавших листьев, едва качал ветки. Сухая листва под ногами похрустывала, как первый ледок. Все хорошо, повторяла я себе, все хорошо. Я прошла через лес, и он изменил меня. Я прошла через лес, но не нарушила его законы, я играла по правилам, и я выиграла.

Значит, все закончилось, все действительно закончилось.

Но в шелесте листьев, в гуле машин, в свисте ветра мне мерещился издевательский голос Финиста:

– Ты же знаешь, что ничего не закончилось. Не так ли, Анна?

* * *

Раскаленная добела змеиная глотка обернулась далеким осенним солнцем, а ее испепеляющий жар – мягким теплом бабьего лета. Не было больше ни огненной реки, ни черных каменных сводов – только старенький деревянный мостик и виднеющаяся в прозрачной дали родная деревня.

Добровольно пожранный змеем, он, наконец, погиб и – воскрес к новой жизни, вернулся очищенным и обновленным, свободным от

ужасов и мерзости мертвого леса.

Посвящение завершилось, хоть и слишком поздно.

Незримый, он шел по чудовищно изменившимся улицам, смотрел и не узнавал дома и деревья, но чуял за внешней, нарощей слой за слоем кожурой все такое же родное и неизменное ядро. У низкой избы на отшибе замер, прежде чем шагнуть под темный свод, к спящему неподвижному телу. Смотреть в собственное обезображенное старостью лицо все еще было страшно.

Но он и так слишком долго тянул. Если что он и выучил из страшных уроков духов – не медлить.

И уже возвращаясь в тело, сливаясь с ним, вращая в него, он оглянулся, на один короткий миг увидел мир глазами и человека, и духа. Тени изломанных черных ветвей ложились на небо и землю, словно огромные трещины, сквозь которые смотрело далекое, холодное, мертвое. Лес медленно вползал в мир живых, запуская корни, оплетал ими каждый камень, каждый дом.

Мертвый, изуродованный лес, наконец, обманул Ягу. Но не за шаманом он шел, не по его следам.

Старческие губы дрогнули в забытой попытке говорить:

– Что же ты наделала, сестрица?

Благодарности

Путь через темный лес и Навье царство был тернист и опасен, и, оглядываясь назад, я хочу поблагодарить всех, кто прошел его со мною до конца.

Хочу выразить свою безграничную благодарность:

– Ольге Канюшкиной, моему самому первому и самому взыскательному читателю. Спасибо, что выслушивала меня, вместе со мной искала тайные тропы через лес и делала их мягче для следующих читателей.

– Моей семье за веру в меня и поддержку. Благодаря вам мне хватило сил пройти этот путь.

– Дарье Крупкиной за костяной терем и пристальный взгляд в Навь.

– Чудесным художницам Rojka, Ethel, Aerynn и Ирине Кварталовой за магию линий и цвета.

– Жене Сафоновой – за советы и готовность поддержать на нелегком авторском пути.

– Ксюше Хан за деликатную и внимательную редактуру. Благодаря тебе «Лес», наконец, получился таким, каким я и хотела его видеть.

– Насте Капитошке – за веру и любовь, за магию красивых книг. Если история – птица, то именно ты подарила ей крылья, чтобы взлететь.

– И, конечно же, моему редактору Кире Фроловой – за веру в историю, тепло, внимательность и терпение. Работать с вами – настоящее удовольствие! Я счастлива, что вы решили взять «Лес» в свои руки.

– И всем-всем читателям, прошедшим путь через лес вместе со мной и Соколицей. Спасибо, что читали, переживали и верили.

1

Пикник «Серебра!»

2

Анна Ахматова «Черная вилась дорога...»